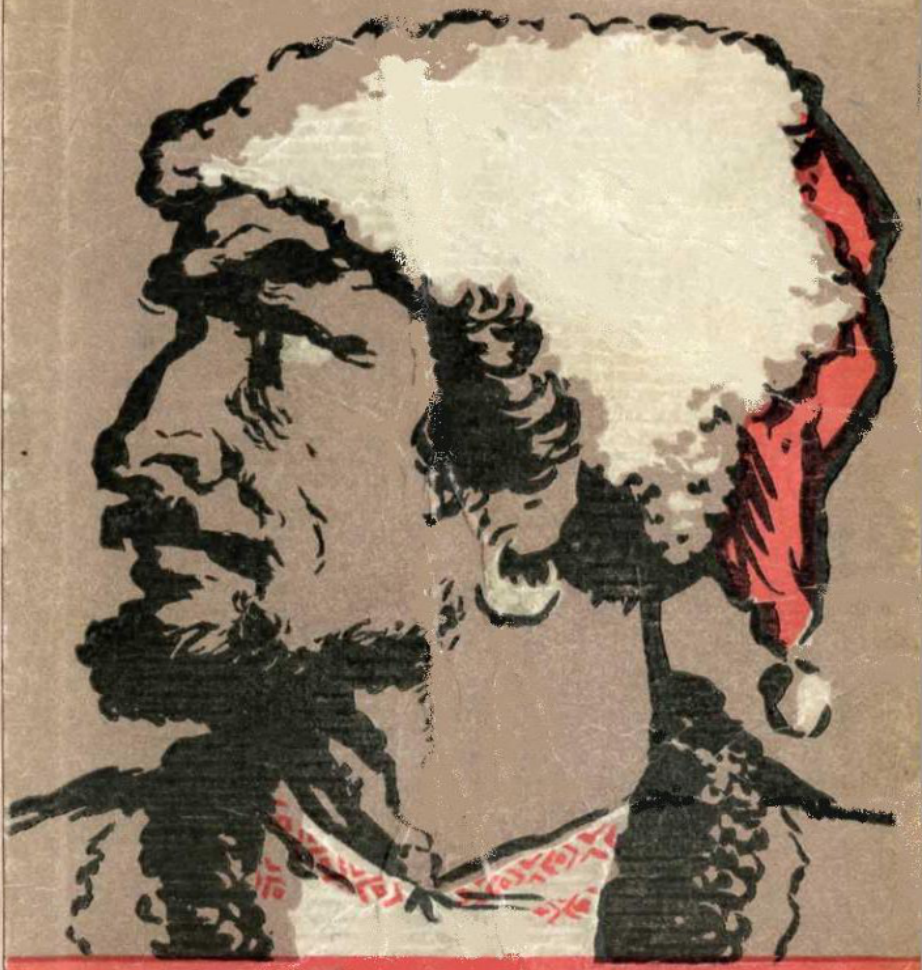
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ



Н. Задонский

КОНДРАТИЙ БУЛАВИН

Н. Задонский КОНДРАТИЙ БУЛАВИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга писателя Н. Задонского рассказывает о восстании под предводительством бахмутского атамана Кондратия Булавина, в ходе которого беднейшее казачество и крестьяне создали «Донскую либерию», свое правительство, низложили зажиточную казацкую старшину, сами чинили суд, решали дела свои демократически.

В основу книги положены подлинно исторические свидетельства, народные сказы и предания о Кондратии Булавине и вольнолюбивой голытьбе. Сочный язык, яркие, запоминающиеся образы предводителей восстания и рядовых его участников скреплены писателем документами, многие из которых он собрал сам в архивах и у любителей старины.

- Задонский Николай Алексеевич
  -
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНДРАТИЯ БУЛАВИНА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Задонский Николай Алексеевич
КОНДРАТИЙ БУЛАВИН

Тихий Дон никогда не стихал. Сюда стекались со всей Руси те, кто не хотел надевать на себя крепостническое ярмо; шел на Дон и боярский холоп, и монастырский служка, пробирался работный люд с Астрахани и из-под Воронежа, беглый солдат и посадский подмастерье.

«С Дона выдачи нет». И, когда правительство Петра I попыталось силой вернуть беглых, Дон запылал. Темной ночью казацкая голытьба под предводительством бахмутского атамана Кондратия Булавина вырезала царских «сыщиков» и грудью стала за старинные вольности донские.

Книга писателя Н. Задонского рассказывает об этом замечательном восстании, в ходе которого беднейшее казачество и крестьяне создали «Донскую либерию», свое правительство, низложили зажиточную казацкую старшину, сами чинили суд, решали дела свои демократически. В основу книги положены подлинно исторические свидетельства, народные сказы и предания о славном Кондратии Булавине и вольнолюбивой голытьбе. Сочный язык, яркие, запоминающиеся образы предводителей восстания и рядовых его участников скреплены писателем документами, многие из которых он собрал сам в архивах и у любителей старины.

Восстание К Булавина, так же как и все крестьянские войны феодально-крепостнической эпохи, было обречено на поражение, но оно сделало свое дело, пробив еще одну брешь в толще феодализма и тем самым способствуя победе новых, более прогрессивных буржуазных отношений.

Внучке Леночке эту правдивую и печальную повесть о донской либерии и ее вожде посвящает автор

На вершинах было, братцы, на Булавинских,
Собирались, соезжались там, братцы,
Люди вольные, беспачпортные…

(Из старинной народной песни)

ВСТУПЛЕНИЕ

Я познакомился с ним давно, еще в детские годы… Это был красивый чернобровый казак средних лет, горячий, смелый, самолюбивый, упрямый. Ходил он всегда в богатых бархатных казацких кафтанах, мягких сафьяновых сапогах, с небрежно засунутыми за кушак пистолями и запорожской саблей, а в левом ухе поблескивала большая золоченая серьга. Таким выглядел Кондратий Булавин в рассказах донских старожилов и моих родных, считавших себя потомками булавинцев, выселенных после бунта в верховье Дона.

Рассказывали мне о том, что был Булавин в азовских походах и будто царь Петр чем-то обидел гордого атамана, и вскоре поднял он на царя и бояр «всех казаков и черный люд», долго и успешно воевал за вольность, а затем, преданный своим другом, застрелился.

Несмотря на то, что со времени Булавинского восстания прошло свыше двух столетий и устные рассказы о вожде восстания дополнялись всяческим вымыслом, народная память все же очень любовно хранит героический облик Кондрата, «ставшего за народ» в далекие, тяжелые времена.

Совсем другая, весьма неблагоприятная характеристика вождя одного из крупнейших народных восстаний была мною обнаружена в письменных и печатных документах, знакомство с которыми я начал в тридцатых годах по задонским и воронежским архивам. В библиотеке некогда знаменитого Задонского монастыря я нашел много всевозможных документов, в которых Булавинское восстание обрисовывалось как бунт против петровских реформ, поднятый на Дону беглыми стрельцами и раскольниками. Святейший синод прямо предлагал духовенству «рассматривать булавинский бунт как именно раскольническое движение».

А воронежские историки Дольник и Второв, работавшие в середине прошлого столетия над местными булавинскими документами, определяли причины восстания следующим образом: «Во время тяжкой борьбы Петра Великого со шведским королем Карлом XII Мазепа, гетман малороссийских и запорожских казаков, прельщенный обещаниями Карла и в надежде сделаться независимым владетелем, изыскивал средства к привлечению на свою сторону донских казаков. Не смея еще действовать открыто, он тайно избрал в соумышленники донского походного атамана Кондратия Булавина, который тогда

охранял границы со стороны Донца и города Бахмута, где донское войско имело соляные варницы… Булавин под тайным покровительством Мазепы набирал в Малороссии и Запорожье всякую сволочь, отсылая их в свои отряды, скрывавшиеся в степях за Миусом…»

Подобные свидетельства на первых порах сильно смущали. Герой моих детских лет обрастал бородой раскольника, и меркла слава его, когда думалось о возможной близости атамана с предателем гетманом. Впрочем, как только я получил возможность ознакомиться с булавинскими материалами и документами, хранившимися в центральных архивах, стала ясна лживость вышеприведенных свидетельств.

Царь Петр, укреплявший государство в интересах помещиков и нарождавшегося российского купечества, первым понял, что жестоко подавленное им народное восстание, имена его вождей будут долгие годы возбуждать вольнолюбцев, и поэтому принял меры к тому, чтоб скрыть правду о размахе восстания и чтоб «о злом воровстве донских казаков» вообще поменьше говорили. Петр не разрешил даже воронежскому епископу предать Булавина анафеме, справедливо полагая, что эта поповская затея будет вызывать излишние и опасные толки в народе.

После Петра правительство продолжает замалчивать антикрепостническую сущность Булавинского восстания, умышленно стараясь очернить личность Кондратия Булавина, производя его и в «дурня», и в «раскольника», и в «агента Мазепы».

На Дону, где домовитое богатое казачество превращается в подлинный оплот самодержавия, тоже боялись правды. А. И. Микоян в одной из своих статей справедливо отметил, что «казачьи верхи скрывали от народных масс казачью историю или представляли ее совершенно в извращенном виде, зачастую выводя Разина, Булавина и др. в виде разбойников, тогда как они были подлинными революционерами своего времени».

Только после Октябрьской революции, когда были распечатаны архивные секретные документы, появилась возможность исторически правдиво воссоздать картину Булавинского восстания и образы его вождей.

И хотя до сей поры нет ни одной сколько-нибудь полной биографии Кондратия Булавина, однако место, которое он имеет право занимать среди других вождей крупнейших народных восстаний, ныне достаточно точно определилось.

«Трудовой народ — крестьяне и ремесленники — не только строили и создавали материальную культуру, — писал М. Горький, — но, начиная с восстания рабов против римского

дворянства, стремились вырвать власть над своей жизнью из рук дворян. «Альбигойские войны» против феодальной римской церкви, восстание «жаков» вокруг Парижа в 1358 году, восстание кузнеца Уота Тайлера, крестьянские войны в Германии 1524–1525 годов, восстание Ивана Болотникова в начале XVII века, Степана Разина при втором царе Романове, бунт Кондратия Булавина при Петре, поход Емельяна Пугачева на Москву — вот главнейшие из битв крестьянства против бояр, дворян, помещиков»[1].

Причины Булавинского восстания, охватившего весь Донской край, Слободскую Украину, Нижнее и Среднее Поволжье и многие уезды Русского государства, кроются в весьма сложной обстановке, которая образовалась на Дону в начале XVIII века.

После взятия Азова и заключения в 1700 году мирного договора с Турцией старинные права донского казачества начинают сильно ущемляться московским правительством. Казакам строжайше запрещаются «своевольные» нападения на турецкие и крымские земли, окончательно закрывается выход в Азовское и Черное моря, ограничиваются торговые связи.

Вскоре особым указом казаки лишаются рыбного лова «по реке Дону и до реки Донца, также и на море и по запольным речкам», ибо «велено в тех местах рыбу ловить азовским жителям». Затем следует запрет на порубку и торговлю лесом, «утесняют» казаков и в разработке соляных промыслов. В то же время казаков заставляют нести непривычную для них гарнизонную службу в Азове и во вновь построенном городе Троицком, обязывают принять на себя тяжелую по тем временам «почтовую гоньбу» от Азова до Валуек и Острогожска, для чего по этим шляхам было переселено с Дона около тысячи казацких семейств.

Казаки шумели, роптали, но попробуй ослушаться, когда почти рядом, в Троицком, сидит и зорко за всем наблюдает энергичный и хитрый губернатор Иван Андреевич Толстой, под рукой у которого и сильная крепостная артиллерия и несколько солдатских полков.

Не менее чувствительно тревожили казаков бесконечные, с каждым годом все более настойчивые требования московского правительства о высылке всех «новопришлых» людей, бежавших с государевых работ и от помещиков на Дон и поселившихся здесь после азовских походов.

Грозная опасность высылки и беспощадного наказания нависла над десятками тысяч беглых ратных и работных людей, боярских холопей и крестьян, над «голытьбой», оседавшей главным образом в верховых донских, донецких и хоперских городках, Но и низовому «домовитому» казачеству и

«старожилым» казакам царские указы были не по душе.

Зажиточное низовое казачество давно утратило воинственный пыл, занималось сельским хозяйством, промыслами, торговлей. Беглый, голутвенный люд поставлял дешевую рабочую силу. За кусок хлеба и дырявый зипун от зари до зари батрачили у низовых казаков беглые крестьяне российские, пахали землю, пасли скот, ломали соль в бердянских и бахмутских соляных озерах. А иной раз предприимчивые хозяева составляли из голытьбы отряды, вооружали, посылали их в разбойничьи набеги на калмыков, ногайцев, крымчан, а то и на Волгу грабить русские торговые караваны, причем добрая половина добычи доставалась хозяевам. Понятно, что выдавать беглых природному казачеству не было никакого расчета.

Царские указы о своде всех самовольно построенных верховых городков и сыске беглых оставались невыполненными. Казацкая старшина неизменно отписывалась, будто «верховые те городки построены в прошлых, давних годах, до твоего, великого государя, указу и до Азовской службы, а населены они старожилыми казаками, а не вновь пришлыми русскими людьми».

В 1703 году на Дон для сыска беглых были отправлены царские стольники Максим Кологривов и Михайла Пушкин, затем несколько воронежских дворян-сыщиков под начальством Никиты Бехтеева, но казаки сумели предупредить и «ухоронить» беглых. Кологривов и Пушкин, побывав в пятидесяти донских городках, «пришлых ратных и всяких чинов служилых людей и беглых боярских холопей и крестьян не изъехали ни одного человека». Поиски Бехтеева также окончились неудачно.

Однако никакие хитроумные уловки казацкой старшины не могли обмануть царя Петра. Он отлично знал, что бегство на Дон не утихало, а усиливалось и что донские казаки всячески этому потворствуют.

Воронежские помещики жаловались:

«Крестьянишки наши, покидая поместья и домишки свои, разошлись безвестно и разбежались на Дон и на Хопер и ныне бегают непрестанно, а подговаривают и провожают таких беглых людей на Дону донские казаки».

Полковник Изюмского полка Федор Шидловский доносил:

«Чугуевцы, харьковцы, золочевцы, змеевцы, моячане, служилые и жилецкие люди многие, оставя дома свои, с женами и детьми, а иные оставя жен своих, явно идут на Дон и в донецкие казачьи городки».

Воевода Белгородский сообщал:

«Полковые и городские всяких чинов люди и их крестьяне, покинув свои поместные земли и всякие угодья и дворы и

животы, не хотя его великого государя службы служить, и податей платить, и у строения морских судов, и у стругового дела, и у лесной работы, и в кормщиках, и в гребцах, и у сгонки на плотах быть, бегут на Дон».

Особенно тревожили царя Петра донесения о бегстве рекрутов из вновь создаваемых воинских частей и работных людей со строительств Воронежских верфей, Таганрогской крепости и других оборонных сооружений. Шведские войска стояли на рубежах отечества. Дорог был каждый солдат, нужен был каждый работник. И в конце концов огромное скопление беглых на Дону создавало напряженное положение в тылу.

Политика донского казачества вызывала у царя все большее негодование. Терпение Петра истощилось. Он решил перейти от слов и увещаний к действию…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Ярким, солнечным утром 2 сентября 1707 года[2] в столицу донского казачества Черкасск вошел походным маршем большой отряд драгун под начальством полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого. Во второй половине дня на соборной площади собрался шумный войсковой круг. Княжеский писарь огласил царский указ:

«Господин Долгорукой! Известно нам учинилось, что из русских порубежных и из иных разных наших городов, как с посадов, так и уездов, посадские люди и мужики разных

помещиков и вотчинников, не хотят платить обыкновенных денежных податей и, оставя прежние свои промыслы, бегут в разные донские городки, а паче из тех городков, из которых работные люди бывают по очереди на Воронеже и в иных местах. И забрав в зачет работы своей наперед лишние многие деньги, убегают они и укрываются на Дону с женами и с детьми в разных городках; а иные многие бегают, починя воровство и забойство. Однако ж тех беглецов донские казаки из городков не высылают и держат в домах своих. И того ради указали мы ныне для сыску оных беглецов ехать из Азова на Дон вам без замедления. Которых беглецов надлежит тебе во всех казачьих городках переписав, за провожатыми, с женами и с детьми, выслать в те города и места, откуда кто пришел. А воров и забойцов, если где найдутся, имая отсылать за караулом в Москву или в Азов…»

Писарь не успел еще закончить чтения, как казаки, среди которых было немало голутвенных, закричали:

— Нет у нас беглецов, нет забойцев! Сыска на Дону не дозволим! Не бывать тому, не бывать!

Долгорукий нахмурился, схватился непроизвольно за эфес сабли и тут же отдернул руку. Приходилось сдерживаться. Азовский губернатор Толстой предупреждал, что раздражать казацкую толпу опасно.

Долгорукий перевел взгляд на стоявшую близ него казацкую старшину. Почему они кажутся смущенными? Вот с булавой в руках коренастый рыжебородый войсковой атаман Лукьян Максимов. Он упорно прячет глаза под насупленными мохнатыми бровями и порой тихо вздыхает. Вот Зерщиков Илья, не раз ходивший в атаманах. Смуглолицый, с черной в проседи бородкой, вглядывается он в крикунов чуть прищуренными вороватыми глазами, а своего отношения к тому, что происходит, ничем не выдает. Вот богатейшие низовые старики Ефрем Петров, Абросим Савельев, Никита Саломат, Василий Поздеев. О них азовский губернатор отзывался с похвалой, как о наиболее верных. Это они два года назад, «усердно служа и радея государю», удержали донских казаков от «помощи» астраханским бунтовщикам. А сейчас эти старики тоже стоят опустив головы и молчат. Странно! [3]

Казаки между тем все более распалялись и буйствовали. Припоминались древние государевы обиды. Поднимались кулаки, слышались угрозы.

— Не дадим казацкой старины рушить!

— Побьем дворян и сыщиков!

Долгорукий не вытерпел, перебил крикунов:

— Не слушайте воров, казаки! Велик и страшен в гневе

государь!

Кто-то из круга отозвался с насмешкой:

— Сапог велик лишь на ноге, да мал под лавкой! Не дюже нас испугал!

Долгорукий, позеленев от гнева, шагнул к старшинам.

— Вы что же молчите, старики? Иль заодно с врагами царскими? Добро, добро, попомним!

Зерщиков, подавив неприметную усмешку, промолвил:

— Взбаламученного моря словами ни нам, ни тебе не утишить, высокородный князь…

Долгорукий вспылил:

— Ваше попустительство, старшины, во всем я вижу. Велите крикунов немедля разыскать — да в кандалы! Нечего смутьянов и воров щадить!

Степенный и благообразный Ефрем Петров выдвинулся вперед, почтительно поклонился.

— Напрасно худое про нас мыслишь, князь. Мы воров не жалуем, служим великому государю по чести, да, сам рассуди, стоит ли сие в кругу войсковом выказывать? Ты изловишь на Дону главарей да отсель и отбудешь, а нам тут жить… Казаки же усердья нашего к тебе не позабудут.

Войсковой атаман наклонился к князю и вкрадчивым, тихим голосом совсем успокоительно добавил:

— Мы, твое сиятельство, от помощи тебе не уклоняемся. И стариков дадим для сыска беглых и пущих заводчиков, коих знаем, укажем. Только шуметь о том в Черкасске не след, — тебе прибытка не будет, а нам. верно Ефрем сказывал, опасно… Близ своей норы лиса на промысел не ходит.

Доводы стариков казались убедительными. Ссориться с донской вольницей домовитым низовым казакам нельзя. Домовитые могут помогать лишь тайно. Пусть будет так!

Долгорукий согласился. В тонкостях казацкой дипломатии он разбирался плохо.

По совету войскового атамана Долгорукий со всем отрядом направился на Северный Донец. Там в верховых городках, и в лесных скитах, и в степных балках особенно много укрывалось беглых. Сопровождали князя самые знатные и усердные старики Ефрем Петров, да Абросим Савельев, да Никита Саломат, да Григорий Матвеев, да Иван Иванов[4].

II

А в Черкасске тем временем созревал заговор. Войсковой атаман Лукьян Максимов и бывший войсковой атаман Илья Зерщиков непрерывно совещались с наиболее преданными им низовыми и старожилыми казаками.

Сыскная экспедиция Долгорукого явно не походила на прежние. Стольники Кологривов и Пушкин, приезжавшие пять лет назад на Дон, никакой воинской силы не имели, рассчитывая лишь на помощь получавшей царское жалованье казацкой старшины. К тому же стольники (а также прибывший вслед за ними воронежский дворянин Бехтеев) были довольно добродушны, доверчивы и ленивы, не отказывались от подарков и угощений, — неудивительно, что проведенные ими розыски закончились так, как желали того войсковые старшины.

Долгорукий держал себя иначе. Он твердо знал, что донские городки полны беглым людом. Именной царский указ обязывал действовать решительно, и горячий, храбрый князь, привыкший к военной точности, медлить не собирался. А полагался он главным образом на своих драгун, не преминув старшинам намекнуть, что азовский губернатор Толстой в случае необходимости может прислать и дополнительную воинскую силу. На установление приятельских отношений с надменным князем старшинам рассчитывать не приходилось.

Значит, и сыск беглых на этот раз обычными казацкими хитростями приостановить было нельзя… Донскую голытьбу ожидали виселицы, плети, каторга и вновь крепостная неволя; домовитых, старожилых казаков — лишение всех выгод, получаемых обычно от укрытия беглых; казацкую старшину — гнев крутого и скорого на расправу царя Петра. Ведь удачный сыск беглых неопровержимо уличил бы войскового атамана и старшин в долголетних заведомо ложных отписках, в измене его царскому величеству, и, кто знает, не придется ли за это распроститься тихому Дону с последними вольностями.

Недовольство сыском князя Долгорукого объединяло все слои донского казачества. Мысль о том, чтоб извести князя, зародилась в горячих головах еще в то время, когда Долгорукий находился в Черкасске. Но голытьба выражала свое желание открыто, домовитые казаки держали его в строгой тайне. Верное старым обычаям «себя не марать и загребать жар чужими руками», домовитое донское казачество, опасаясь возможного подозрения в соучастии, не допустило в Черкасске нападения на Долгорукого. Пусть расправляется с князем голытьба где-нибудь подальше от Черкасска!

Совет Долгорукому ехать на Северный Донец, где

наблюдалось наибольшее скопление беглых, дан был войсковым атаманом не без умысла. Авось найдутся там охотники покончить с князем. И еще лучше, если притом поплатятся головами сопровождающие князя старшины: войсковому атаману хорошо известно, что эти верные царю старшины давно подозревают его, Лукьяна Максимова, и Илью Зерщикова в тайных сношениях с голытьбой и могут, чего доброго, написать донос в Москву.

Долгорукий и сопровождавшие его войсковые старшины не успели еще доехать до северодонецких верховых городков, а уж там тайные посланцы войскового атамана предупреждали беглых «хорониться по лукам» и «накликали вольницу убить князя».

И беглые хоронились. Но «накликать вольницу» для убийства князя Долгорукого оказалось не так-то просто. Нужен был предводитель, атаман, пользовавшийся доверием голутвенных и вместе с тем послушный войсковой старшине, обладающий к тому же известным воинским умением, — ведь у Долгорукого под рукой были офицеры и солдаты регулярной армии. Черкасские заговорщики упорно ломали головы над тем, как и где найти такого предводителя.

Во второй половине сентября с Северного Донца в Черкасск примчался атаман Старо-Айдарского городка Семен Алексеев, известный больше под кличкой Драный.

Этому высокому и подвижному казаку с умными серыми глазами и негустой русой бородкой давно перевалило за сорок. Некогда, молодым парнем, не стерпев издевательств помещика, он поджег барский дом и бежал на Дон, Несколько лет батрачил у низовых казаков, затем построился в Старо-Айдарском городке и, считаясь старожилом, вполне мог сыска не опасаться. Но никогда не забывал Семен ужасов крепостной неволи — до сих пор напоминали о ней нывшие в непогоду страшные рубцы на теле — и, люто ненавидя господ и бояр, всегда сочувственно относился Драный к беглому люду, искавшему приюта на донских и донецких реках. Увидев, как жестоко расправляются драгуны Долгорукого с беглыми, Семен возмутился и, зная, что многие черкасские старшины настроены против князя, решил просить их совета и помощи.

Был поздний вечер. Слюдяное оконце куреня Ильи Зерщикова тускло светилось. Привязав у крыльца взмыленного коня, Семен нетерпеливо постучал в дверь. Зерщиков был один и еще не ложился спать. Впустил Семена в горницу, завесил оконце. Потом из расписного турецкого глиняного жбана, стоявшего на столе, налил чашу хмельной домашней браги, протянул гостю. Тот не отказался.

— Будь здрав, Илья Григорьич!

Зерщиков, выждав, пока чаша была осушена до дна, произнес:

— Ну, сказывай, друже мой Семен, с чем приехал?

Семен сразу загорячился:

— В верховье донецком огнем и кровью сыск чинит князь Долгорукий… Станицы многие драгуны сожгли дотла. Под кнут и плети без разбора кладут и новопришлых и старожилых казаков. Губы, уши и носы людям режут. Младенцев по деревьям вешают. А жен и девок берут в солдатскую постель! — Атаман задохнулся от негодования и, смахнув рукавом кафтана капельки пота с загорелого лица, докончил: — Сил более нет терпеть сыскные лютости, Илья Григорьич!

— А вы чего ж терпите? — отозвался с легкой усмешкой Зерщиков. — Не бабы все-таки, казаки… Дали б по башкам обидчикам, чтоб и ныне и впредь неповадно было над людьми изгиляться…

— Самому думается так-то, — вздохнул Семен, — да неспособно, вишь ты, с пустыми руками супротив царских солдат…

— Ружья-то, чаю, у многих найдутся?

— Ружья-то найдутся… Пороха и свинца нет.

— За сими припасами остановы не будет, — сказал Зерщиков. — Проси войскового атамана, чтоб отпустил их вам для охоты на волков, коих ныне в донецких лесах видимо-невидимо развелось… Не поскупимся, будь надежен, Волки-то всех страшат. Да сам и берись за облаву.

Старая манера Зерщикова говорить осторожности ради несколько иносказательно была Семену известна. Предложение не вызвало удивления. Думалось и об этом. Но сможет ли он, неграмотный мужик, обдумать все тонкости такого трудного дела, как нападение на вооруженный армейский отряд? Покачав головой, признался честно:

— Не гожусь я для этакого, Илья Григорьич… Иной атаман нужен, похитрей да посмекалистей.

Зерщиков укоризненно качнул головой.

— Вот все вы этак… На майданах глотки до ушей дерете, а пришла нужда за старые казацкие права и вольности постоять, нет никого…

Обидные слова задели Семена за живое.

— Не тревожь зря мою душу, Илья Григорьич, Всегда готов я за правду стоять. И ныне отсиживаться на печи не собираюсь, потому сюда и приехал… А об ином, более разумном, атамане для общей пользы говорю…

Зерщиков слегка передернул плечами, перебил сердито:

— Где его взять, иного-то? Пока отыщется, Долгорукий все

верховые городки спалит, со всех вас, верховых казаков, шкуру спустит…

— Это еще как бог даст, — возразил Семен, — а то, глядишь, и не успеет.

— Успеет, коли до сей поры и на примете никого нет, кто взялся бы князя окоротить…

— Есть на примете, Илья Григорьич, — тихо отозвался Семен. — По мне лучшего желать не надо. Как только вам, старшинам, глянется?

— Это… кто же?

— Кондратий Афанасьич.

— Бахмутский атаман? Булавин?

— Он самый… Всем ведомый защитник старинных казацких прав…

Зерщиков крепко задумался. Старожилого, предприимчивого, смелого казака из Трехизбянской станицы Кондратия Булавина он знал давно. Вместе были в Азовских походах, вместе ставили на речке Бахмуте первые соляные варницы, приносившие им немалый по тем временам доход. А потом заводить солеварни на Бахмуте стали другие низовые казаки, и вскоре само собой возник здесь городок, жители которого состояли из донских казаков — владельцев солеварен и работавших на них беглых, стекавшихся сюда со всех сторон. Атаманствовал в городке Булавин.

Донские казаки одновременно захватили и пустовавшие богатейшие угодья, леса, сенокосы, рыбную ловлю и пасеки на Бахмуте и соседних речках Жеребце и Красной, впадавших в Северный Донец. Но спокойно владеть этими промыслами и угодьями казакам не пришлось. Вблизи находился Изюмский слободской полк, начавший вытеснять казаков из этих привольных мест. Тогда Зерщиков, бывший войсковым атаманом, тайно разрешил Булавину создать из верховых новопришлых людей вооруженный отряд для охраны казацких промыслов и угодий[5].

Борьба между казаками и изюмцами разгорелась остро, часто доходя до кровопролитных стычек. Пять лет назад по приказу изюмского полковника Шидловского сотник Федор Черноморец с солдатами внезапно напал на Бахмут, разорил его и уничтожил казацкие солеварни. Булавин и казаки не остались в долгу, они сожгли соляной городок, построенный изюмцами[6].

Москва в этом споре держала руку изюмского полковника. На Бахмут для описи захваченных казаками земель и угодий был послан дьяк Алексей Горчаков. Булавин опись производить не позволил и, продержав дьяка несколько дней под стражей, выпроводил ни с чем обратно. Все это осуществлялось с ведома

войскового атамана и старшин и одобрялось ими. Отношение к Булавину было самое благожелательное.

Однако, имея под рукой вооруженных гультяев, чувствуя поддержку широких слоев казачества, бахмутский атаман все более и более выходил из подчинения донской старшины. Он отказывается выполнить приказ войскового атамана о высылке в Черкасск двух беглых, подозреваемых якобы в ограблении богатого донского мельника, не считает нужным обращать внимание на другие требования черкасской старшины.

Неудивительно после этого, что войсковой атаман и старшины резко изменили свое отношение к Булавину. На войсковом «совете добрых сердец» уже заходила речь о Кондратии Афанасьевиче, и большинство старшин отвергло возможность какого-либо сговора с ним. И Зерщиков признавал, что для такого отношения к Булавину у старшин есть основание. Вступив в тайный сговор с войсковой старшиной, укрепив свои силы, своевольный атаман может оказаться весьма опасным… Попробуй угадать, что у него на душе.

Но, с другой стороны… Кто же еще способен быстро покончить с Долгоруким, прекратить сыск? Время не ждет, не ждет время! А если потом, успешно совершив нападение на сыскной отряд, Булавин учинит какую-нибудь дурость, разве нет средств обуздать своевольца?

В голове Зерщикова, превосходно освоившего все хитрости казацкой дипломатии, зарождались уже какие-то смутные мысли… Впрочем, это для себя, только для одного себя! А вслух, глядя прямо в глаза Семена, он медленно произносит:

— Что ж, спорить с тобой не хочу… Я давний благожелатель Кондрата, казак он справный, в воинском деле разумный… Пусть собирает вольницу и порешит злую волчью стаю. Я ж всегда помогать вам готов, будьте в надеже.

— В тебе не сомневаемся, Илья Григорьич, да только гутарил я с Кондратом… Первей всего согласия войскового атамана он желает…

Зерщиков, расправляя собравшиеся на лбу мелкие морщинки, заметил:

— Съехаться им нужно… Хотя, таить нечего, в большой обиде Лукьян Васильевич на Кондрата, непокорство и своевольство его глаза колют…

Семен, перебивая, спросил:

— А съезжаться-то где лучше?

— В Черкасске. Ныне тут тихо, никаких помех не будет. Стариков-то, кои нам вечно противенствуют, войсковой атаман отослал с князем… Скажи Булавину, чтоб почтительней держался

при встрече с войсковым.

— Беспременно скажу, — поняв намек, улыбнулся Семен, прощаясь с хозяином.

III

Трехизбянская станица затаилась от посторонних глаз в лесном овраге. Второй день не переставая лил дождь. Дороги и тропы сплошь покрылись водой, сделались непроходимыми. Станичники, большая часть которых состояла из новопришлых, осенней непогоди были рады: — вряд ли сейчас потревожат их рыскавшие по донецким шляхам княжеские драгуны.

Кондрат Булавин, живший последние дни в Трехизбянской, лежал, прикрывшись овчиной, на полатях в старой отцовской избе, грязноватой и холодной. Печь топилась по-черному, сырые дрова разгорались плохо. Проворная черноглазая дочь Галя, творившая тесто у печки, поминутно вытирала рукавом сарафана слезившиеся от дыма глаза.

Кондрата знобило, вставать не хотелось. Да, лежа и думается лучше. А подумать есть о чем! Неделю назад, будучи в Черкасске у войскового атамана, он успешно обо всем договорился. Лукьян Васильевич одобрил нападение на Долгорукого, послал от себя возбудительные грамоты атаманам верховых городков, выдал из войсковых складов порох и свинец. Две сотни конных вооруженных людей, собранных в Ореховом буераке, близ Ново-Айдарской станицы, готовы выступить по первому знаку. Разведчики-доброхоты следят за каждым шагом князя. Все как будто ладится. И все же на душе у атамана неспокойно…

Кондратию Афанасьевичу исполнилось тридцать семь лет. Отец, как все казаки из беглых холопов, отличался свободолюбием, принимал участие во всех донских смутах, ходил шарпальничать на Волгу со Степаном Разиным и до конца дней своих оставался истым разинцем. Прозвище «Булавин», как говорили, получил отец потому, что, будучи при Разине, хранил его атаманскую булаву. Может быть, желая почтить память любимого атамана, а может быть, и всерьез, покойный отец утверждал, будто Кондрат появился на свет 6 июня 1671 года, в день, когда в Москве на Красной площади сложил свою буйную головушку батюшка Степан Тимофеевич.

Бесконечные разговоры о Разине, его походах и удачах, слышанные в детстве, глубоко запали в душу впечатлительного мальчика. Игры со сверстниками носили отпечаток легендарных

рассказов. Кондрат с ранних лет атаманствовал и рубил головы боярам, или, собрав станичных казачат, отправлялся с ними в степь, где разрывали курганы в поисках клада. А позднее, когда сверстники подросли, не раз гонялись они во главе с Кондратом за татарскими и ногайскими разведчиками, выискивавшими близ казачьих станиц легкую добычу.

Сейчас, лежа на полатях, вспоминая о своем детстве, Кондрат невольно, в который уже раз, возвращался к мысли о том, что, возможно, отцовские слова о дне его рождения имеют некое пророческое значение. Кондрат не чуждался суеверий. А в том, что теперь на Дону затевалось, ощущалось что-то грозное, тревожное…

Донские казаки и он, Кондрат, в их числе хотели сделать окорот слишком чувствительным посягательствам Москвы на старые казацкие права и вольности, прекратить всем немилый сыск и жить по-прежнему. При этом учитывалось напряженное положение в стране, вызванное продолжавшейся войной со шведами. Вся русская армия была на границах. Карательных войск для посылки на Дон собрать царю негде. Обострять отношения с донским казачеством московскому правительству невыгодно. Следовательно, строгого возмездия за нападение на сыскной отряд Долгорукого ожидать нельзя, все ограничится обычной длительной перепиской посольского приказа с войсковой старшиной. Так успокоительно размышляли все казаки.

Однако Кондрат знал, что московское правительство возглавляется сейчас энергичным, умным царем Петром. Кондрат видел его под Азовом, видел, как Петр, огромный и суровый, засучив рукава, помогал солдатам разгружать корабли, как потом, под огнем турецких пушек, хладнокровно распоряжался боем, не выпуская изо рта трубки.

Петр не чета прежним слабовольным боярским царям, его вокруг пальца не обведешь. Кто знает, что он предпримет, узнав о нападении на сыскной отряд? Дело может иметь самые непредвиденные дурные последствия…

Кондрат сознавал это и все же от принятого решения отказываться не собирался. Отстаивая долгие годы права донского казачества на бахмутские промыслы и угодья, Кондрат сдружился с верховым и голутвенным людом, составлявшим самую верную его опору. Разве мог он оставаться безучастным к сыскным неистовствам, которым подвергались сейчас голутвенные?

А в Черкасске старый дружок Илья Зерщиков открыл, что, помимо сыска беглых, царь приказал Долгорукому произвести

строгий розыск по жалобе изюмского полковника Шидловского, бахмутские промыслы и угодья у донских казаков описать и найти виновников, посадивших в прошлом году под караул дьяка Алексея Горчакова. И этот настырный поганый дьяк по царскому указу снова сейчас едет на Бахмут, чтоб старую вражду между изюмцами и донскими казаками «успокоить и искоренить», и грозится своего обидчика, бахмутского атамана, заковать в кандалы.

Кондрат мрачно вздыхает. Стало быть, так или иначе нужно защищаться, нужно действовать. Он предугадывал надвигающиеся грозные события, но не мог их предотвратить. И тут снова одолевают Кондрата думы о своих близких, родных…

Булавиных было четыре брата. Старший, Петр, давно ушел на Кубань, женился на черкешенке, обзавелся семьей, стал кубанским казаком. Второй, Аким, разбогатевший на торговле рыбой и солью, проживал в Рыковской станице под Черкасском, Третьим был Кондрат. Самый младший, Иван, неженатый добродушный тридцатилетний казак, жительствовал в Трехизбянской.

Отцовской избой владели Кондрат и Иван совместно, но большую часть года она стояла заколоченной. Иван занимался охотой и бортничеством, с весны до осени не покидал дальней пасеки, а зимой бродил с ружьем за плечами по донецким лесам и буеракам, появляясь в станице лишь на короткое время. Кондрат имел хорошую постройку на Бахмуте, где обычно и жил вместе со второй женой Ульяной и детьми от первого брака, невестившейся дочерью Галиной и тринадцатилетним сыном Никифором.

С Ульяной Кондрат жил не особенно дружно. Дочь богатого бахмутского казака-солевара, она относилась к связям мужа с верховой вольницей недоброжелательно, становилась все более раздражительной… Впрочем, во многом виноваты были дети, обожавшие отца и не прощавшие мачехе ни одного худого о нем слова, ни одной размолвки с ним.

Недавно Ульяна, бывшая на сносях, отправилась рожать к вдовой своей сестре, жившей под Белгородом. Кондрат, опасавшийся, как бы возвращающийся. на Бахмут озлобленный дьяк Горчаков впрямь не причинил бы ему зла — старые недруги изюмцы охотно бы помогли в том, — отпустил жену с легким сердцем, а сам с детьми переселился, в родную станицу.

Теперь и здесь становилось небезопасно, Долгорукий мог проведать о готовящемся на него нападении и обрушить внезапный удар на Трехизбянскую, Если же этого и не произойдет, то все равно начинающаяся заворошка чревата

всякими случайностями и лучше всего брата Ивана, Никифора и Галю отправить отсюда в Рыковскую к брату Акиму…

— Тятя, ты что, оглох, что ли? — прервала размышления отца подошедшая к нему дочь. — Вставай, говорю, пироги снидать, пока горячие… — И, взглянув ему в лицо, добавила участливо: — Аль занедужил ты, тятя?

Кондрат поднялся, ласково обнял Галю.

— Ты и Никита меня заботите, донька… Смутно ныне в донецких станицах, сама ведаешь. Не годится вам тут оставаться. Придется к дяде Акиму ехать.

— Никуда я от тебя отлучаться не хочу.

— Эх, глупая какая! — досадливо отозвался Кондрат. — Да я бы сам с тобой никогда не разлучался, кабы можно было… А коли нельзя?

— А пошто? Я ж не пугливая, тятя… Коли драгуны сюда налетят, я и стрелять и рубиться могу…

— Да не девичье это дело, сама посуди. Докуку лишнюю чинишь ты мне, донька…

В глазах у Гали заблестели слезы. Отец снова привлек ее к себе.

— Полно, полно, не навек наша росстань, ясынька. Минет скоро смута — опять вместе будем…

И чуть погодя спросил:

— А где же Никиша? Я, признаться, крепко заснул под утро, не слыхал, как он поднялся…

— Затемно с дядей Иваном отправились капканы на лисиц ставить…

— Эка нашли время! — укоризненно качнул головой Кондрат. — Ну, да мы их ждать не будем… Корми пирогами-то своими, донька, и все, что в печи — на стол мечи! Да квасу холодного дай!

…В полдень приехал в Трехизбянскую станицу Семен Драный с сыном Михаилом, следом явились есаулы верховой вольницы Григорий Банников, Филат Никифоров, старик Иван Лоскут и беглый коротоякский подьячий, взятый Булавиным для писарских дел. Обсудив положение, все сошлись на том, что пришла пора действовать.

Долгорукий, не встречая нигде противодействия, допустил оплошность: разбил свой отряд на несколько частей и отправил их для сыска в разные стороны, а сам со старшинами, имея под рукой всего сорок драгун при четырех офицерах и небольшой казачий конвой, свернул вчера с Донца из станицы Явсужской на реку Айдар и ночевал в Ново-Айдарской, где успел схватить полтораста человек застигнутых врасплох беглых.

Кондрат соглашался, что оплошкой Долгорукого следует воспользоваться. Да и трудно отыскать более удобные для нападения места, чем разбросанные по Айдару, окруженные густым лесом городки. А ко всему этому именно здесь укрывалась собранная Булавиным вооруженная верховая вольница. Долгорукий словно нарочно сам лез в западню.

В Старо-Айдарской станице остановился посланный сюда Долгоруким другой сыскной отряд под начальством офицеров Афанасия и Якова Арсеньевых, и Семен Драный предложил произвести нападение одновременно на оба отряда.

Кондрат с товарищами продолжали еще держать совет, когда в избу ворвался забрызганный с ног до головы грязью никому неведомый паренек с вздернутым носом и белобрысым чубом, выбившимся из-под старой казацкой шапки.

— Кто тут атаман Булавин будет? произнес он, сбрасывая шапку и смело всех оглядывая.

Казаки переглянулись. Семен Драный спросил:

— А ты кто таков?

Парень вытер рукавом мокрый лоб, улыбнулся.

— Не пужайтесь, дяденька… Свой я… Панька Новиков из Шульгина городка…

Кондрат вышел вперед, сказал:

— А кем и с чем послан? Я Булавин, сказывай не таясь.

Панька с нескрываемым любопытством посмотрел на него, потом достал запрятанную под кафтан бумагу и, передавая Булавину, пояснил:

— Нашим шульгинским атаманом Фомкой Алексеевым писана.

Банников, знавший шульгинского атамана как верного слугу казацкой старшины, насторожился:

— Смотри, Кондратий Афанасьич, может, хитрость какая? Ты вслух чти…

Кондрат прочитал. Шульгинский станичный атаман уведомлял старшину Абросима Савельева, находившегося при князе, что вольница атамана Булавина, укрытая в Ореховом буераке, умышляет вскоре убить князя Юрия Владимировича Долгорукого и всех, кто с ним…

Банников, прослушав, заскрипел зубами:

— Ну, Фомка, берегись! Вытрясем из тебя подлую душу!

Кондрат обратился к Паньке:

— Ты от кого письмо получил?

— Фомка сам отдал. Поезжай, говорит, борзей в Ясужскую, вручи старшине Абросиму Савельеву. А я коня туда не погнал, а своротил в Ореховый буерак…

— Пошто так? Фомка небось тебе не открывал, о чем в бумаге-то писано?

— Я сам грамоту разумею, — улыбнулся Панька. — А в Ореховом буераке шульгинский наш казак Стенька… Вот ему бумагу я и показал, а он сюда меня послал…[7]

— Спасибо, хлопец, — дружески потрепав парня по плечу, промолвил Кондрат, — служба твоя многого стоит. А теперь скачи обратно, скажи шульгинскому атаману, что письмо старшине Абросиму Савельеву ты отдал…

— А ежели старшина тот в Шульгине? — задал вопрос Панька и, не дожидаясь ответа, продолжил — Стенька сказывать велел, что Долгорукий князь обоз свой из Ново-Айдарской в Шульгин городок гонит… ночевать у нас будет…

— Ну, коли так, с нами оставайся… Вечером в Орехов буерак поедем. Ступай коня кормить.

Панька вышел сияющий. Кондрат объявил:

— Более нам выжидать нельзя, браты. Слыхали сами: тайный наш умысел открыт. Фомка не успел предать вчера — предаст сегодня. Отступаться поздно. Ты, Семен, — обратился он к Драному, — справляйся у себя в станице, я ж с вольницей из Орехового буерака двинусь в ночь на Шульгин городок… Наш час приспел! Отплатим супостатам за утеснения, чинимые казакам, за кровь и муки голытьбы!

IV

Князь Юрий Владимирович Долгорукий находился в состоянии крайней раздражительности. Побывав в десятках верховых городков, он не встречал нигде открытого сопротивления, зато убедился, с каким упорством старожилое казачество укрывает новопришлых и беглых.

Атаман Обливенского городка, старожилый казак, встретивший князя хлебом и солью и распинавшийся в верности государю, при допросе под присягой показал, что у них в городке проживало всего человек двадцать новопришлых, но они разбежались, услышав про сыск. И лишь случайно Долгорукий выяснил, что атаман и все казаки того городка перед приездом князя «целовали крест и святое евангелие, чтоб им новопришлыми не сказываться, а сказаться старожилыми». Кнут заставил атамана повиниться. В городке оказалось только шесть старожилых казаков и свыше двухсот новопришлых.

В Беловодской, Митякинской, Явсужской, Ново-Айдарской и

других станицах происходило то же самое. Верить нельзя было никому. Даже бывшие при нем усердные черкасские старшины иной раз лукавили.

Вот почему, приехав 8 октября поздно вечером с небольшим своим отрядом в Шульгинский городок, Долгорукий отнесся к сообщению атамана Фомы Алексеева о тайном умысле булавинской вольницы с недоверием и подозрением. Опять казацкая хитрость! Его уже не раз пытались запугивать всякими, угрожающими слухами и подметными письмами. Насторожило лишь поведение старшины Абросима Савельева, который, по словам шульгинского атамана, вчера еще был извещен о воровском умысле. Почему же он утаил это?

Долгорукий вызвал Абросима Савельева. Тот поклялся, что никаких извещений от шульгинского атамана не получал. Послали за Панькой, но его нигде отыскать не могли. Послали за казаком, котельного дела мастером, бывшим в Трехизбянской и говорившим о сборе булавинской вольницы. Казак пояснил, что сам ничего не видел, а слышал от встречного гультяя, будто «собрал-де их Булавин человек полтораста, чтоб князя Долгорукого убить, только-де напал на них страх и все разбежались».

Показания других казаков, на которых указывал князю шульгинский атаман, тоже основывались на толках и слухах. Ничего достоверного никто не сообщил. Долгорукий прекратил дальнейший розыск, приказав, однако, разложить на улице костры и усилить караул.

В станичной избе с Долгоруким остались ночевать майор князь Семен Несвицкий да поручик Иван Дурасов. Казацкие старшины загостевали у станичного атамана. Майор Матвей Булгаков и капитан Василий Арсеньев с подьячими и писарями расположились в казачьих дворах.

А ночь была темная, промозглая. Дул холодный северный ветер. Глухо шумел и стонал лес, с двух сторон вплотную подходивший к Шульгинскому городку.

Когда господа офицеры и старшины заснули и драгуны, стоявшие на карауле у станичной избы, клевали носами и начинали гаснуть огни костров, где-то близко завыл волк, и ему тотчас же отозвался другой. Сержант, начальник охраны, вздрогнул, почувствовал неладное и пошел поправить затухавший костер, но лишь только успел подложить мокрый валежник и нагнулся, чтоб поддуть огонь, как на его голову обрушился тяжелый удар дубины и сержант потерял сознание.

Сейчас же раздался оглушительный свист, грянули выстрелы, со всех сторон выскочили вооруженные ружьями, топорами и

вилами люди. Драгуны были перебиты. Конвойные казаки из охраны старшин связаны.

Долгорукий и офицеры, услышав выстрелы, вскочили, схватились за лежавшие рядом пистолеты. Сонные денщики вздували огонь. Дверь находилась на крепком запоре, но ее уже выламывали. Прошли секунды. Свет вспыхнул, зачадила и затрещала лучина, и это было последнее, что увидели Долгорукий и бывшие при нем офицеры. Спустя минуту обезображенные их трупы лежали у крыльца станичной избы. Булавин приказал побросать их в волчьи ямы.

Разгром сыскного отряда и гибель Долгорукого были столь молниеносны, что с тех пор, если случалась с кем внезапная смерть, в народе говорили: «Кондрашка хватил».

Лишь одному конвойному казаку удалось предупредить о нападении булавинской вольницы ночевавших у станичного атамана казацких старшин, и они, «устрашась того, пометались на подводничьи лошади верхами без седел и побежали в степь все врозь и друг друга не сведали, кто куды побежал, а ночь была темная».

Булавин, войдя в атаманскую избу, застал там только старшину Григория Матвеева. Он лежал на койке и бился в трясовице то ли от болезни, то ли от страха.

Булавин спросил:

— Куда ж товарищи твои старшины сбежали?

Матвеев, заикаясь, ответил:

— Ох, не ведаю ничего… Свалил и скрутил меня злой недуг…

Булавин строгим голосом сказал:

— Мы не самовольно князя и будучих при нем побили, не одни о том думали, а со стариками войсковыми… Завтра дам тебе подводу, поезжай скорей в Черкасск и объяви атаману Лукьяну Васильичу, что свершили-де Булавин с товарищами расправу по его грамотам…

А у станичной избы в это время голутвенные дуванили захваченный княжеский обоз. Господскую обувь и одежду напяливали прямо на лохмотья. Из разбитых бочек вино черпали шапками. Захмелевший Панька Новиков, сжимая в руках добытое драгунское ружье, горланил:

Налетел орел на ворона,
Полетели перья в разны стороны…

Голутвенные встречали Булавина восторженно, как всеми признанного любимого атамана. И это было ему приятно и вместе

с тем наполняло душу смутной тревогой. Что делать дальше? Черкасские старшины, несомненно, желали, чтоб, покончив с князем, он, Булавин, утихомирил и распустил собранную им вольницу, которая могла в конце концов напасть на домовитое низовое казачество. Булавин понимал и в какой-то степени, как старожилый зажиточный казак, разделял опасения старшин. Но, с другой стороны, убийство князя еще крепче связало его с голытьбой, требовавшей «идти в украинские города для коней и для добычи», и с этими требованиями нельзя было не считаться.

Булавин, будучи в Шульгинском городке, так и не принял никакого решения. Он явно колебался, ему не хотелось разрывать уз с донской старшиной.

Булавин отправляет в Черкасск, помимо Матвеева, еще двух казаков с донесением войсковому атаману об успешном исполнении порученного ему дела, извещает атаманов верховых городков о гибели Долгорукого и предлагает «побить до смерти» остальных офицеров, посланных к ним для сыска, но это делается в полном соответствии с желанием донской старшины. Булавин посылает своих казаков по разным дорогам, чтоб перехватить ехавшего из Воронежа дьяка Алексея Горчакова, но этот дьяк угрожал не ему одному, а всему зажиточному казачеству, бахмутские земли и промыслы которого собирался описывать.

И, наконец, Булавин направляет свою вольницу под Изюм, имея явное намерение разорить владения Изюмского полка, но известно, что изюмцы старинные враги не только Булавина, а прежде всего того же домовитого донского казачества и черкасской старшины.

Таким образом, на первых порах действия Булавина сковывались его соглашением с войсковым атаманом, и Булавин этого соглашения не нарушал.

Острогожский казак Владимир Мануйлов с товарищем, бывшие по своим делам в Старо-Боровском городке, дали нижеследующее показание:

«Октября двенадцатого дня в том городке наехали на них донские казаки, которые забунтовали, я атаман у них Булавин, и при нем было казаков конных с пятьсот человек, да пеших столько же. И того городка атаман со всею станицею встретили его с хлебом, вином и медом, и приняли его в станичную избу. А при атамане Булавине были: один называется полковником, прозвище Лоскут, сходец с Валуйки, про которого сказывают, что он был при Стеньке Разине лет семь; другой называется полковником же, старо-айдарского атамана сын; третий называется коротоякский подьячий. Да при них-де было человек с пятьдесят, которых называли сотниками. А остальные были около

станичной избы. И в то время боровской атаман со всею станицей говорил ему, Булавину и всем его старшинам; заколыхали вы всем государством, что вам делать, если придут войска из Руси, тогда и сами пропадете и им пропасть же будет?

И тот атаман Булавин сказал: не бойтесь-де, для того что он то дело начал делать не просто, был он в Астрахани и в Запорожье и на Терках, и они астраханцы и запорожцы и терчане все ему присягу дали, что им быть к нему на вспоможение в товарищи, и вскоре они к ним будут[8].

А ныне пойдут они по казачьим городкам в Новое Боровское, в Краснянск, на Сухарев, на Кабанье, на Меловой Брод, на Сватовы Лучки, на Бахмут. И идучи будут казаков к себе приворачивать, А если которые с ними не пойдут, и они-де их, назад вернувшись, будут жечь, а животы грабить. И как городки свои к себе склонят, пойдут Изюмским полком до Рыбного, и конями, ружьями и платьем наполнятся и пойдут на Азов и на Таганрог и освободят ссылочных и каторжных, которые будут им верные товарищи, потому что у них есть заобычные.

А на весну, собрався, пойдут на Воронеж и до Москвы, и идучи, которые не будут к ним уклоняться, и тех станут бить.

А Лоскут-де, которого называют полковником, говорил ему Булавину: чего-де ты боишься, я-де прямой Стенька, не как тот Стенька без ума свою голову потерял, а я-де вож вам буду,

И боровской атаман со всею станицею склонились и передались Булавину и пошли за ним в Новое Боровское. И новоборовской атаман е казаками, его Булавина встретив, склонились и передались и пошли за ним же. А передались ему Булавину их казачьи городки по Донцу; Трехизбянский, да Старое и Новое Боровское, да Новый Айдар, Щульгин, Белянск…»[9].

Вскоре, однако, события развернулись таким непредвиденным и странным образом, что Булавину пришлось изменить все первоначальные планы и замыслы.

V

Войскового атамана Лукьяна Максимова одолевали беспокойные мысли, и причин для этого с каждым днем становилось все больше. Булавин соглашения с ним не нарушал, никаких своевольств не чинил, но тайные соглядатаи доносили, что стоило лишь появиться слуху о сборе Булавиным вольницы, как во всех верховых донских, и донецких, и хоперских городках заволновалась голытьба. Имя отважного атамана передавалось из

уст в уста, гультяи двигались к нему толпами. А в низовых донских станицах участились случаи неповиновения батраков домовитым казакам, драк, грабежей; у самого Лукьяна Максимова осмелевшие воровские люди отогнали из табуна полсотни лучших коней. Шатость чувствуется повсюду. А что же будет, когда молва вознесет Булавина как избавителя от всем ненавистного сыска?

Однажды, встретив Илью Зерщикова, войсковой атаман высказал без утайки сбои опасения. Зерщиков пожал плечами.

— Сыск прикончить так или иначе нужно, Лукьян Васильич… А там видно будет.

— Так-то оно так, а все же… Бережливого бог бережет. Слыхал небось, сколь знатных стариков и добрых казаков при Стеньке Разине погублено?

— Сами старики были виноваты… зря понаровку давали Стеньке-то…

— Я ж о том и толкую. Боюсь крамолы. Голытьба удержу не знает… Кабы от Кондрашкина начатка большого худа прямым казакам не учинилось.

— Не все ударит, что гремит, — отозвался Зерщиков. — Окоротить голытьбу можно, ежели шарпальничать вздумают…

Лукьян поскреб в затылке, вздохнул.

— Руки связаны. Как окоротишь, ежели сами мы подсобляли вольницу на князя накликать! Коли государю о том донесут, он нас не помилует…

В вороватых темных глазах Зерщикова мелькнула лукавая смешинка:

— А мне намедни один умник шепнул, что знатно бы было и тех побить, кои князя побьют… Тогда-де и пущей смуте на Дону не бывать и государю явно станет, что вся вина на своевольной голытьбе, а донская старшина в верности пребывает… Вишь, что удумали!

Хитроумный совет войсковому атаману пришелся по душе, он довольно крякнул:

— Неплохо, кабы этак-то… да ведь не менее тысячи доброконных казаков посылать нужно, чтоб окружить их воровское собрание. Враз столько казаков не поднимешь. Калмыцкого тайшу Батыря или татар брать придется… Как мыслишь?

Зерщиков удивленно развел руками.

— Вот тебе раз! А я тут при чем? Я так просто сболтнул, к слову пришлось… Я ж на Булавина в надеже, дуровства не дозволит, казак он природный. Напрасно ты…

Зерщиков превосходно знал войскового атамана. Семя

брошено в благодатную почву. Теперь глаз не сомкнет Лукьян, будет обдумывать, как бы расправиться с Булавиным и его вольницей. А он, Зерщиков, останется в стороне от этого. Если удастся Лукьяну уничтожить главарей вольницы — спокойней будет жить низовому казачеству, а если осилит Булавин и погибнут вместе с войсковым атаманом поддерживавшие его старики, то он, Зерщиков, опять-таки в накладе не будет. Перед Булавиным он ни в чем виновным не окажется, может даже при случае поддержать и уж, конечно, сумеет за свои услуги поживиться угодьями и добром черкасских богатеев.

Таким образом, на Дону создалось совершенно необычайное драматическое положение. Беглые хоронились от сыска, драгуны Долгорукого искали беглых, вольница Булавина выслеживала драгун, а войсковой атаман Максимов готовил предательский удар Булавину.

Спустя несколько дней в Черкасск пришло известие о гибели Долгорукого. Лукьян Максимов спешно собрал совет добрых сердец и объявил о своем решении выступить с войском против вольницы Булавина, чтобы «их воров и богоотступников до пущего злого намерения не допустить и злой их совет нечестивый разорить».

Под рукой у войскового атамана находилось несколько казацких сотен, да калмыцкая кочевая орда тайши Батыря, да две сотни татар.

Совет добрых сердец поход одобрил. Казаки учинили между собой крестное целование.

Илья Григорьич Зерщиков в совете не участвовал: его не оказалось дома, он ездил проведать брата, служившего в азовском гарнизоне.

…Была тихая, лунная, с легким морозцем ночь. Булавинская вольница раскинулась станом на Айдаре близ городка Закотного. Булавин лежал в наскоро сбитом шалаше. Последние дни он не слезал с коня, страшно устал, и все же тяжелые мысли отгоняли сон. Кондратий Афанасьевич не знал еще о предательстве войскового атамана, но смутные подозрения в душу начали закрадываться. Почему черкасские старшины упорно не желают отвечать на его донесения? И почему не возвращаются обратно посланные в Черкасск казаки?

Что-то непонятное, странное примечалось и в том, что произошло в Старом Айдаре. Попытка Семена Драного уничтожить стоявший здесь сыскной отряд братьев Арсеньевых не удалась. Арсеньевы оказались более осторожными, чем князь Долгорукий. Нападение голутвенных было отбито дружными огневыми залпами. Семен Драный с полсотней удальцов бежал к

Булавину.

А на другой день в Старом Айдаре собрались неизвестно кем предупрежденные старожилые казаки из десяти соседних городков. Выбрали нового станичного атамана и предупредили Булавина, чтоб он сюда не приходил, ему будут противиться. Булавин послал своих казаков спросить староайдарцев, зачем-де они так поступают и по чьему наущению, но посыльщиков не приняли, отогнали выстрелами.

Тогда в Черкасск, чтоб подробней обо всем разведать, отправился Семен Драный. Однако до столицы донского казачества ему добраться не пришлось…

Ночную тишину прорезал гулкий выстрел. Засвистели, перекликаясь, сторожевые казаки. Булавин приподнимается, чуткое ухо улавливает цокот конских копыт. Верховой скачет наметом… ближе, ближе… Что-то случилось!

И вот перед ним Семен Драный, покрытый пылью, с воспаленными глазами, задыхающийся от волнения и гнева:

— Измена, измена, Кондрат! Солживил войсковой атаман!

Булавин тяжелой рукой придавил плечо Семена, прохрипел:

— Подлинно ли так? Чем измена показана?

— Идет на нас Лукьян Максимов с войском, с пушками походными… Калмыцкая орда с ним, татары…

— Кто сказывал?

— Брата своего встретил близ Старо-Айдарской… Домой спешил из Черкасска… Войсковая старшина и домовитые нашими головами перед царем отыграться желают… Иуды проклятые!

— А Зерщиков где?

— Илья Григорьич, и Василий Поздеев, и Василий Фролов, и других прямых казаков не мало держат нашу руку, в противенстве с войсковым…

— А что ж молчали они в войсковом кругу?

— Про тайный умысел старшин никто не ведал. Совет добрых сердец без круга все порешил. Чуяли старики, что казаков, окромя домовитых, не поднимут, потому и калмыков наняли.

— Однако ж твоих староайдарцев против нас подняли?

— Старшины Ефрем Петров и Никита Саломат там намутили… Сплели хитро, что всех-де старожилых Булавин грабить приказал. А вчерашний день, уведав о неправде и промысле старшин, станишники всех наших супротивников из Старо-Айдарской выбили, и в кругу меня вновь атаманом прокричали…

Булавин неумного приободрился.

— Ну, коли так… Не все потеряно. Жив не буду, а рано или поздно головы изменникам снесу!

Кондратий Афанасьевич быстро подготовил свою вольницу к обороне. Перевел всех на крутой и лесистый берег Айдара, устроил на опушке завалы, за которыми легли пешие казаки с ружьями и пищалями, конных расположил в засаде. Обоз был сдвинут и укрыт в лесу.

Передовой отряд донского войска под начальством Ефрема Петрова подошел на рассвете. Три сотни казаков и калмыков попытались с ходу переправиться через Айдар, но убийственный ружейный огонь заставил повернуть обратно.

Ефрем Петров спешил конницу и завязал с булавинцами вялую перестрелку, поджидая Лукьяна Максимова с остальным войском и пушками.

Булавин, не располагавший достаточной вооруженной силой, наступать не мог, он рассчитывал лишь на возможно длительную задержку неприятеля, чтобы дать время скрыться подальше безоружной голытьбе, составлявшей большую часть его табора. Поэтому пустился на хитрость.

Когда под вечер подошло войско Лукьяна Максимова и ударила пушка, несколько булавинцев, выбежав на берег и размахивая платками, «стали кричать, чтоб стрелять по них перестали и дали б с собою переговорить».

Стрельба прекратилась. Булавинцы не спеша переплыли реку и передали письмо, в котором Кондратий Афанасьевич сообщал донским казакам, что нападение на Долгорукого совершено им «с ведома общего нашего со всех рек войскового совета», и жаловался на предательские действия «неправых старшин».

Лукьян Максимов, не дав казакам дочитать письма, велел снова стрелять по ворам из пушек. Между тем стемнело, и, пользуясь этим, конные булавинцы, зайдя кружным путем со стороны городка Закотного, напали на обоз донского войска, вызвав страшное смятение в неприятельском лагере.

Лукьян Максимов с донцами и калмыками вынужден был «мало отступить». Он занял дорогу в Закотный городок, полагая, что булавинцы пойдут туда, но жестоко просчитался. Поддерживая на берегу Айдара костры, чтоб отвлечь внимание неприятеля, булавинцы всю ночь уходили совсем в другую сторону, лесными дорогами и тропами.

«А на заре, — показал впоследствии Ефрем Петров, — пошли они войском донским на то место, где воры стояли, и в том месте их, воров, не явилось, только стоит их воровской табор, телеги и лошади».

Кондратий Булавин перехитрил Лукьяна Максимова. Замысел войсковой старшины быстро покончить с Булавиным и его товарищами не удался[10].

VI

Первое известие об убийстве князя Долгорукого царь. Петр получил от азовского губернатора. Имея постоянные тесные сношения с донскими казаками, азовский губернатор Толстой, несомненно, знал об их враждебной настроенности к сыску и был обязан не только должным образом предостеречь горячего князя Долгорукого, но и подкрепить его большей воинской силой, чего губернатор не сделал.

Чувствуя свою оплошность, Толстой постарался представить печальное событие как простую случайность, чем, по сути дела, ввел царя Петра в заблуждение.

«Мы ныне получили подлинную ведомость, — довольно спокойно писал царь Меншикову, — что то учинилось не бунтом, но те, которых князь Юрий высылал беглых, собрався ночью тайно, напали и убили его и с ним десять человек, на которых сами казаки из Черкасского послали несколько сот, и в Азов о том дали знать».

Отписка войсковой старшины еще более уверила Петра, что о донских делах тревожиться нечего, верная донская старшина воров не милует и бунта не допустит. На Дон была отправлена похвальная царская грамота. За «верность и усердие ко успокоению такого возмущения радение» донскому казачеству пожаловано десять тысяч рублей — огромные по тем временам деньги — да калмыцкому тайше Батырю двести рублей. Кондрашку Булавина с товарищами приказано сыскать.

Меншикову царь сообщил:

«О донском деле объявляю, что конечно сделалось партикулярно, на которых воров сами казаки, атаман Лукьян Максимов ходил и учинил с ними бой, и оных воров побил, и побрал, и разорил совсем, — только заводчик Булавин с малыми людьми ушел, и за тем пошли в погоню; надеются, что и он не уйдет; итак сие дело милостью божьей все окончилось».

А в действительности все обстояло иначе…

Весть о предательских действиях войсковой старшины против булавинцев, освобождавших Дон от жестокого сыска, возмутила не только верховых голутвенных, но и старожилых казаков, да и среди домовитых находились недовольные. Во многих донских, и донецких, и хоперских городках возбужденные казаки осуждали предателей, недвусмысленно угрожая им скорой расправой.

В Акишевской станице казаки убили станичного атамана Прокофия Никифорова и приехавшего из Черкасска старшину Василия Иванова, пытавшихся оправдать действия войскового

атамана. В Федосеевской станице та же участь постигла старшин Ивана Матвеева и Феоктиста Алексеева. Открытые возмущения против старшины произошли в Алексеевском и Усть-Бузулуцком городках. А казак Беленского городка Кузьма Акимов, назвавшись Булавиным, собирал вокруг себя вольницу, чтоб «побить богатых стариков».

Досталось и калмыкам тайши Батыря, принимавшим участие в расправе над булавинцами. Калмыцкие мурзы Четерь и Чемень привели из-за Волги «воровских калмык», которые начисто разграбили улусы тайши Батыря, уведя в полон свыше тысячи человек, в том числе двух жен и двух сыновей Батыря.

В Черкасске и в ближних низовых станицах тоже не прекращались волнения. Казачьи круги собирались каждый день. Кричали, чтоб стоять за Булавина, а стариков не слушать. Сыпались угрозы. Кипели страсти. Осторожные старшины предпочитали из куреней не показываться. Лукьян Максимов жил на своем хуторе под охраной.

Как-то раз, когда черкасский войсковой круг особенно разбушевался, среди голутвенных казаков появился монах. Это никого не удивило. Свалявшаяся сивая борода, старенькая скуфейка, залатанный обрызганный грязью кафтан, котомка за плечами — все свидетельствовало, что монах беглый, а бегство из монастырей было тогда явлением самым заурядным.

— Откуда притопал, отец? — поинтересовался стоявший рядом с монахом казак.

— Дальний я, голубь… Тешевской богородицкой обители смиренный инок,

— Что? Знать, и у вас не сладко?

— Ох, не сладко, — вздохнул монах. — Замучил игумен работами да батогами.

И, чуть помедлив, почесывая поясницу, спросил:

— А пошто, в толк не возьму, старшин-то ваших ругают?

Казак злобно сплюнул.

— Повесить их мало! На чужих спинах захребетники ездят, чужими головами спасаются. Бахмутского атамана Кондратия Булавина сами подговорили сыскного князя убить, а после того пошли с калмыками промысел над ним чинить… сколько верховых казаков погубили!..

Монах больше ничего не спрашивал. Слушал молча, о чем говорили в кругу, внимательно вглядываясь в лица тех, кто выражал наибольшее сочувствие бахмутскому атаману.

А как стемнело и казаки начали расходиться, монах, поправив котомку за плечами, не спеша побрел к Дону, потом, оглядевшись, пробрался огородами к обширному поместью

Зерщикова, постучался в дом с черного хода.

Зерщиков открыл. Монах молча прошел за хозяином в горницу. Здесь совсем по-свойски сбросил скуфейку, снял котомку, кафтан и принялся отвязывать бороду.

Зерщиков улыбнулся:

— А впрямь никто тебя от беглого чернеца не отличит, Кондратий Афанасьич…

— Борода надежная. Говором себя опасаюсь выдать, — сказал Булавин. — Церковности во мне мало…

— А как тебе в войсковом кругу приглянулось? Слыхал, что у казаков на душе лежит?

— Слыхал… Дон ныне всюду смутен. Старикам измена не впрок пошла, а на погибель…

— Я ж сказывал… Старики не крепки. И ежели, как мыслили с тобой, запорожцы дадут подмогу, все донские реки враз станут за тебя…

— У запорожцев в кошевых-то ныне кто, не ведаешь? — спросил Булавин.

— Тимофей Финенко,

— Старый сечевик?

— Старый… Да сильно робок, оглядками живет. Потолкуй сначала с казаками. Верней бы дело вышло, кабы Костя Гордеенко в кошевых ходил…

— Попомню.

— Ты, стало быть, решаешь?

— Да. Медлить больше нечего. Завтра в Сечь отправлюсь.

— Ну, в добрый час! А я тут буду ожидать твоих посыльщиков… И приведу пока в готовность казаков, радеющих за наши старинные права… Не мало их, сам видел.

— А коли что со мной случится, — тихо произнес Булавин, — пригляди, чтоб рыжий сатана Лукьян родичей моих не загубил…

— Не тревожь себя напрасно, — решительным тоном успокоил Зерщиков. — Всех ухороню.

Булавин подошел к нему, обнял.

— Спасибо. Ты верный друг, Илья Григорьич… Не ведаю, что мне сулит судьба… а жив останусь — вовеки дружества твоего не позабуду, в том клянусь![11]

…Войсковой атаман Лукьян Максимов понимал, в каком скверном положении он очутился. Весь смысл предательского нападения на Булавина заключался в том, чтобы захватить и уничтожить главарей вольницы, отделаться, таким образом, от свидетелей неблаговидных поступков войскового атамана и затем свалить на мертвых всю вину за убийство князя Долгорукого. Надежды не сбылись. Булавин и «пущие заводчики» скрылись,

несомненно будут мстить за предательство. Наказание, учиненное над случайно схваченными беглыми, вызвало общее негодование, увеличив число сторонников Булавина. В донских станицах зрела смута.

Оправдаться перед царем, уверить его в преданности пока удалось, но надолго ли? Может быть, Булавин или кто другой донес, что убийство Долгорукого совершено по сговору с войсковым атаманом?

Лукьян Максимов после долгого размышления решил наведаться к азовскому губернатору, потолковать с ним о совместном розыске булавинцев и предупредить на всякий случай, чтобы не давалась вера ворам, пытающимся очернить войскового атамана всякими злобными вымыслами.

Зная, что Иван Андреевич Толстой, хотя и являлся полным хозяином огромного приазовского края, однако от подарков и приношений не отказывался,

Лукьян Максимов поехал к нему не с пустыми руками и встречен был весьма ласково. Толстой устроил в честь войскового атамана обед, пил его здоровье, все обещал, во всем обнадежил.

— Воровских замыслов бояться нечего, Лукьян Васильевич, — сказал губернатор. — Я вчера из Посольского приказа грамоту получил: государь приказал послать тебе в помощь стольника Степана Бахметева с царедворцами, да быть с ним острогожскому полковнику Тевяшову и воронежскому подполковнику Рыкману с их полками…

— Благодарствую великого государя за многие его милости, рад служить ему вечно, не щадя головы своей, — смиренно ответил войсковой атаман. — Ведают сие враги мои, недаром стараются наветами всякими очернить меня…

— А наветам и небылицам, сплетаемым ворами на верных, никто ныне веры не дает, — заверил губернатор. — Придорожная пыль неба не коптит!

Лукьян Максимов возвратился домой приободренный.

А Толстой, проводив гостя, призадумался. Не стал бы скупой и корыстный Лукьян щедро одаривать подарками без особых на то причин. Значит, скребет что-то душу. Чует вину свою собака, если хвостом виляет!

Вспомнил тут же Иван Андреевич, что недавно сказывал кто-то, будто в азовской приказной палате некий пришлый человек клепал на войскового атамана… Тогда не обратил на это никакого внимания. А теперь захотел разобраться…

Вызванный из азовской приказной палаты дьяк пояснил, что пришлый тот человек объявился казаком Нижнего Кундрючья городка Леонтием Карташем, а расспросные речи его хранятся в

палате, а сам-де Карташ посажен под караул.

Толстой приказал доставить ему расспросные речи. Углубился в чтение:

«И как в их казачьи городки приезжал князь Юрья княж Володимеров сын Долгорукой, и в то время… атаман Лукьян Максимов казаку Болдырю давал лошадь, и велел в казачьих городках накликать вольницу убить князя Юрья Долгорукого. И на той лошади тот Болдырь приехав, в Верхнем Кундрючьем городке вольницу накликал. И в их Нижнем Кундрючьем городке тот Болдырь был же и казаков накликал, и его Леонтия для убийства князя Юрья тот Болдырь звал, и он Леонтий сказал, что у него нет лошади, и к их воровству не пристал… Да он же атаман Лукьян Максимов посылал от себя письма в верховые и хоперские городки, чтоб его князь Юрья убить, где изъедут… Да в том же их Кундрючьем городке казаки Авдей Меретин да Аноха Семерников сказывали всей станице, как-де за вором Кондрашкою Булавиным ходил атаман Лукьян Максимов и при них-де тот Кондрашка съехался с ним Лукьяном, и он вор Кондрашка ему Лукьяну говорил, для чего-де ты атаман за ним Кондрашкою в поход ходишь, ты-де велел убить князя Юрья Долгорукого и посылал сам. И по отъезде его князя Юрья из Черкасского он Кондрашка у него Лукьяна был…»

В показаниях Леонтия Карташа никаких примет личной неприязни к войсковому атаману не обнаруживалось, все отличалось полной достоверностью.

Толстой достал платок, вытер выступившую на лбу испарину. Вот оно что! Существовал, стало быть, тайный заговор против Долгорукого, и войсковой атаман, а вполне возможно, и вся войсковая старшина принимали в нем участие, А он-то, азовский губернатор, писал царю, что в убийстве Долгорукого повинны лишь одни беглые. Нет, хотя и страшновато признаваться царю Петру Алексеевичу в оплошке, а, видно, придется… Нельзя иначе. Дело важное, государственное. Пусть сам царь решает, как поступить с изменниками.

На следующий день казак Леонтий Карташ был спешно под конвоем отправлен в Москву. Сопровождавший его капитан Тит Чертов имел при себе собственноручное письмо азовского губернатора на имя государя.

А спустя некоторое время английский посол при русском дворе Чарльз Витворт, касаясь начавшейся донской смуты, писал своему правительству:

«Войсковой атаман письмами подстрекал к бунту и к умерщвлению Долгорукого, обещал поддержать бунтовщиков всеми силами, а теперь уверяет царя в своей преданности и

предлагает ему свои услуги против них»[12].

VII

Появление Булавина в Сечи необычайно взволновало запорожцев. Имя бахмутского атамана, защищавшего голытьбу, давно произносили здесь с восторгом, и Кондратия Афанасьевича сразу окружила шумная ватага сечевиков, среди которых преобладали сиромашные и новопришлые. Это было неудивительно. У богатых запорожских стариков и хлеба, и пожитков вдоволь, а у сиромашных ни зипунов, ни шапок, они только и мечтали о том, чтоб погулять с молодцом-атаманом…

— Сказывай, что на Дону? Пошто сюда бежал, батько?

— Зрада великая, браты… Атаман Лукьян Максимов с донской старшиной предали нас. Ночью, как тати, ударили в спину… Подмогу у вас просить хочу.

— Дадим допомогу, батько! Все, как один, поднимемся! Зараз войсковую раду скличем! — загорланили, перебивая друг друга, казаки.

Булавин, выждав, пока крики немного затихли, произнес:

— Бью челом всему низовому товариству и прошу дать походные пушки и с нами за правду постоять, как было искони между нами, казаками, единомысленное братство… А дело нам до бояр да до панов, которые неправдою живут, а нас всех обижают. А нам, всех рек казакам, жить всегда в добром совете и вольности наши казацкие оберегать купно!

Запорожцам речь атамана пришлась по душе, они снова зашумели:

— Любо, любо! Станем купно за вольность! Дадим пушки! Побьем панов и арендарей!

Булавин поклонился буйному товариству, вставил:

— На вас в полной надёже я, браты… А что скажет старый черт кошевой Финенко? Не с пустыми руками надо идти на Дон, а оружие и порох в войсковой скарбнице…

— Коли не даст, так скинуть его с кошевья к бисовой матери! — предложили скорые на решения сиромашные.

— А кого ж кошевым мыслите? — осторожно задал вопрос Булавин. Кто вам годен?

Казаки сразу отозвались:

— Костя Гордеенко. Костю кричать станем. Костя преград чинить не будет.

Булавин подробно расспросил сиромашных о всех

запорожцах, на которых можно положиться, и пришел к выводу, что Зерщиков прав: Костя Гордеенко в самом деле оказывался наиболее подходящим кошевым.

Кондратий Афанасьевич отправился к Гордеенко. Тот недавно женился, жил близ Сечи на хуторочке и встретил бахмутского атамана приветливо.

Константин Гордеевич Головко, или Костя Гордеенко, как звали его казаки, широкоплечий великан, буйный и дерзкий на язык, со шрамом на лице, оставшимся после азовского похода от кривой янычарской сабли, не был уже, как прежде, вожаком сиромашных. Втайне завидуя богатым сечевым старикам, Костя успел обзавестись крепким хозяйством, стал корыстолюбив и прижимист. Но, зная, какую силу в Запорожье представляют сиромашные, он на виду всегда поддерживал их требования, чем и снискал доброе о себе мнение.

Дом Гордеенко содержался в чистоте и порядке, В горнице тепло, уютно. Костина проворная жинка в цветном сарафане и желтых сафьяновых. сапожках пекла блины. На столе, покрытом вышитой украинской скатертью, стояли и сулея со старой пенной горилкой, и жбан с брагой, и рыба, и сметана. Костя наполнил кубки горилкой и, глядя на гостя чуть косящими и хитроватыми глазами, произнес:

— Бувай здоров, атаман! Рад, ей-богу, видеть тебя у нас.

— Будь здрав и ты, Константин Гордеевич!

Казаки чокнулись. Выпили. Принялись за блины.

Гордеенко сказал:

— С Дону давно идут о тебе добрые слухи… Знаю, как ты Долгорукого князя побил и как старики, собачьи дети, зраду учинили и промысел над тобой творили… Одного не разумею, — он хитровато прищурился, — кого донские старики более страшатся, царя или голоты?

Булавин высказался без утайки. Донскую голытьбу приводить в Черкасск он не собирался. Тайного договора с войсковым атаманом и старшиной не нарушал. Совершая предательство, атаман и войсковые старшины хотели прежде всего оправдаться перед царем, свалить всю вину за убийство Долгорукого на Булавина и его вольницу. Теперь же, конечно, он соберет голутвенных и поведет их на Черкасск. Расправы за измену старикам не миновать.

— А хиба ж все войсковые старики заедино? — полюбопытствовал Гордеенко.

— Не все. Есть среди них и честные, в измене неповинные. Я с их согласия в Сечи у вас ищу помогу…

— Кто ж там из стариков за вольность ратует?

— Зерщиков Илья Григорьич первый.

— Зерщиков? — удивленно поднял брови Гордеенко. — Ну, коли он с тобою вкупе… удача быть должна. Зерщиков без пользы палец о палец не ударит. — Он снова наполнил кубки горилкой. — За твою удачу, атаман!

Булавин выпил и, чувствуя, как отяжелела голова, отставил кубок в сторону. Гордеенко заметил, сморщился:

— Э, негоже! Казаки пьют, пока сидеть могут…

— А у меня уже той мочи не стало, — попробовал отшутиться Булавин. — Не приневоливай, Константин Гордеич… Мне с тобой еще о делах гутарить надо…

— Успеем, куда нам спешить-то? — И Гордеенко потянулся с кубком к Булавину. — За дружество, за счастье, за славу нашу казацкую!

А потом, когда Булавин рассказал о своих планах и встречах с запорожской сиромашней, Гордеенко пообещал:

— Коли меня кошевым на раде прокричат, охотное войско запорожское поднять тебе дозволю и на Дон идти никому возбранять не буду… порох и свинец из войсковой скарбницы дам… А когда соберешься в силах и пойдешь к Черкасскому, пошлю допомогу покрепче и пушек для осады… Я вольным людям всегда радею.

Булавин, поблагодарив хозяина за добрые намерения, признался:

— Еще опасаюсь, как бы гетман Мазепа подсылки в Сечь не сделал, чтоб меня схватить, или иной шкоды не учинил?

Гордеенко заверил:

— Того у нас не бывает, атаман. Пан Мазепа универсалы сердитые пишет, а тронуть никого не посмеет без нашего согласия… А мы за тебя единодушно постоим!

…После того как Костя Гордеенко был избран кошевым атаманом, войско запорожское приговорило; никому донского атамана Булавина не выдавать, в помощи донских казаков обнадежить, охотного войска запорожского не задерживать.

Булавин заложил свой стан сначала в Тернах на реке Самаре, а затем перебрался в Кадак.

Именно в это время Булавин написал первое обращение ко всем атаманам и вольным людям:

«Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники. Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в Терны на вершины самарские»[13].

Вскоре эти «прелестные» грамотки стали обнаруживать и в донских станицах, и на всех дорогах и шляхах, и под Воронежем, и под Тулой, и под Тамбовом.

VIII

Пока Кондрат Булавин устраивался в Кодаке и собирал охотное войско, между Малороссийским приказом в Москве, киевским воеводою князем Дмитрием Михайловичем Голицыным и украинским гетманом Иваном Степановичем Мазепою велась деятельная переписка о том, как быстрей и лучше «изловить вора Булавина и разорить его воровское собрание».

ГРАМОТА ИЗ ПРИКАЗА ГЕТМАНУ МАЗЕПЕ

«Декабря 20-го числа 1707 года будучие из Сечи казаки сказывали: приезжали-де в Сечу из Кадака вор Булавин с товарищами, и для того их приезду была в Сече рада, и в раде читали письмо. И просил он Булавин войско запорожское себе в споможение, чтоб учинить бунт в великороссийских городах… И тебе нашего Царского Величества верному подданому Войска Запорожского обоих Сторон Днепра гетману и кавалеру Ивану Степановичу от себе в Сечу к кошевому атаману и ко всему поспольству по рассуждению своему писать, дабы они вышеписанного вора велели поймать, а поймав прислали б его за крепким караулом к тебе. Также, чтоб к возмущению бунта свою братью запорожских казаков они не допустили. И которые к тому злу обще с ворами явятся, и они б тем людям чинили наказание по войсковым правам. А когда тот вор Булавин с товарищами пойман будет, его прислать, оковав, за крепким караулом в Москву».

ПАМЯТЬ ИЗ ПРИКАЗА БОЯРИНУ СТРЕШНЕВУ

«Января 20-го дня 1708 года писал войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Степанович Мазепа, Посылал он нарочного посыльщика с письмом в Сечу к кошевому атаману и ко всему поспольству, повелевая им, дабы они выдали из фортеции Кадацкой донского бунтовщика Кондратия Булавина с его единомышленниками, и, сковав их, прислали с тем же его посланным. И когда с тем его письмом посланец в Сечу приехал, и в общей их войсковой раде по обыкновению то письмо было чтено, тогда все единогласно хотя и постановили того бунтовщика выдать, а на другой день собралися в другой раз на

раду и первое свое постановление о выдаче тех преступников неистовые голоса пьяниц и гультяев переменили, понеже они большим числом превосходят добрых и постоянных людей. А сказали-де, что в Войске Запорожском никогда того не бывало, дабы таковых бунтовщиков выдавать. В одном только явили будто свою верность: послали есаула с коша в Кадак к полковнику тамошнему с письмом, дабы он все гультяйство, которое почал к себе прибирать тот бунтовщик Кондратий Булавин, разогнал. И ему бунтовщику приказал бы, чтоб он в Кадаке смирно жил, гультяйство к себе не собирал и ничего враждебного и вредительного против его, Великого Государя, не починал».

ГРАМОТА ИЗ ПРИКАЗА ГЕТМАНУ МАЗЕПЕ

«Острогожский полковник Иван Тевяшов писал к изюмскому полковнику, чтобы он послал от себя в Терны, в Кадак и в Запорожье тайным обычаем для проведывания вора и бунтовщика Булавина… И января 29-го дня нынешнего 1708 года посыльные его возвратились в Изюм, а в расспросных их речах написано; ездили-де они тайным обычаем на вершину Самарскую в урочище Опалиху, и вниз тою рекою Самарою проехали все курени севрюков запорожских, и сказывали они, что Булавин пошел в Сечу. А товарищей его в тех самарских Тернах не видали… А потом пришли в Кадак и объявились кадацкому полковнику, и просили, чтобы они приняты были в его курень, и сказывали, что пойдут с Кадаку в Запорожье казаковать. И он полковник в свой курень принял, и были они в том курене три дня и видели на лицо изменника Булавина дважды, а товарищей с ним, донских казаков, двенадцать человек. И при них он Булавин с полковником кадацким в курене сидел пообочь, слушали челобитчиков. И в то число явились из Новобогородицкого с воеводским письмом три человека, жаловались на кадачан, что у них пограбили рыбу. И письмо воеводское читали, и он Булавин тех людей бранил и письмо ругал. А полковнику кадацкому говорил: вы-де не знаете, что они в письмах своих все плутуют да стращают. И в то время тем людям запорожцы за его словами справедливости не учинили».

ДОНОШЕНИЕ КИЕВСКОГО ВОЕВОДЫ ГОЛИЦЫНА ЦАРЮ ПЕТРУ

«Из Киева февраля 28-го дня 1708 года. Донской казак бунтовщик Булавин жил немалое время в запорожском городе Кадаке, и приехало к нему с Дону сорок человек таких же воров, и поехал с ними в Сечу и просил запорожских казаков, дабы они с ним поступили к бунту, в разоренье Ваших Государевых

великороссийских городов. И кошевой атаман к бунту не поступил, а за то его с атаманства скинули, а ныне выбрали нового атамана Константина Гордеенко, о котором ко мне господин гетман Мазепа писал, что древний вор и бунтовщик. И позволил ему вору охотников набирать, и оный вор несколько сот таких же воров собрав, через Днепр переправился, и ныне стоит на речке Вороновки, от Новобогородицкого верстах в двадцати, и многие к нему такие же шаткие люди пристают».

ПАМЯТЬ ИЗ ПРИКАЗА БОЯРИНУ СТРЕШНЕВУ

«В нынешнем 1708 году марта в 22 день писал гетман Мазепа, что послал он на место, где тот изменник и душегубец Булавин обретается, полковника полтавского с его полком и полк конный для разорения там устроенной крепости, и для учинения над раскольником тем поиска и поимки его, и для разгромления того бунтовничного сборища».

ДОНОШЕНИЕ КИЕВСКОГО ВОЕВОДЫ ГОЛИЦЫНА ЦАРЮ ПЕТРУ

«Из Киева апреля 4-го дня 1708 года. В прежних своих письмах доносил вам, всемилостивейшему Государю, о воре Булавине, который был в Запорожье и принял позволение, чтобы таких же к себе принимать легкомысленных, и собирался на урочище Вороной. И по тому известию, собрав я конных 600 человек, послал для охранения Самары, и писал к господину гетману, чтоб он регименту своего полку полтавскому приказал, сколь возможно быстрее собраться и идти к Самаре на помощь. И господин гетман до Вашего всемилостивейщего указу тому полку велел собраться, который собрався стоял в ближних местах от Самары. И уведав о том, оный вор тех урочищ лишился»[14].

Из этой переписки, между прочим, видно, что Кондратий Булавин был тесно связан «единомысленным братством» с запорожскими казаками, но не имел и не мог иметь ничего общего с гетманом Украины Мазепой, который ненавидел и русских, и украинцев, и казаков.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Восемнадцатого марта 1708 года поздно вечером козловского воеводу князя Григория Ивановича Волконского обеспокоил подьячий приказной избы Ларион Силин. Князь поужинал, помолился богу, улегся в пуховики и начинал уже сладко дремать, как вдруг этакая неожиданность…

Стоит в дверях Ларион, пощипывает пегую бороденку и гнусавит:

— Неладные вести, батюшка князь… Воровской атаман Кондрашка Булавин, слышно, поблизости от нас объявился…

Воевода в одной рубахе соскочил с постели, недоумевающе заморгал глазами:

— Кондрашка? Да ты не с ума ли спятил? Я ж только вчера ведомость светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова получил, что оный вор и бунтовщик в Запорогах обретается…

— Зимовал там, а ныне воровское его собрание в Пристанском городке на Хопре…

— Быть того не может! Кто сказывал?

— Тамбовец Ромашка Белевитинов и татарин Акмемет Дунаев третьего дня еще с чужих слов о том болтали, да я веры им не дал… А ныне тамбовский дьячок Иван Попов, бывший по своим нуждам в том Пристанском городке, показал, что сам-де он тех воровских казаков видел… А намерение-де у них, воров, захватить государевых лошадей, которые на корму в Козлове и Тамбове. Да они же, воры, говорили, что дело им до бояр, до прибыльщиков, до немцев, до подьячих, да до вашей княжой милости, чтобы всех перевесть…

— Ишь, дьяволы сиволапые, чего захотели! — буркнул воевода. — Вот пошлю на них драгун… — И, круто сломав фразу, спросил: — А много ли в собрании воров-то?

— Сказывают, будто тысяч семнадцать, — промолвил подьячий, — да еще будто ожидают с разных сторон множество… Письма «прелестные» с печатью того Кондрашки Булавина по всем селам и деревням читают…

— Ах, семя воровское, проклятое, — сердито просопел воевода и распорядился: — Вот что, Ларион… Вестовщиков тех держать под караулом. Расспросы хранить в тайне. А в Пристанский городок послать немедля добрых шпигов для подлинного уведомления о ворах. Может, прибрехал с перепугу тот дьячок. У страха глаза-то велики!

Однако как ни старался воевода себя приободрить, а черные мысли лезли в голову столь настойчиво, что более всю ночь заснуть он не мог. Положение складывалось скверное. Посылать против воров некого. Кроме двух драгунских рот, охраняющих государевых лошадей, никакой воинской силы в Козлове нет. Вооружить местных жителей? Но чем? На днях сам осматривал воинский склад: порох сырой, к пальбе не годен, ружей и свинца нет… Да и надежда на козловцев плохая. Многие давно замечены в шатости и склонности к бунту. А работный люд, занятый заготовкой корабельных лесных припасов и постройкой бударок на Хопре и Воронеже, при первой возможности присоединится к ворам. И если, избави бог, вздумает Кондрашка брать Козлов и Тамбов, противиться ему нечем…

Так, ничего утешительного не найдя, забылся воевода на

рассвете в тяжелом сне.

А на другой день примчался из Тамбова от стольника Василия Данилова нарочный, сообщил:

— Воровские казаки отогнали с тамбовских государевых заводов четыреста сорок лошадей и триста жеребят. А как учинился-де сполох, все конюхи и мужичишки убежали в леса за реку Цну. А работных людей, плотовщиков и бурлаков, воры подговаривают, идти к ним, а надзирателей утопить…

Дурные вести продолжали следовать одна за другой. Крестьяне деревень Карачана, Русской Поляны, Самодаровки, Никольской, Ключей и многих других склонились на воровскую «прелесть» и, по казацкому обычаю, учинив круги, выбирают атаманов и есаулов.

Потом прибежал в Козлов староста принадлежавшей светлейшему князю Меншикову деревни Грибановки Меркул Федоринов. Наехавшие воры разграбили здесь без остатка все господское имущество, скотину частью порезали, частью угнали, а атаманом поставили гультяя Гаврилу Викулина.

Воевода, услыхав об этом, схватился за голову. Вот тебе лишняя докука! Вспомнил, как перед отправкой в Козлов на воеводство Меншиков как бы в шутку предупредил:

— Смотри, Григорий, без призора мою деревеньку Грибановку не оставляй… Ежели дуровство какое там случится, с тебя взыскивать буду.

Чего доброго, а на это жадный и корыстный светлейший князь способен! Заставит деревеньку восстанавливать, и спорить с царским фаворитом не станешь.

Волконский тяжело вздыхает. Вообще хуже ничего нет, когда поблизости расположены владения знатных лиц. Помощи от них не жди, а неприятностей и нареканий не оберешься. Простой дворянин воровское нападение, как божью кару за грехи, снесет со смирением, безропотно, а знатные вотчинники во всем воеводу винить будут, он-де ворам потакал, он-де нас не оберег… А тут, куда ни глянь, на сотни верст вокруг богатейшие поместья бояр Нарышкиных, Салтыковых, Воротынских, Воронцовых, Одоевских, Репниных…

Воевода думает о том, что надо немедля предупредить этих спесивых господ о начавшемся на Хопре воровстве… да, кстати, собрать провиант для ратников… да попытать о дворянском ополчении из их недорослей и приживалов… Жестокосердием вотчинников возмущение мужичишек воздвигается, пусть и потрудятся себя охранить.

Волконский снова ночью не спит. Сидит за столом, кряхтит, готовит письма. А в окнах тревожно отсвечивает далекое зарево.

Где-то полыхает помещичья усадьба.

…Боярин Иван Петрович Салтыков свыше пятнадцати лет проживал в своем родовом селе. Отец его, Петр Михайлович, любимец царя Алексея Михайловича, числился среди шестнадцати самых родовитых бояр. Но Иван Петрович царедворцем оставался недолго. Он примыкал к тем, кто поддерживал царевну Софью и неодобрительно относился к затеям молодого царя Петра. После разгрома партии царевны боярину Ивану Петровичу Салтыкову предложили «отъехать из Москвы не мешкав и безвыездно пребывать в тамбовской вотчине». Царь Петр ограничился таким довольно легким наказанием потому, что помнил, как некогда взбунтовавшиеся стрельцы вместо его дяди Афанасия Кирилловича Нарышкина убили ошибочно стольника Федора Салтыкова, родного брата Ивана Петровича.

Сельская жизнь боярина Салтыкова не очень удручала. Безмерно богатый, тщеславный и властный, он чувствовал себя здесь по крайней мере владетельным князем. Окруженный белокаменной оградой двухэтажный с колоннами дом походил на дворец. Рысистые лошади собственного завода славились на всю Тамбовщину. В охотничьих сворах насчитывалось несколько сотен породистых гончих и борзых собак. Праздничные приемы у Салтыкова обставлялись с царским великолепием. Крепостные слуги выполняли любую прихоть хозяина. Малейшее ослушание жестоко каралось, часто из конюшен наказанных выносили замертво.

Слух о появлении в Пристанском городке воровских казаков боярина Салтыкова не испугал. Он вооружил на всякий случай дворовых, выставил караулы вокруг села и на этом успокоился. Грозный владыка многих тысяч крепостных крестьян слишком презирал своих подданных, чтоб расстраивать себя мыслями о возможном соединении крестьян с бунтовщиками…

Приехавшего от козловского воеводы подьячего Лариона Силина принял боярин милостиво, посадил с собой обедать и даже пошутить изволил:

— Небось со страху перед ворами князь Григорий в штаны напустил…

— Сила воровская огромна, боярин, утушить сей огонь вспыхнувший нелегко, — заметил подьячий. — Воевода одну токмо надежду питает на дворянское ополчение…

— Удумал! — фыркнул сердито Салтыков. — Воинской силой завсегда бунты смиряли, а не дворянским ополчением.

— Так-то оно так, — сказал подьячий, — да где воинскую силу-то взять? Шведы на рубежах отечества, сам ведаешь… А

коли пришлет государь недавно собранные рекрутские полки, они для отпору бунтовщикам не годятся, ибо у многих рекрут в воровском собрании братья и свойственники… Того ради князь Григорий Иванович и велел мне говорить с тобой, боярин, чтобы вступал ты с недорослями своими в ополчение…

Салтыков гневно стукнул кулаком по столу:

— Не бывать! Салтыковы при четырех царях ближними были. Нам с ворами биться низко.

Ларион Силин, зная крутой нрав хозяина, немного помолчал, потом со вздохом вставил:

— Так-то так, милостивец, да кабы хуже не было… Князь Одоевский тоже в ополчение идти не захотел, а ныне воры деревеньку его сожгли, а самого утопили…

Сообщенная новость произвела на боярина впечатление, он даже в лице изменился:

— Ты что, Ларион Иванович? Шутишь? Да ведь от его деревеньки и ста верст до меня нету… Ах, богоотступники, смерды подлые!

Подьячий, пряча под усы усмешку, подумал: «Подожди, я тебя допеку, не так еще запоешь». А вслух произнес:

— Я ж сказываю, боярин, кабы-де хуже не было… Ежели Кондрашку у нас не смирить и не удержать, их воровской намерок размножится, дуровство по всей Руси пойдет. Уж и ныне, откроюсь тебе, за Тамбов и Воронеж опасаемся.

— Господи Исусе! Неужто так, Ларион Иваныч?

— Воистину так, боярин…

— Гм… Придется, пожалуй, ехать…

— Придется, милостивец, — кивнул головой подьячий. — Ополчения все равно тебе не миновать.

— Какое там ополчение! Воевать мне негоже. Поеду с воеводой говорить, как от воров вотчину свою обезопасить…

— Воевода не поможет. С двумя драгунскими ротами супротив воровской орды не пойдешь. Да и тебя, боярин, укрыть от ополчения князь Григорий Иванович не посмеет…

— Ты какие это темные загадки мне загадываешь? — нахмурился Салтыков.

Подьячий наклонился к нему и, понизив голос до шепота, промолвил:

— По старому дружеству открою тебе, боярин… На подозрении ты ныне состоишь. Из Москвы тайная бумага прислана. Велено строго сыскать, как ты государевым указам противенствуешь, недорослей своих от военной службы укрываешь, а Ивашку-холопа до смерти батогами застегал…

— Облыжные слова! Поклеп! Я в смерти Ивашки не повинен!

— Мы-то верим тебе, боярин, а посланцы государевы не верят. Его царское величество не раз указывал руду искать со всяким прилежанием, дабы божье благословение под землей втуне не оставалось. А сыщики, вишь, проведали, будто бы ты, не желая для отечества трудиться и заводы строить, за то Ивашку и застегал, что тот руду обрел…

Салтыков не выдержал, схватился за голову, застонал:

— Ох, время тяжкое! Прежде цари православные не так жили, не так поступали. А этот словно подмененный какой. Все государство разворошил. На болоте город строит. Лучших бояр на колья посажал. Басурманские порядки заводит. Скоро от веры православной отвращать станут…

— Вот и этакие слова твои непотребные государевым сыщикам ведомы, — сказал подьячий, — как же воеводе от царского гнева спасти тебя?

Салтыков вытер платком вспотевшую шею, признался:

— До сердца довели. Истинно говорю: ума не дам, что делается? Кругом плохо. Одни расстрой великие зрю, и куда прибегнуть, не ведаю… Ужель того хотят, чтобы старый род Салтыковых в бесчестии сгинул?

Подьячий, пощипывая по привычке бороденку, подсказал:

— В ополчение иди, боярин. Единый путь вижу, како царский гнев избыть и чести не утратить… Может, смерть честну примешь, боярин, а с мертвого токмо и не взыщут.

— Ан врешь, врешь! — перебил Салтыков. — И с живого не взыщут, коли ты поможешь…

— В толк не возьму, боярин, о чем ты речь ведешь? — удивился подьячий.

— Правая ты рука у воеводы, Ларион Иваныч. Ведаю: и оправить меня перед Москвою сумеешь и от ополчения избавить… А я за услугу сию ста червонных не пожалею.

Подьячий испуганно замахал руками:

— Что ты, опомнись! Ныне за малую корысть смертью наказуют, а за взятки и лихоимство — страшно молвить. Нет, уволь, боярин, мне своя голова дороже твоих денег.

Салтыков вышел из-за стола, принес деньги в бархатном кошельке, высыпал перед подьячим.

— Старой чеканки, Иваныч… А уладишь дело— вдвое получишь.

— Страшусь, страшусь, милостивец, — пробормотал Ларион, а у самого дрожащие руки так к деньгам и тянутся.

— Бери, не лукавь, — произнес Салтыков. — Все взятками живут. Все поползновенны!

Противился Ларион недолго. Прибрал деньги, сказал:

— Ин ладно, боярин. Так и быть, приму грех на душу. Приезжай в Козлов — оправим. Токмо не мни, что златом меня, старого, купил… Злато сие сыщикам. А меня, видно, иным приветишь. Давча девку у тебя видел, Фроськой кличут, в метрессишки хочу… Подари да прикажи снарядить.

Салтыков только крякнул:

— Эх, дорог ты нынче, Ларион Иваныч, да, видно, твое счастье. Дарю девку.

И, налив венгерским вином чары, продолжил:

— Ну, во здравие твое и воеводы!

Но выпить вино не успели. Послышался какой-то странный шум. Дверь распахнулась, вбежал. перепуганный дворецкий.

— Беда, боярин! Неведомые люди приехали! Сюда идут!

Салтыков, багровея, крикнул:

— Кто… кто пустить посмел?

Силой взяли. Сотни две, все конные и оружейные…

Они входили уже в горницу, сопровождаемые взволнованными дворовыми мужиками и холопами. Впереди чернобровый, средних лет казак, в бархатном кафтане, подпоясанном красным кушаком, и с запорожской кривой саблей…

— Бьем челом, боярин… Не обессудь, что во множестве.

Салтыков ворочал выпученными от страха глазами и еле пробормотал:

— Не ведаю вас… люди добрые…

Казак обжег его горячим, недобрым взглядом, сказал с насмешкой:

— Кондрат Булавин. Может, слышал?

Салтыков молча шевелил губами. Подьячий дрожал всем телом.

Кто-то из казаков произнес:

— Не пытай, Кондратий Афанасьич… Видишь, от радости языка лишились…

— Воистину так, — не помня себя, вымолвил подьячий.

— А ты что за ворона? — спросил Булавин.

— Служилый, приезжий, подневольный человек… — залепетал подьячий.

Булавин, не дослушав, повернулся к дворовым:

— Кто ведает?

— За одно они стоят, атаман, — ответил хмурый пожилой крестьянин. — Боярин, как пес, народ грызет, а дьяк сей бесчинства его покрывает…

— Ну, ежели так, заодно и спрашивать будем…

Подьячий затряс бороденкой, бросился в ноги атаману:

— Неправда… оговорили меня…

— Молчи, род гадючий! — прикрикнул Булавин и приказал: — Ведите их во двор!

А там у крыльца толпились приехавшие с Булавиным казаки и одетые в рваные зипуны и лапти крестьяне. Когда Салтыкова и подьячего вывели из дома, толпа встретила их зловещим негодующим рокотом.

Булавин, выйдя на крыльцо, крикнул:

— Эй, народ! В чем боярин ваш повинен? Кажи, не таись…

Толпа закипела. Полыхала ненависть в глазах людей. Вековые обиды жгли мужицкие сердца. Потрясая дубинами и топорами, перебивая друг друга, кричали:

— Разорил всех, замучил, изверг!

— Ходим нагие, едим хлеб гнилой!

— От работ тяжких спины согнуло!

— Никакой управы на него нет! Собаками травит!

— Ивашку батогами до смерти забил!

— Зверь он лютый! Оборони нас, атаман, все тебе верно служить станем!

Булавин слушал жалобы молча. Только губы от еле сдерживаемого гнева чуть приметно дрожали. Потом повернулся он к Салтыкову, спросил:

— Слышал вины свои, боярин?

Салтыков, собрав силы, злобно выдохнул:

— Воры, смерды подлые… не вам меня судить…

— Нам! — грозно сдвинув густые брови, перебил Булавин. — Кончилось царство ваше, тунеядцы. Возьми, народ, обидчиков и недругов своих! В воду обоих!

Толпа охнула, расступилась и словно поглотила боярина и подьячего. Булавин обратился к крестьянам и холопам:

— Ведайте, браты, что встали мы, казаки, за старые обычаи и вольности, порушенные боярами и господами. Отныне крестьянству для них не пахать и не сеять. Созывайте круг, изберите атамана, живите вольно. А кто похочет с нами погулять — всем рады. Ведайте, браты, — возвысил он голос, — ныне и запорожцы и кубанцы с нами в единомыслии, работный люд и голытьба всех рек донских поднимаются за нас, а завтра Русь вся всколыхнется. Душа моя открыта перед вами… Покуда изменников старшин, князей, дворян, прибыльщиков и подьячих не переведем, — оружия не сложим. А ежели я от намерения своего отступлюсь или корысть какую заимею, этой саблей, — выхваченная из ножен сильной и ловкой рукой, она сверкнула в воздухе, — этой саблей голову мне отсеките…

— Верим, атаман! Веди нас на Воронеж!

А между тем сгустились сумерки. Кругом зажглись костры. Казаки выводили из конюшен рысистых лошадей. Мужики тащили порезанных господских телят, кур и гусей, готовился обильный ужин. Из боярских погребов вытаскивались бочки с вином и старым хмельным медом.

Булавин довольно жмурился, подкручивал усы и беседовал приветливо с деревенскими стариками.

II

Появление булавинцев в Пристанском городке на Хопре, показавшееся неожиданным многим начальным людям, не было случайностью. Булавин, будучи в Запорожье, весьма тщательно обдумал план предстоящих действий, и можно лишь удивляться той дальновидности, с какою местом сбора вольницы был определен ничем как будто не приметный казачий хоперский городок.

Булавин прибыл в Пристанский городок в первых числах марта, сопровождаемый несколькими сотнями запорожских гультяев под начальством Лукьяна Хохлача.

Замысел Булавина состоял тогда в том, чтобы как можно быстрей собрать войско для похода в Черкасск, расправиться там с предателями-старшинами и восстановить на Дону старые казацкие права и вольности. А для выполнения этого замысла Пристанский городок создавал наивыгоднейшие условия. На Хопре, Воронеже, Битюге, Цне и других ближних реках тысячи насильно согнанных сюда работных людей — лесорубов, плотовщиков, бурлаков — занимались под жестоким надзором смотрителей заготовкой и сплавом леса, готовили государевы будары и лодки. Кроме того, в лесах, окружавших Пристанский городок, укрывалось множество беглых солдат, холопов и староверов. Булавин надеялся на помощь этих обездоленных людей, надеялся, что они составят крепкую основу его будущего войска, с которым на государевых бударах по Хопру и Дону он легко доберется до Черкасска. Необходимый для войны провиант без особого труда можно было найти в помещичьих усадьбах, а лошадей забрать с ближних государевых конных заводов.

А чтобы привлечь к себе народ, Кондратий Афанасьевич пишет в Пристанском городке несколько «прелестных» писем, которые во множестве списков широко распространяются по всему краю.

Вот одно из таких писем, доставленных козловскому воеводе

князю Волконскому:

«От Кондратия Афанасьевича Булавина и от всего съездного Войска Донского в русские города начальным добрым людям, также в села и деревни посадским торговым людям и всяким черным людям челобитье. Ведомо вам чиним, что мы всем войском стали единодушно вкупе в том, что стоять нам со всяким радением за дом пресвятой богородицы, за истинную веру христианскую, за благочестивого Царя нашего, и за свои души и головы, сын за отца и брат за брата, друг за друга стоять и умирать заодно.

А вам бы всяким начальным добрым и всяким черным людям такоже с нами стоять вкупе заодно… А от нас вы всякие посадские и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сомневайтесь отнюдь. А худым людям князьям и боярам, прибыльщикам и немцам за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не спущать. А между собою вам добрым начальным людям, посадским, торговым и черным людям отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить и не грабить и не разорять. А кто станет напрасно обижать или бить, тому человеку вам бы там учинить смертную казнь без пощады.

А по которым городам в тюрьмах есть заключенные люди, и вам бы боярам, воеводам, всяким начальным людям тех заключенных людей из тюрем всех выпустить тотчас без задержания.

Да еще вам ведомо чиним, что с нами запорожские казаки, и Белгородская орда и иные многие орды нам руки задавали в том, что они рады с нами стать заедино и радеть заодно.

А с сего нашего письма по городам и селам всяким начальным людям везде списывать списки и посылать. А буде кто, боярин или князь или иной какой начальный человек, или кто, ни на есть, сие наше письмо затеряет или потаит, и мы того человека где ни на есть найдем, то учинена ему будет смертная казнь без пощады.

А сие наше письмо посылать до города Тулы, а больше не посылать, ради того, что мы всем войском в том городе Туле будем и сие письмо спросим, и его б нам объявить безо всякого коварства.

А к сему письму нашего войскового походного атамана Кондратия Афанасьевича Булавина печать».

Высказанное в письме желание стоять за истинную веру христианскую и за благочестивого царя является хорошо продуманным тактическим приемом. Булавин знал, как еще сильна была в простом народе вера в бога и царя, добрые намерения атамана увеличивали ряды вольного войска. А в

практической деятельности Булавина религиозные вопросы большого значения не имели. Кондратий Афанасьевич во многих городах и станицах конфискует церковные деньги, а священников и монахов, стоявших за царя, булавинцы грабили и вешали столь же охотно, как воевод и помещиков. Церковных обрядов и постов булавинцы, как правило, не соблюдали. Князь Волконский в одном из писем свидетельствует, что безбожники-булавинцы «всякий скот и кур и гусей и прочее бьют и едят в нынешний великий пост»[15].

Следует остановиться и на сделанной в письме приписке о том, будто булавинцы собираются быть в Туле. Булавин, как известно, думал лишь о походе в Черкасск, но он превосходно знал, что письмо его так или иначе попадет в руки воевод и правительственных чиновников, и хотел ввести их в заблуждение. С этой же целью булавинцы широко распространяют и слухи о якобы предполагаемых нападениях на Козлов, на Тамбов, на Воронеж и на другие города.

Цель была достигнута. Воеводы вместо наступательных действий против только что начавшей собираться на Хопре булавинской вольницы — на первых порах с ней легко было справиться — начинают заниматься укреплением мест, называемых в допросах и «прелестных» письмах. Конным и пешим войскам, которые правительство начало стягивать для борьбы с Булавиным, приказали собираться в Туле; за этот город, где изготовлялось оружие, царь Петр особенно опасался.

Деятельность Булавина в Пристанском городке вообще очень ярко характеризует природный ум, сметку и огромную энергию вождя восстания. Весьма примечательны и порядки, которые Булавин вводит в своем войске.

В первые же дни одновременно с «прелестными» письмами Булавин посылает грамоты «по реке Хопру и по Медведице и по Бузулуку, по всем станицам, чтоб съезжались лучшие люди по двадцать человек от станицы в Пристанский городок на совет». Собранный таким образом войсковой казачий круг избирает Булавина походным атаманом и как бы узаконивает намеченные им мероприятия.

С ведома этого круга назначаются старшины, полковники, есаулы, знаменщики; выделяются отряды для отгона лошадей с государственных конных заводов; и Булавин, уже как избранный войском походный атаман, посылает по донским рекам приказ, «чтоб по всем станицам всем казакам верстаться пополам: одной половине быть готовым в поход конным и оружейным, а другой быть на куренях».

Булавин назначает казака Степана Жукова ведать допросами

прибывающих людей, а несколько позднее создает на дорогах тайные заставы, которые задерживают подозрительных лиц и перехватывают письма начальных людей.

Вынесение приговоров по важным делам Булавин поручает войсковому съезду или совету своих старшин и полковников. Козловец Кузьма Анциферов, задержанный в Теликинском городке на Хопре по подозрению в шпионстве, впоследствии показал: «И тот-де вор Булавин велел тем теликинским провожатым доставить его Кузьму в Усть-Хоперский городок для того, что-де в том городке будет вся река в съезде, и что-де всею рекою ему Кузьме приговорят, казнь ли ему учинить или освободить, то он Булавин и учинит. И в тот же день он Булавин, собрав своих полковников и есаулов и посоветовав с ними, его Кузьму отпустил и лошадь его, которая в Теликене городке у него была отобрана, ему Кузьме отдал»[16].

Основное внимание Булавина было сосредоточено на подготовке войска. Голытьба приходила в Пристанский городок с пустыми руками. Надо было всех приодеть, накормить, вооружить, подготовить к предстоящему походу. И все это в самый короткий срок.

Булавин заботится даже об артиллерии. Узнав, что в Борисоглебске стоят две старые пушки, он немедленно посылает казаков взять эти орудия, но предупрежденный воевода вывез их из города. Дважды посылаются казаки в Донецкий городок, где находились пушки Воронежского Адмиралтейства, однако достать их тоже не удалось. Впрочем, Кондратий Афанасьевич надежды не терял. Беглые солдаты-артиллеристы, принятые им на службу, пользовались у него особым почетом. Они еще пригодятся!

Менее чем за один месяц Булавин сумел собрать весьма значительную по тем временам армию, насчитывающую свыше десяти тысяч человек. Добрая половина из них была посажена на коней, составив несколько устроенных по-казацки полков.

В конце марта, как только Хопер очистился ото льда, Кондратий Афанасьевич отправился с войском в Черкасск. Конница шла берегом, в восемь рядов, под кумачовыми знаменами, за ней двигался войсковой обоз. Две тысячи пеших голутвенных, вооруженных ружьями и пищалями, плыли по реке на отбитых государевых бударах и стругах.

Остальная безоружная и бесконная вольница и две сотни запорожцев оставались в Пристанском городке. Атаманом над этими запасными войсками поставлен Лукьян Хохлач. Он обязывался доставать коней, оружие, составлять из оставшейся и продолжавшей подходить со всех сторон голытьбы отряды и

отсылать их к Булавину.

Посланные князем Волконским в Пристанский городок шпионы Дементий Сушков и Тимофей Кусов, возвратившись в первых числах апреля в Козлов, показывали:

«Кондрашка Булавин, собрав в хоперском Пристанском городке несколько тысяч человек, пошел конницею и водою в Черкасск для истребительства войскового атамана и старшин, будто за их неправду.

А с ним-де пошло изо всех хоперских и бузулуцких и медведицких городков старых казаков из каждого городка по половине, а бурлаки все. Да тамбовцы, которые высланы из Тамбова для сгонки в Азов плотов, с ними соединились. А взяв-де Черкасск идти им ворам разорять Азов, а потом до Москвы; а в Азове и на Москве и во всех городах вывесть им бояр да прибыльщиков да немцев… да он же Булавин из воровского его походу в хоперские городки к оставшему от него атаману Хохлачу присылает письма, чтоб они казаки ныне хлеба не сеяли и не пахали и из городков никуда не отлучались, а были б в собрании и к службе в готовности. А пришлых с Руси беглецов принимали бы со всяким прилежанием, а против прежней обыкности с них беглецов деньгами и животами и вином не брали для того, чтоб больше к ним в хоперские городки беглецов шло, И таковых-де беглецов по половине посылают они казаки за ним вором Булавиным вслед. А таких-де беглецов встретилось с ними, идут с Руси в хоперские городки многое число».

III

Воронежского воеводу Степана Андреевича Колычева появление булавинцев на Хопре встревожило еще больше, чем воеводу козловского. Кто знает, не учинят ли воровские казаки какой-нибудь шкоды кораблям российского флота, стоявшим в Воронеже, Ступине, Шатрове и Таврове?

Колычев был старым честным служакой, он хорошо знал, как дорог царю Петру каждый корабль, и поэтому прежде всего приказал подполковнику Рыкману, командиру Воронежского пехотного полка, усилить охрану кораблей.

Однако беда пришла совсем не с той стороны, откуда она ожидалась.

На реке Битюге, близ новопостроенного города Боброва, готовились лесные материалы для Воронежских верфей. Главный надзиратель немец Брум думал лишь о своей выгоде, ухитряясь

отполовинивать и без того скудное казенное жалованье трудникам, которых заставляли работать по двенадцать часов, а кормили гнилым хлебом да затхлой солониной. Строптивых и непослушных работников немец отсылал к бобровскому воеводе, тот люто драл их батогами, морил в тюремных сырых казематах. Неудивительно, что, услышав о появлении булавинской вольницы, работные люди постарались связаться с нею.

Козловец Гур Лычагин рассказал о том, как с реки Битюга, где готовят лесные припасы, «приходили четыре работника в Пристанский городок к воровскому атаману Хохлачу и били челом, что им работным людям лесные припасы готовить тяжко и чтоб он с казаками от той тягости их оборонил. И он-де Хохлач, собрав воровских казаков человек двести с ружьем, поехал на ту поделку для взятья немца, которому та поделка приказана, и для обороны работных людей».

30 марта Лукьян Хохлач с казаками хозяйничал на Битюге. Работные люди повсюду встречали их радостно. Многие тут же вооружались чем попало, присоединялись к восставшим. Надзиратель Брум, подрядчики и стражники были повешены. Никто убежать не успел.

А вечером того же дня внезапным налетом Лукьян Хохлач взял город Бобров.

Шла страстная неделя. Воевода и другие начальные лица находились в церкви. Священник заканчивал службу. Воевода, стоявший у амвона, громко вздыхал. Великопостные песнопения щемили душу. Оплывшие нагаром свечи слабо мерцали.

Неожиданно среди молящихся произошло какое-то шумное движение. Воевода сердито оглянулся и обомлел… Прямо на него были устремлены горевшие злобой глаза битюгского гультяя Ромашки Желтопятого, которого только сегодня утром он, воевода, подверг за распространение воровских слухов жестокой порке, а затем приказал посадить на цепь в острожной яме… Как же он оттуда выбрался?

Размышлять воеводе, впрочем, долго не пришлось. Ромашка протиснулся к нему, схватил словно клещами за руку:

— Хватит! Всех грехов не замолишь! Пойдем со мною…

Стоявшие за Ромашкой люди тут же скрутили и воеводу, и бурмистра, и подьячих, а заодно и попа, пытавшегося увещевать казаков, поволокли их из церкви на площадь.

Там собравшиеся жители с любопытством слушали Лукьяна Хохлача, призывавшего их к вольной жизни. У приказной избы полыхал костер, жгли указы и казенные бумаги, и из домов бобровских начальных людей и богатеев казаки выносили пожитки, складывали на телеги.

Лукьян Хохлач, увидев связанного воеводу, крикнул:

— Эй, братцы, кто в деньгах нуждается? Пять целковых тому, кто воеводу на острожные ворота вздернет!

Ромашка, нетерпеливо крутивший в руках заранее приготовленную веревку, сказал с ухмылкой:

— Дорожишь, атаман. Я за один рубль охотно трех воевод удавлю, да и веревки своей не пожалею…

Расправившись с недругами и разбив кабаки, всю ночь гуляли казаки и бобровцы. А на другой день Лукьян Хохлач отправился с казаками вверх по Битюгу, забрал с государевых конюшен добрые косяки лошадей и, переночевав в большом селе Чигле, совсем недалеко от Воронежа, спокойно повернул в Пристанский городок.

Узнав об этом безнаказанном марше воровских казаков по Воронежской губернии, воевода Степан Андреевич Колычев вызвал подполковника Рыкмана и сказал:

— Мы с тобою, Виллим Иванович, солдат в гарнизоне держим, корабли государевы от воров оберегаем, а воры, не ведая никакой острастки, час от часу множатся и по всей губернии, словно по своей вотчине, гуляют…

— Слыхал, Степан Андреевич, — вздохнул Рыкман, раскуривая трубку, с которой никогда не расставался. — Я двойной караул при кораблях поставил!

— Это хорошо, да воры-то не только кораблям опасны, — продолжал воевода. — Битюгский приказной пишет, что в Боброве и в Чигле и в иных местах, где Лунька Хохлач разбойничал, работные люди и мужичишки сплошь с ними, ворами, в единомыслии… Вот чего страшусь!

— Надо государя просить, чтобы для воинского промысла над ворами драгун прислали, — заметил Рыкман. — Иначе замыслов, воровских не пресечешь.

— Кабы было кого прислать, так не стали бы в Посольском приказе пустые отписки для нас стряпать, — отозвался сердито Колычев. — Указал-де великий государь промысел над вором Кондрашкой Булавиным чинить по-прежнему стольнику Степану Бахметеву с царедворцами, да с ними в том походе быть Воронежскому полку Рыкмана.

— Того никак не можно, — недоумевая, пожал плечами Рыкман. — Полк мой к Воронежскому Адмиралтейству для охраны российского флота причислен.

— В том-то и суть, — кивнул головой воевода. — В приказе не хуже нашего о том осведомлены, а пишут… стало быть, иной воинской силы нет, Виллим Иванович… Сам разуметь должен, шведы того и гляди границы наши перейдут.

— А на что же надеяться, Степан Андреевич? — спросил Рыкман. — Воров в тылу оставлять зело опасно…

— Донские низовые казаки, думается мне, с Кондрашкой в лучшем виде управятся, — ответил Колычев. — Воронежский посадский человек Иван Сахаров возвратился вчера из Черкасского, сказывал, что войсковой атаман Лукьян Максимов с конницею и пушками и со всякими войсковыми припасами вверх по Дону отправился против воров… А во всех-де низовых станицах, сказывал тот посадский, казаки крест целовали, чтоб служить государю верно и дуровства воровского не допускать. Оно понятно: низовым казакам голытьба Кондрашки Булавина словно кость поперек горла. Однако ж, — передохнув, продолжал воевода, — и нам, Виллим Иванович, сложа руки сидеть не следует. Сего ради собрал я из разных мест губернии офицеров, урядников, стражников, гранадеров, пушкарей и станичников, да эскадрон драгун, всего четыреста тридцать шесть человек конных, и решаю послать их на воронежскую границу, дабы воровских шаек в близость к нам не допускать и воровское единомыслие повсюду искоренять… Что на сие скажешь, а?

— Очень хорошо, — одобрил Рыкман. — Токмо добрый начальник войску сему потребен…

— А добрый начальник у нас есть…

— Кто же?

— Ты сам, Виллим Иванович… В полку твоем, слава богу, среди солдат блази нет, офицеры толковые, каких-нибудь две или три недели, пока в походе будешь, без тебя обойдутся…

Доводы воеводы были убедительны. Рыкман возражать не стал. Спросил кратко, по-военному:

— Когда укажете отправляться в поход?

— Да чем скорей, тем лучше, — сказал Колычев. — Завтра принимай под начало войско, а послезавтра с богом с Воронежа и трогайтесь.

Рыкман молча кивнул головой. В конце концов, если не дать острастки бунтовщикам, они могут внезапно подобраться и к флоту, охрана которого ему доверена.

…Воронежский посадский Иван Сахаров, побывав в Черкасске, рассказал о том, что там видел, и тем успокоил воеводу. Но Сахаров не мог, разумеется, разглядеть всех сложных, противоречивых чувств и настроений, существовавших тогда в среде донского казачества.

Кондрат Булавин в Пристанском городке собирает вольницу для похода в Черкасск! Одного этого известия было достаточно, чтобы встревожить войскового атамана Лукьяна Максимова и донскую старшину, повинную в прошлогоднем предательстве.

Лукьян Максимов тотчас же поехал в Троицк просить у азовского губернатора совета и помощи.

Толстой, оценив положение, ни одним намеком не выдал, что знает об участии войскового атамана и старшин в убийстве князя Долгорукого и об их взаимоотношениях с преданным ими затем Булавиным. Толстой понимал, что теперь этому старому рыжебородому негодяю Лукьяну и вечно изменчивой донской старшине ничего не остается, как всеми способами защищать себя от нависшей над ними смертельной опасности, а посему вполне на них теперь можно положиться.

Посоветовав поскорей собрать донское войско и выступать против Булавина, чтоб не дать ему времени укрепиться в силах, Толстой обещал щедрое снабжение пушечными снарядами, порохом и свинцом, а также посылку вместе с донцами полковника конной службы Николая Васильева с азовскими гарнизонными солдатами, казаками и калмыками.

Донская старшина начала лихорадочно готовиться к походу. Во всех низовых станицах попы по распоряжению войскового атамана проклинали вора и богоотступника Кондрашку и приводили казаков к присяге на верность царю. В урочище на речке Кагальнике, где собиралось донское войско, свозили артиллерию, снаряды, провиант, фураж.

Однако основная масса старожилого казачества, выказывая видимое послушание войсковой старшине и не отказываясь от целования креста, настроена была иначе. Старожилы не забывали, что Кондратий

Булавин, будучи природным донским казаком, честно и отважно отстаивал на Бахмуте их общие казацкие интересы, что убийство Долгорукого и прекращение жестокого сыска совершено с общего их согласия, а необычайное рвение войскового атамана и старшины, подготовляющих теперь донское войско в поход против Булавина, вызвано лишь боязнью справедливой расплаты за их собственные тяжкие грехи. Старожилым казакам нет нужды держать руку войскового атамана и богатых низовых стариков.

О голутвенных казаках, живущих в низовых станицах, нечего и говорить, они целиком были на стороне Булавина и, вступив в собираемое старшинами войско, ожидали первого случая, чтоб перейти к булавинцам.

В несколько особом и довольно затруднительном положении находился Илья Зерщиков. Всю зиму он внимательно следил за действиями Булавина в Запорожье и, сказываясь больным, уклонялся от войсковых дел, поддерживая в то же время тайные связи с булавинцами, остававшимися на Дону. Зерщиков бывал зимой у взятого им на поруки старо-айдарского атамана Семена

Драного и у братьев Булавина в Рыковской станице.

Но, узнав, что помощь Кондратию Афанасьевичу запорожцы ограничили разрешением собирать в Кодаке гультяев, Зерщиков потерял на него надежду, считая деятельность его конченной. Зерщиков опять сближается с Лукьяном Максимовым, помогает восстанавливать порядок в верховых станицах, становится войсковым наказным атаманом.

Появление Булавина в Пристанском городке несказанно удивило Илью Григорьевича. Что может сделать Кондрат, имея всего две-три сотни запорожских гультяев? Царские драгуны без особого труда покончат с гультяями, а Кондрата схватят и казнят.

Зерщиков успокаивал встревоженных старшин разумными этими доводами, да и сам верил, что иного исхода быть не может.

Лукьян Максимов перед отъездом к походному войску сказал Зерщикову:

— Опасаюсь я, как бы сечевики не оказали подлинной помощи Кондрашке… Ты б, Илья Григорьич, написал грамоту от Войска Донского кошевому Гордеенко, чтоб не давали там веры «прелестным» воровским письмам.

Возможно, войсковой атаман просил об этом наказного потому, что знал о старинных приятельских отношениях его с кошевым Гордеенко, а может быть, хотел убедиться в верности Зерщикова, крепче связать его со старшиной подписью подобной грамоты.

Илья Григорьевич, разгадывая намерение войскового атамана, сказал спокойным тоном:

— Напишу сегодня же… Хотя зря опасаешься, не станет Гордеенко без толку запорожцев губить.

Грамота, посланная в Сечь, гласила:

«Кошевому атаману и всему войску запорожскому донские атаманы и казаки, наказной войсковой атаман Илья Григорьев и все войско донское челом бьют. В нынешнем 1708 году приехал к вам в Сечю вор и изменник донской казак Кондрашка Булавин с единомышленниками своими и сказывал вам, будто мы Войском Донским от Великого Государя отложились и для того будто его вора к вам прислали, чтоб вы войском шли к нам на помощь. И тем его словам прелестным вы не поверили и из Сечи его выслали вон. И тот вор Кондрашка Булавин ныне явился на Хопре в верховых наших казачьих городках, и для искоренения того вора и его единомышленников войсковой наш атаман Лукьян Максимов с Войском Донским пошел в поход. И ныне мы в своем войсковом кругу приговорили послать от себя к вам в Сечю свое войсковое письмо для подлинного уверения, что мы Великому Государю Петру Алексеевичу служим верно, за православную веру

и за него Великого Государя готовы головы свои положить. И вам, кошевому атаману и всему войску впредь никаким возмутительным письмам и его Булавина товарищам не верить. А буде такие воры явятся и их присылать к нам, за крепким караулом».

И вдруг…

Не успела грамота дойти до запорожцев, не успел еще Лукьян Максимов доехать до Кагальницкого урочища, где собиралось донское войско, как к наказному атаману Зерщикову примчался побывавший у Булавина в Пристанском городке Семен Драный с нежданными вестями:

Булавин сухим и плавным путем идет в Черкасск… А с ним из всех хоперских, бузулуцких и медведицких станиц половина казаков да вольница… Лошадей с государевых заводов Кондрат побрал, пять конных полков устроил. А голытьбу на будары и струги посадил. Народу сила, смотреть любо!

Зерщикова это сообщение поразило и чрезвычайно взволновало, но, привыкнув скрывать свои мысли и чувства, он не выразил на лице никакого удивления.

— Я уже слыхал… Скоро, однако, Кондрат собрался… Голытьбы-то с ним много ли?

— Тысяч десять, думается, будет, и еще немало набегут… Да у меня донецких верховых казаков тысячи две в полной готовности,

— Я Кондрату прошлой осенью сказывал, что все донские реки за наши старые вольности поднимутся…

— Он вспоминал о том, — подтвердил Семен, — Поклон тебе прислал и просит, чтоб ты низовых станичников от противенства ему остерегал.

— Стараюсь, сколь возможно… В донском походном войске и половины природных казаков нет, чтоб по душе стояли за предателей старшин… Вот что в толк возьми!

Семен Драный, уверившись еще раз в неизменном дружестве и единомыслии наказного, вскоре уехал. А Зерщиков долгое время оставался в мрачном раздумье…

Непостижимая быстрота, с какой Булавин создал и вооружил целую армию, просто ошеломляла. И все это делалось открыто и не где-нибудь на окраине, а в центре страны, под носом у царских воевод, которые оказались не в состоянии хоть чем-нибудь помешать сбору вольницы. Стало быть, царское правительство более бессильно, чем можно было предполагать, а Булавин умнее, смелее и дальновиднее, чем думалось…

И теперь что же? Непрерывно пополняемое верховым казачеством и гультяями войско Булавина идет вниз по Хопру на

Черкасск, а войско Лукьяна Максимова вот-вот тронется навстречу. Следовательно, в ближайшие дни произойдет решительная схватка, которая определит дальнейшую судьбу донского казачества. Зная силы противников, Зерщиков почти не сомневался, что победу одержит Булавин, а если так… Тут-то и приходилось ломать голову.

Зерщиков много лет поддерживал Булавина, боровшегося за старинные права и вольность тихого Дона, готов был поддержать и сейчас, но булавинское войско, как пояснил Семен Драный, состояло ныне не из одних верховых голутвенных казаков, а в большей части из российской голытьбы, работного люда, лесорубов, бурлаков, необузданных и непривычных к казацким порядкам… Пребывание их в Черкасске и в богатых низовых станицах чревато серьезными столкновениями с донским природным казачеством… В отличие от других старшин Зерщиков полагал, что «своих» донских голутвенных казаков всегда можно окоротить, а российская голытьба — иное дело.

А потом, как еще удастся оправдаться перед Булавиным за некоторые поступки, свершенные ему во вред, и за эту проклятую грамоту запорожцам, которую в недобрый час черт подсунул!

Зерщиков хотя и не прерывал тайных сношений с булавинцами и даже успел на всякий случай — ибо судьбы божии неисповедимы — еще в Пристанском городке обнадежить Булавина через своего свойственника и приятеля Василия Поздеева весточкой о том, что старожилое казачество в Черкасске ждет его и встретит с радостью, а все же своих грехов, порожденных двоедушием, накопилось немало.

Надо было что-то предпринять, чтоб еще больше расположить к себе Кондрата.

Ночью, когда потухли последние огоньки в куренях черкасских казаков, Илья Григорьевич отправился в ближнюю станицу Рыковскую, где жили братья Булавина.

IV

4 апреля 1708 года Кондратий Афанасьевич Булавин находился в большой, раскинувшейся по Хопру и Дону казацкой станице Усть-Хоперской. Конные полки и обоз заканчивали переправу на паромах через Дон. Будары и струги с пехотой уже несколько дней стояли у станичного донского причала. Вблизи размещались государевы житницы с хлебными запасами. По распоряжению Булавина семь тысяч четвертей муки взяли для

войска, погрузили на будары, остальной хлеб раздали местным жителям по мешку на человека.

Был первый день пасхи. Весело звонили колокола станичной церкви. Толпившиеся на берегу празднично одетые устьхоперцы провожали казаков, желали им удачи.

Булавин, одним из последних переправившись через Дон, сопровождаемый старшиной и полковниками, объезжал на гнедом жеребце Салтыковского завода конные войска, вытянувшиеся по берегу на несколько верст. Погода стояла теплая, солнечная. Нежная зелень покрывала поля. Ржали кони, скрипели телеги. Легкий речной ветерок колыхал знамена.

На душе у Кондратия Афанасьевича было радостно. Пока все как будто удавалось. Войско имело хороший вид, настроение у всех чудесное, провианта и фуража хватит надолго. Вчера вечером подошли под начальством Семена Драного донецкие казаки. А сегодня ранним утром приехали брат Иван и сын Никиша, передали весьма важные тайные сведения об идущем навстречу донском войске, сообщенные Ильей Григорьевичем Зерщиковым. Верный друг не сидел сложа руки в Черкасске!

Осмотрев на марше конные полки, Булавин приостановил коня на береговом взгорье, откуда открывался широкий вид на полноводный, отливавший бирюзой Дон, по середине которого в строевом порядке плыли с распущенными парусами десятки стругов и будар с пешей вольницей. Кондратия Афанасьевича там заметили, по реке раскатисто громыхнуло:

— Будь здрав, атаман! Слава! Слава!

Булавин снял шапку, приветливо помахал вольным. Потом повернулся к старшинам, весело, уверенно сказал:

— Не одолеть такой силы старикам изменникам… Возьмем Черкасск, браты!

Старшины согласно закивали головами. И только один находившийся среди них казак, видимо пропустив мимо ушей слова атамана, неотрывно продолжал смотреть на. реку, думая о чем-то своем. Казак этот был в средних годах, крепко сколочен, с крупными чертами лица и с темной густой курчавившейся бородой. Звали его Игнатием Некрасовым. Говорили, будто некогда служил он в армии Шереметева, застрелил офицера за издевательства над солдатами, затем удачно бежал и поселился в донском городке Голубых, где проживал уже свыше пятнадцати лет, занимаясь кузнечным делом.

Станичники уважали Некрасова за военные познания, за умелый труд, смелость и прямоту в суждениях. Некрасов не раз заступался за обижаемых домовитыми казаками голутвенных, и, хотя подобное заступничество домовитым не нравилось, они

почти всегда уступали, побаиваясь ссориться с настойчивым, сильным, умевшим поставить на своем станичным кузнецом.

Неудивительно, что, порешив идти к Булавину, казаки городка Голубых и соседних станиц избрали Игната Некрасова своим атаманом. Приведенные им в Усть-Хоперскую две казачьи конные сотни отличались хорошей походной справностью и сразу привлекли общее внимание.

Булавин, поговорив с Некрасовым, безошибочно отгадал в нем большую силу воли, недюжинные способности командира. Некрасов стал одним из булавинских полковников.

И теперь Кондратий Афанасьевич, заметивший задумчивость Некрасова, подъехал к нему, спросил:

— Ты о чем, Игнат, словно закручинился? Иль сомнение какое на душу пало?

Некрасов таиться не стал, высказался прямо:

— Прикидываю я, Кондратий Афанасьич, какая надобность нам донское понизовье воевать? Голытьба-то первей всего в добыче нуждается, а велика ли пожива в Черкасске? Ну, раздуванят добро изменников-старшин, а дальше что? Коли свару голутвенные с природными казаками начнут — в крови потонешь…

Булавин, слушая, хмурился. Самому в голову лезли подобные вопросы, и были они как будто разумны, да неприятны, ибо сколько об этом ни размышлял, ясности никогда не бывало. Ответил Кондратий Афанасьевич сердито:

— Сперва войско старшинское осилить надо и Черкасск забрать, а там всем кругом помышлять о дальнейшем станем… — И, чуть помолчав, покосился на Игната — А ты как бы сам порешил? Чего надумал?

— На Волгу с голытьбой пошел бы, — отозвался Некрасов. — Там простору больше, и города стоят богатые, и караваны торговые ходят, без хлеба не будешь… А то на стружках, по разинской проторенной дорожке, и к персидским берегам добраться можно. И опять, ежели царские войска давить начнут, свободней оттуда на Кубань и на Терек уйти…

— Я туда и с Дону хаживал, — вставил Булавин. — О том пока загадывать рано.

Кондратий Афанасьевич понимал, что в словах Некрасова много правды, но больно уж не ко времени этот разговор. И, резко его оборвав, он перешел на другое:

— Ты посоветуй лучше, где с большей выгодой заложить нам стан и ожидать донское войско? Ты ж в сих местах не первый год живешь и, чаю, ведаешь все береговые балки, леса и буераки?

Некрасов пояснил:

— Ежели занять успеем, ежели Лукьян Максимов нас не опередит… нет удобней места, чем у Красной Дубравы, чуть повыше Паншина. Там и обоз легко укрыть, и пешую вольницу, и засаду конную устроить.

Булавин поправился в седле, потом произнес раздумчиво:

— Красная Дубрава… Пожалуй, верно… А занять успеем. Лукьян вчерашний день в Нижнем Курмояре находился, оттуда суток пять до Красной Дубравы, а мы на третьи там быть должны… Посмотрим!

…Подготавливая битву у Красной Дубравы, Булавин проявил свои недюжинные таланты военачальника.

Донское походное войско, собранное Лукьяном Максимовым, состояло из восьми тысяч конных превосходно вооруженных казаков и нескольких сотен азовских гарнизонных солдат и калмыков. Булавинские войска численно равнялись с донцами, но конницы было меньше, а пешая вольница вооружена чем попало. Главное же преимущество донского войска заключалось в артиллерии, которой у Булавина не имелось. Зерщиков сообщил, что Лукьян Максимов взял четыре пушки, а губернатор азовский обильно снабдил их снарядами.

Булавинцы заняли Красную Дубраву 7 апреля, в то время, как донское войско находилось еще в восьмидесяти верстах отсюда. Булавинцы получили возможность выбрать лучшие позиции и хорошо отдохнуть. Местность представляла несомненные выгоды для всяких военных изворотов. Берега Дона и впадавшей в него речки Лисковатки были холмисты, покрыты лесом и густым, кустарником. Лощины и буераки позволяли булавинцам не только надежно укрыться, но и зайти кружным путем в тыл противника.

Кондратий Афанасьевич отлично всем этим воспользовался. Зная порядок боевого устройства казачьих войск, он точно определил, где Лукьян Максимов поставит обоз, где выставит пушки, и в соответствии с этим наилучшим образом разместил свою конницу и пехоту. Немало стараний было употреблено и на то, чтоб «посеять плевелы смуты в донском войске», как выразился один из участников событий.

Дозоры и передовые сотни булавинской конницы были подобраны из коренных казаков. Столкнувшись на другой день близ Красной Дубравы с казаками передового отряда донского войска, булавинцы затеяли с ними мирную беседу. Сделать это оказалось совсем нетрудно: среди казаков обеих сторон нашлось немало односумов, приятелей, свойственников. И общий язык был быстро найден,

— Зачем напрасно казацкую кровь проливать? Надо миром

распрю уладить. Надо между собой сыскать виноватых.

Бывшие в донском войске казаки верховых городков собрали круг. Лукьян Максимов и старшина тщетно пытались усовестить станичников, напоминая о недавнем крестном целовании. В полном единомыслии казаки все доводы старшины отвергли, от боя с Булавиным отказались и «приговорили учинить с ним пересылку и разговор».

Лукьян Максимов вынужден был уступить.

Наутро в булавинский лагерь отправились старшина Ефрем Петров и выбранные войсковым кругом казаки.

Булавин, окруженный своими полковниками и есаулами, принял посланных с подобающей честью. Ефрем Петров сказал:

— Войско Донское просит вас, атаманов-молодцов, объявить, зачем чините вы крамолу в донских городках и по какой надобности, собрався многолюдством, идете ныне в Черкасск?

Кондратий Афанасьевич спокойно ответил:

— Тебе, Ефрем Петров, чаю, ведомо, как прошлой осенью войсковой атаман Лукьян Максимов посылал меня с верховыми казаками убить князя Юрия Долгорукого, а потом, дабы скрыть воровство свое от государя, стал чинить над нами воинский промысел… Ты, Ефрем Петров, сам, чаю, помнишь, — возвысил негодующий голос Булавин, — как многих новопришлых и старожилых казаков вы по деревьям за ноги вешали, и всякое надругательство над нашими женами творили, и младенцев меж колодами давили, и городки наши многие огнем выжгли, а пожитки наши на себя отбирали…

Молча слушали казаки страшную повесть о предательских бесчеловечных действиях донской старшины. Ефрем Петров стоял, опустив голову, не смея поднять глаз, чувствуя, как страх перед возмездием леденит все тело.

А Булавин, обратившись к казакам, продолжал:

— Скажите Войску Донскому, станичники, что встали мы за правду, за старые наши права и вольности, а в Черкасск ныне идем, чтоб наказать новоявленного Иуду — войскового атамана Луньку Максимова и неправых старшин за их воровство и злую измену… Выдайте головой вора Луньку Максимова и соединяйтесь с нами!

Казакам речь атамана понравилась. Возвратившись в свой лагерь, они снова собрали войсковой круг, но… в это время булавинская конница жестоким напуском ударила на стоявших в стороне азовских казаков и калмыков, а Игнат Некрасов с конным полком с тыла налетел на войсковой обоз и захватил пушки.

Верховые казаки донского войска стали палить вверх из ружей и закричали:

— Слава Булавину! Будем вкупе стоять заодно!

Лукьян Максимов со старшиной, азовский полковник Николай Васильев и наиболее преданные войсковому атаману низовые казаки и калмыки едва успели спастись бегством.

Победа Булавина была полной. В его руках оказался весь обоз Войска Донского, пушки и снаряды, вся войсковая казна, восемь тысяч рублей, — огромные по тем временам деньги, тут же отданные для дувана наиболее нуждающейся вольнице.

А главное, армия Булавина увеличилась почти вдвое и двигалась теперь к Черкасску, не предвидя более никакого сопротивления.

V

Царь Петр жил в своем парадизе, как именовал он новостроящийся город Петербург. Сильнейшая лихорадка, усиленная горловой и грудной болезнью, на целых три недели приковала Петра к постели, И лишь сегодня, 12 апреля, он впервые вышел из дома.

День выдался на редкость теплый и ясный. Пахло морем и смолой. Всюду стучали топоры и визжали пилы. Петр заглянул в крепость, побывал на строительных работах, прокатился на парусном боте по Неве, а затем, зайдя в аустерию, часа два за кружкой пива толковал там с голландскими негоциантами и матросами о разных корабельных и торговых делах.

Возвращался он довольный, оживленный. Пять лет назад пустынны и неприглядны были эти угрюмые места, а ныне, словно сказочный богатырь, поднимается здесь заложенный им чудесный город, и украшается, и богатеет, и корабли с иноземными флагами стоят на реке. Отрадно думать об этом.

В оттопыренных карманах царского видавшего виды кафтана лежат подаренные голландцами заморские диковинки — яблоки земляные. Сие для сердечного друга Катеринушки! В рубленом обшитом тесом двухкомнатном домишке светлей и теплей как будто стало с тех пор, как она хозяйничает тут, проворная, ласковая, любимая…

И сейчас, едва переступив порог, Петр очутился в ее нежных объятиях:

— Где так долго гулять изволили, хозяин дорогой? Соскучилась я, свет мой…

— Заговорился с иноземцами, Катеринушка. Шкипера знакомого встретил. — Петр полез в карман, достал пару крупных

в грязноватой кожуре заморских диковинок и, протянув ей, продолжил: — Яблоки земляные, сиречь картопель, новый, лучший сорт… Наказал голландцам тысячу пудов этих лучших сортов нам доставить.

Катерина слегка обтерла шелковым платочком картофелину, с хрустом откусила:

— Ах, сколь дивен сей заморский плод… Балуете меня, хозяин…

Петр от удивления округлил глаза. Катерина продолжала кушать, похваливала:

— По мне картопель сей во всем лучше абрикос… И нежен и духовит.

Петр досадливо закусил губу. И тут бабье лукавство! Не вытерпел крякнул:

— Ври больше! Его печеным едят, а сырым вкусу не имеет, сам пробовал.

Он хотел еще что-то добавить, но сдержался, только сердито засопел и, круто повернувшись, ушел в свой кабинет.

А там давно ожидал с бумагами секретарь Алексей Васильевич Макаров. И по его невзрачному, в этот момент сосредоточенному лицу Петр сразу догадался, что есть какие-то неприятные известия. Опасаясь более всего внезапного наступления шведов, спросил нетерпеливо:

— От Меншикова из войска ничего нету?

— Есть, государь…

— Ну?

— Шведы по-прежнему стоят в Родошковичах… Александр Данилович сообщает, что король Карлус с панами банкетует и никаких приготовлений к походу наши лазутчики не примечают…

Петр, успокаиваясь, набил табаком трубку, закурил:

— А еще откуда нынче ведомости? Главные сказывай…

— С Дону от войскового атамана Лукьяна Максимова… Тако же от губернатора азовского господина Толстого и от стольника Степана Бахметева отписки…

— Иль опять о донских ворах? — поморщился Петр. — Что там за важность такая?

— Вор Кондрашка Булавин снова в большую силу входит, государь…

— А чего ж они сами губы распускают? Мы ж писали, чтоб им сообща трудиться, дабы злые Кондрашкины намерения разрушить и пущих заводчиков переловить…

— Просят, государь, учинить указ о присылке прибавочных ратных конных и пеших людей, пушек и пушкарей и подъемных

лошадей и всяких артиллерийных припасов…

Петр выдохнул густую струю дыма, перебил:

— Ишь чего надумали! Оголяй рубежи, посылай к ним армию, они без того с ворами управиться не могут, дьяволы ленивые… Он где сейчас обретается, Кондрашка-то?

— В Усть-Хоперской станице, государь… Пишут, будто с ним побольше десяти тысяч казаков и гультяев… И в той-де станице они, воры, лесные материалы, заготовленные для корабельного строения, пожгли, а хлебные государевы запасы разграбили, а работные люди и бурлаки и беглые солдаты повсюду с ними, ворами, соединяются. И ныне-де собирается Кондрашка в Черкасск, чтоб побить старшин…

Петр, слушая, хмурился все больше. Судя по прежним донесениям азовского губернатора и отпискам донской старшины, он предполагал, что «воровство» Булавина имеет чисто местное значение и достаточно небольшой воинской силы, чтобы расправиться с ворами. Петр знал о взаимоотношениях войсковой старшины с преданным ими Булавиным и вполне разделял мнение азовского губернатора Толстого, что, страшась возмездия, старшины примут все зависящие от них меры для уничтожения воров. И это обстоятельство тоже отчасти успокаивало.

Чтобы подбодрить войскового атамана и старшину, Петр приказал послать на Дон грамоту, в которой сообщалось, будто «из Литвы в помощь к ним по сланы несколько драгунских полков, которые за излишком были», а также «московские ратные, конные и пешие люди, которых будет слишком за двадцать тысяч». На самом же деле под начальством посланного на Дон против воров стольника Степана Бахметева состояло всего триста московских ратных людей, да собирались в поход на воров два солдатских резервных полка, а в Литве, конечно, никаких лишних драгун не имелось.

Теперь приходилось с большей настороженностью и тревогой размышлять о донских делах. Булавин за какой-нибудь месяц, не встречая сопротивления, сумел создать целую армию. Восстание вот-вот может охватить весь юг страны. Необходимы решительные меры, чтоб как можно быстрей, пока шведы «увязли» в Родошковичах, покончить с бунтовщиками…

Петр, отослав Макарова, перечитал все последние известия с Дона и долго потом с трубкой в зубах шагал по кабинету, изредка останавливаясь перед висевшей на стене картой и покачивая головой. Где взять войска для подавления бунта? О том, чтобы снять несколько регулярных конных полков с границ накануне возможного вторжения шведов, нечего было и думать. Новые рекрутские полки посылать опасно… Козловский воевода

Волконский сделал верное замечание: «Если с Москвы присланы будут полки из рекрутов, которые из волостных и из помещичьих крестьян тамошних краев набраны в недавних временах, то, чаю, государь, они к отпору изменников будут ненадежны, для того относится у нас слово, что нынешний бунт и начался от таковых беглых крестьян, которые бегают из волостей и из-за помещиков, а паче от взятья в рекруты, и у них есть в бунтовщиках братья или дети и свойственники…».

В конце концов Петр решил выделить из резервной кавалерии два драгунских полка под начальством Ефима Гулица и фон Делдина и солдатский пехотный полк Давыдова. К ним прибавлялись украинские слободские полки Изюмский, Ахтырский и Сумский, четыреста воронежских драгун, отряд Бахметева, а также дворянское ополчение… При мысли о болтающихся без дел царедворцах, укрывающихся в канцеляриях боярских недорослях, в глазах Петра блеснул недобрый огонек: эх, удалось бы собрать всех этих тунеядцев да выбить из них сонную одурь капральской палкой!

Вопрос о вышнем командире карательных войск тоже не был легким… Хороших русских генералов недоставало регулярной армии, генералитет российский наполовину состоял из иноземцев, — Петр морщился, думая об этом, — а уж им, конечно, доверить подавление донского бунта нельзя, это могло еще более ожесточить народ…

И вдруг в памяти Петра всплыло узкое, худощавое, надменное лицо гвардейского майора с холодными серыми глазами, не раз отличавшегося редкой исполнительностью… Для вышнего командира майорский чин, правда, маловат, ведь придется подчинить этому командиру местных губернаторов и воевод, не обойдется без спесивых жалоб и ворчаний, зато майор не будет медлить, подобно воеводам, никому спуску не даст и, можно ручаться, с ворами разделается беспощадно… Майор Василий Владимирович Долгорукий приходился родным братом убитого в прошлом году ворами князя Юрия.

Петр тут же написал ему:

«Min Her!

Понеже нужда есть ныне на Украине доброму командиру быть, того ради приказываем вам оное, для чего, по получении сего письма, тотчас поезжай к Москве и оттоль на Украину, где обретается Бахметев. А кому с тобою быть, и тому посылаю при сем роспись. Также писал я к сыну своему, чтобы посланы были во все украинские города грамоты, чтобы были вам послушны тамошние воеводы все. И по сему указу изволь отправлять свое дело с помощью божию не мешкав, чтоб сей огнь зарань утушить.

Piter.»

А вместе с росписью выделенных войск Петр, подумав, решил добавить и свое «рассуждение о том, что чинить»:

«Понеже сии воры все на лошадях и зело легкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь, и для того только за ними таких же посылать по рассуждению. Самому же ходить по тем городкам и деревням (из которых главный Пристанский городок на Хопре), которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанию (о чем вели выписать из книг князя Юрия Алексеевича) воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи ничем не может унята быть. Протчее полагается на рассуждение господина майора».

Ночью, осторожно приоткрыв дверь царского кабинета, Катерина увидела, что Петр еще сидит за столом и пишет. Зная крутой нрав дорогого хозяина, Катерина хотела удалиться, но Петр заметил ее, позвал:

— Иди, иди, Катеринушка. Я все дела зараз кончаю…

Катерина подбросила в камин сухих полешек, они весело затрещали, в горнице приятно запахло березовым дымком. Петр встал, потянулся, с видимым удовольствием погрел у камина руки.

— Худо на Дону, дружок мой, — сказал он. — Кондрашка Булавин, коим прошлой осенью князь Юрий Долгорукий убит, паки силу забирает… опасаюсь, кабы пущего зла не учинил… А посему семь тысяч драгун и солдат против того вора отправляю. А вышним командиром брата покойного князя Юрия, майора нашего Василия поставил.

— Тем уже выбор ваш хорош, Питер, — вставила Катерина, — что господин майор поноровки ворам не даст за дружбу ихнюю…

— Сообразила, умница! — довольно похвалил Петр. — Припишу в письме, будто опасаюсь сей поноровки… Пусть злей станет! — И, обняв Катерину, смеясь, припомнил: — А как давча… картопель сырой… Эх вы, Евины дочки!

…Спустя несколько дней в Москве всюду читали именной государев указ:

«Против воров и бунтовщиков Кондрашки Булавина с его единомышленниками быть на своей, Великого Государя, службе московским всех чинов людям, и городовым полковой службы и отставным и нетчикам, которые к смотру в Москве не бывали, — всем по списку, опричь тех, которые ныне на Москве и в городах в посылках и у дел.

А быть им, ратным людям, на той службе в полку князя Василия Владимировича Долгорукого, а до приезда его стать на указанной срок мая девятого числа нынешнего 1708 года. Да им же, вышеупомянутых чинов людям, для той службы, во всех истцовых делах, опричь татиных и разбойных и убивственных дел, до указа отсрочить. И о том в городки к воеводам послать свои, Великого Государя, грамоты с подтверждением».

И в те же дни поздней вечерней порой, таясь лишних глаз, начали выезжать из первопрестольной Москвы закрытые повозки и кареты. Бояре и царедворцы и дворянские недоросли избывали ратной службы и капральской палки, надеялись пересидеть смуту в дальних вотчинах. Пусть смиряют воров и бунтовщиков государевы войска!

VI

А Кондрат Булавин стоял под Черкасском… Бежавшие сюда после поражения при Красной Дубраве донские старшины «окрепились палисадами, также и Рыковской станицы казаки окрепились и сели в осаду». Азовский губернатор дал им несколько пушек и мортир, отправил в подмогу искусных азовских пушкарей.

Но войсковой атаман Лукьян Максимов чувствовал свою обреченность. У Булавина было едва ли не двадцатитысячное войско. Что могла сделать горсточка старшин и преданных им домовитых казаков?

Ефрем Петров, поехавший еще раз в Азов говорить с губернатором о воинском сикурсе, возвратился в самом мрачном настроении:

— Толстой сам в страхе великом, опасается, кабы Кондрашка с вольницей на крепость азовскую не опрокинулся… Присылки солдат губернатор в ближайшем времени не ожидает, никакой надежды не подает.

— А донесено ли государю о воровском нашествии и о нашем бедстве? — спросил войсковой атаман.

— Донесено, — сказал Ефрем. — Государь милостивой грамотой нас обнадеживает.

Лукьян Максимов, приняв грамоту, поцеловал ее, передал писарю, велел читать.

В грамоте общими словами подтверждалась посылка против воров большого войска, а затем сообщалось следующее:

«А ныне по имянному нашему указу послан к тем войскам

нашей гвардии майор и ближний стольник князь Василий Володимирович Долгорукий. И велено ему над вышеименованными посланными с Москвы и из походу, та кож над всеми протчими войсками быть вышним командиром, которому во всех наших городах воеводам и протчим велено быть послушным.

И как к вам сия наша грамота придет и вы б, войсковой атаман и все Войско Донское, о том нашем указе ведали, и о чем помянутый майор, наш ближний стольник, будет к вам писать и чего требовать, и вам быть ему во всем послушным и чинить над оным вором Булавиным военный промысел при помощи господней, по верности к нам и по вышеписанному нашему указу, которая ваша к нам, Великому Государю, служба никогда у нас забвенна не будет».

Лукьян Максимов поскреб по привычке рыжую бороду, горько усмехнулся:

— Брата покойного князя Юрия поставили, стало быть, вышним командиром… Быть большой крови на Дону!

Ничего более не сказал войсковой атаман, поник головой, пошел тихим шагом в свои хоромы. Не первый год Лукьян Максимов держал в руках войсковую атаманскую булаву, умудрен был долгим опытом, знал, сколько времени пройдет, пока соберутся государевы войска, и отлично понимал, что никакой помощи ему не дождаться…

Из всех старшин одного лишь наказного атамана Илью Григорьевича Зерщикова не коснулся, казалось, дух уныния. Зерщиков деловито устраивал оборону соседних низовых станиц и всех успокаивал:

— Отсидимся от воров, у нас народу меньше, зато пушек и снарядов больше.

И никто при этом не подозревал, что наказной успел уже сговориться с наиболее влиятельными казаками соседних станиц о сдаче их Булавину. Казаки боялись одного: Лукьян Максимов приказал стрелять из пушек по тем станицам, которые не будут защищаться от булавинцев. Чтобы избежать этого, казаки трех Рыковских, Скородумовской, Тютеревской станиц по совету Зерщикова послали Булавину челобитье:

«О том у тебя милости просим, когда ты изволишь к Черкасскому приступать, и ты пожалуй на наши станицы не наступай. А хотя пойдешь мимо наших станиц и мы по тебе будем бить пыжами из мелкова ружья. А ты також-де вели своему войску по нас бить пыжами… потому что на наши станицы будут из Черкасского мозжерами палить, и ты пожалуй нас не подай».

Булавин казацкую кровь щадил и разорения станиц, где

относились к нему благожелательно, не допустил. Ночью Булавин пробрался в Рыковскую станицу, там радостно обнял родных и верного друга Илью Григорьевича.

На тайном совещании, состоявшемся в избе Акима Булавина, присутствовали и казаки ближних низовых станиц, приглашенные Зерщиковым. Договорились боя избегать, войскового атамана Максимова и преданных ему старшин «схватить и сковать», черкасские ворота открыть. А Булавин обещал удерживать вольницу от нападения на домовитых казаков.

1 мая, после того как одна за другой сдались Рыковские, Скородумовская, Тютеревская, Дурная и Прибылая станицы, булавинцы с трех сторон стали входить в столицу донского казачества.

«Черкасские жители, — показал один из участников событий, — встретили воров, не противясь нимало и из пушек не стреляв, в Черкасской пустили, только-де в то время войсковой атаман Лукьян Максимов от своих хором с перил из малой пушки против них воров велел стрелять, как они в Черкасской с поля через мост шли, и выстрелили дважды или трижды».

Игнат Некрасов, спешив сотню казаков, быстро справился с войсковым атаманом и небольшой кучкой верных ему старшин. Они были избиты, связаны, взяты под стражу.

Явившийся вслед за тем Зерщиков произвел тщательный обыск в доме войскового атамана, но, к удивлению своему, кроме ковров и разной рухляди, ничего не обнаружил. Зерщиков закусил от досады губы. Ведь точно знал, сколько золота и серебра и дорогих вещей хранилось еще недавно в кованых сундуках Лукьяна. Куда же все это делось?

Зерщиков произвел затем обыск в домах других арестованных старшин — всюду то же самое, большая часть пожитков исчезла. Правда, Илья Григорьевич ухитрился уже загнать на свой баз добрый косяк рысаков из табуна войскового атамана, успел воспользоваться и кое-каким старшинским имуществом, а все же обидно, что уплывало из рук богатство, на которое давно зарились вороватые его глаза…

Между тем Булавин находился у брата в Рыковской станице и впредь до выборов нового войскового атамана в Черкасск приезжать не собирался. По-видимому, он соблюдал старый казацкий обычай, по которому выдвигаемые кандидаты удалялись, чтоб не стеснять свободы выборщиков. В донесении царю азовский губернатор, отмечая, что Булавин в Черкасск не показывается, писал: «А для управления воровского своего замысла в Черкасской присылает от себя единомышленников своих Игнатия Некрасова и Семена Драного, которые чинят

непрестанно круги и выбирают войскового атамана».

Кондратий Афанасьевич в Рыковской станице чувствовал себя как дома. Рыковские казаки, среди которых были братья, много родных и друзей, являлись главной его опорой в донском понизовье. Племянник Левка, сын Акима, восторженный почитатель дяди Кондратия, создал для него даже небольшой охранный отряд из рыковских казачат. Посланный следить за Булавиным шпион доносил: «А совет у него о всем непрестанный с рыковцами».

Когда Зерщиков сообщил о результатах обыска у войсковой старшины, Булавин приказал произвести строгий допрос. Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Саломата и Ивана Машлыченко посадили в лодку и под надзором Игната Некрасова повезли из Черкасска в Рыковскую.

Здесь били их плетьми, допрашивали о пожитках. Лукьян Максимов и Ефрем Петров признались:

— Пожитки свои, боясь воровского умышления, отвезли мы в Азов, о чем губернатору Толстому ведомо…

Остальные взятые под стражу старшины показали, что имущество их хранится в Черкасске у свойственников, а частью закопано в подвалах.

Старшин посадили в станичную яму. Найденные пожитки по распоряжению Булавина сложили в рыковский станичный амбар, определив их на жалование голытьбе.

6 мая в Черкасске собрался казачий круг. Из Рыковской привезли скованных цепями Лукьяна Максимова и старшин, поставили близ помоста под сильным пешим и конным конвоем. Толпа глухо зарокотала.

Неожиданно ударили войсковые барабанщики и литаврщики. Появился Кондратий Афанасьевич Булавин, окруженный своими соратниками. Он быстро вошел на помост, снял шапку, поклонился войску. Затем, повернувшись в сторону арестованных старшин, сказал гневно:

— Перед всем великим Войском Донским виню вас, войсковые старики, в злой измене и воровстве. Ведомо всем, как в прошлом году накликали вы вольных убить присланного для сыску новопришлых князя Юрия Долгорукого, а после того, дабы укрыть воровство свое, положили в том вину на одного меня и товарищей моих… И предали нас, как Иуды, и стали воинский промысел над нами чинить, и многих безвинных побили, и по деревьям вешали, и в воду сажали, и всякие иные неистовства творили. Кровь умученных вами вопиет к небу!..

Булавин передохнул и, обратившись к казакам, продолжил:

— Прошу вас, атаманы-молодцы, все любезное Войско

Донское, по чести и совести учинить приговор сим злодеям изменникам… Как приговорите, так и будет.

Толпа колыхнулась, грозно тысячью голосов выдохнула:

— Смерть! Смерть изменникам! Побить их всех!

Булавин сошел с помоста и вскоре уехал в Рыковскую. Игнат Некрасов сдвинул конвой вокруг приговоренных. Их повели на Черкасские бугры и там всем отсекли головы.

…А через три дня съехавшиеся в Черкасске казаки ста десяти донских станиц единодушно избрали Кондратия Афанасьевича Булавина войсковым атаманом.

В честь этого события весь день палили пушки.

Вино выдавалось безденежно. Казаки гуляли. Голытьба дуванила пожитки казненных старшин.

VII

Пристанский городок на Хопре оставался в руках восставших. Сюда со всех сторон и главным образом из центральных губерний продолжали стекаться обездоленные беглые люди. Козловский воевода Волконский тщетно просил царя и Меншикова о присылке драгун для разорения «бунтовщицкого гнезда». Волконский указывал при этом, что крестьяне Козловского и Тамбовского уездов, видя бессилие правительства, находятся в полном согласии с ворами и «весьма на всякую злохитрость умышленного их воровства в твердости замерзели, понеже им никакого страху нет». Ничего не помогало, драгун обещали, но не присылали.

Атаман Лукьян Хохлач посмеивался:

— В тутошних местах я воевода, и опричь меня начальным людям тут не бывать.

Совершив счастливое нападение на Бобров — пристанские казаки неделю дуванили пожитки знатных бобровцев, — Лукьян Хохлач вскоре снова с четырьмя конными сотнями отправился на добычу по знакомой дороге, однако на этот раз удачи предприимчивому атаману не было.

Переправившись ночью через Битюг, казаки Хохлача неожиданно столкнулись с воронежским конным отрядом Рыкмана. Казаки растерялись, повернули обратно, воронежцы стали преследовать и «секли тех воров версты четыре до той же переправы, где они сперва перебрались, и многие воры в той речке утонули, а иные, переплыв реку, побежали в степь, и драгуны, доезжая тех воров, побили многих. В том бою взято

шесть знамен воровских, да бунчук, да пойманы восемь воровских казаков».

Но Лукьян Хохлач не унялся. Возвратившись в Пристанский городок, он быстро собрал свыше тысячи конных и пеших гультяев и опять явился на Битюг.

При этом гультяи говорили:

— Если одолеем царских ратных людей, пойдем на Воронеж, тюремных сидельцев распустим, судей, дьяков, подьячих и иноземцев побьем.

Воронежский отряд Рыкмана тем временем соединился близ Чиглы с подошедшими сюда тремя сотнями конных царедворцев стольника Степана Бахметева и острогожскими казаками полковника Тевяшова.

28 апреля на речке Курлаке произошла битва, окончившаяся полным поражением Лукьяна Хохлача.

«И они воры, увидя наш приход к переправе, — сообщал в отписке Бахметев, — к той речке пришли всем собранием с конницею и пехотою, и у той переправы учинился бой. И я, видя их такое многое собрание и наглый приход к переправе, велел гренадерам и драгунам, спешась, идти через переправу на оных воров… И от них воров стрельба и напуски были превеликие, у переправы был непрестанный бой часа три, но с помощью божией оных воров сбили и рубили верстах на двадцати, и многое число воров побили и поколотили, разве которые спаслись лесами и болотами. И в том бою взято оных воров 143 человека, да три знамени; а ружья оных воров и лошадей разобрали ратные люди, для того что у многих лошади в том бою были побиты».

Лукьян Хохлач бежал в Пристанский городок, занялся его укреплением, известив Булавина, что стольник Бахметев с большим войском идет разорять хоперские городки.

Бахметев в самом деле имел такое намерение. Но стойкость повстанцев й потери в происшедшем бою заставили изменить первоначальный план. «При мне, — оправдывался Бахметев, — драгун и солдат и пушек и артиллерии и всяких полковых припасов и лекаря нет и раненых лечить некому. Без прибавочных людей и без пушек и безо всяких полковых припасов над вором Булавиным промысел и поиск чинить с теми людьми, которые ныне при мне, не с кем»[17].

Полк Тевяшова отправился в Острогожск. Бахметев и Рыкман с остальными ратными людьми возвратились в Воронеж.

Воевода Степан Андреевич Колычев встречал победителей у городской заставы. Бахметев на белом иноходце гарцевал впереди своих одетых в парадные кафтаны царедворцев. Рыкмана, раненного в ногу, везли в коляске. Несли опущенные порванные

воровские знамена. Гнали полуодетых и босых пленных.

Какой-то купчина, стоявший среди горожан, заметил с насмешкой:

— Ишь как здорово воров-то ощипали!

Пожилой бородатый пленник с обвязанной окровавленной тряпкой головой отозвался:

— Не дюже радуйся. Перья ощипали, а когти остались..

Весь день звонили торжественно колокола. Воронежский епископ служил благодарственный молебен. Вечером жгли потешные огни. Пушки Адмиралтейства произвели салют. Царедворцы беспробудно пьянствовали в кабаках и трактирах с непотребными женками.

А 12 мая в Воронеж прибыл вышний командир Василий Владимирович Долгорукий. Злой как собака. Встретил одетых не по форме драгун, раскричался, растопался, кулаками в нос тыкал. Двух царедворцев с опухшими от многопьянства мордами велел посадить под караул.

На воеводу Колычева напустился вышний командир грозно:

— Не мешкая чтоб собраны были из уездов подводы под солдатские полки, под провиант и воинские припасы. И немедля чтоб поставлены были двадцать виселиц по дороге в Пристанский городок, — буду всех воров, взятых господином Бахметевым, вешать, а коих четвертовать и по кольям растыкивать…

Воевода не возражал, обещал все, что нужно, сделать. Когда же Долгорукий объявил, что возьмет с собой в поход полк Рыкмана, воевода достал адмиральское письмо, молча протянул вышнему командиру. Тот прочитал, скривил губы. Всюду проклятая неразбериха!

— В военном приказе сказывали, что вместо Рыкманова полка на Воронеж для охраны флота посланы солдаты московского гарнизона…

Колычев невозмутимо ответствовал:

— Ничего о том не слыхал, господин майор… А флот, сами рассудить извольте, без надежного караула оставить я никак не могу.

Долгорукий с каждым днем все более ощущал тяжесть возложенного на него дела. Он горел желанием мстить за убийство брата и, благодарно приняв указ о назначении вышним командиром, писал дарю:

«В цыдулке, Государь, ко мне написано, что Ваше Величество опасаешься, чтобы я Булавину за его ко мне дружбу поноровки какой не учинил; истинно, Государь, доношу, что сколько возможно за его к себе дружбу платить ему буду».

И он начал трудиться довольно настойчиво, но все усилия,

направленные к скорейшему сбору выделенных для него войск, оказались тщетными. В московских приказах заверяли обещаниями, охотно писали всякие грамоты и бумаги, а никакого толку от этого не было. Булавин в течение одного месяца сумел создать целую армию; он же, вышний командир, облеченный огромными полномочиями, не смог за месяц получить хотя бы один солдатский полк, и, стыдно признаться, подъезжая к Воронежу, он еще не знал, «где ныне обретается Бахметев и бригадир Шидловский», которые по распоряжению царя должны были поступить под его начальство.

Встреча с Бахметевым в Воронеже оказалась случайной, да и не особенно радостной. Царедворцы и дети боярские не очень-то охотились воевать. А где же взять другие войска?

Долгорукий вынужден был с горечью писать царю Петру:

«А как приехал я, Государь, на Воронеж и в готовности только триста царедворцев, которые с Бахметевым… А которые, Государь, полки с Москвы, — драгунский Яковлева, солдатский Давыдова, также и фон Делдина, — ко мне не бывали, а из царедворцев единого человека не бывало… А Шидловский отзывается, что он на своих изюмских и на полтавский полк надежду имеет худую… А господин Колычев показал мне письмо адмиральское, что Рыкманову полку велено быть на Воронеже; а посланные вместо того полка из Москва солдаты на Воронеже по сие число не бывали ж…»

Надежда оставалась на солдатский полк Неклюдова, который, по словам Бахметева, отправили в его распоряжение несколько месяцев назад. Кроме того, можно рассчитывать на эскадрон драгун из воронежского сборного отряда.

Долгорукий решил с этими небольшими силами идти, как указал царь, на Пристанский городок… И вдруг все меняется.

Царь Петр, встревоженный походом Булавина к Черкасску, приказывает вышнему командиру более всего помышлять о защите Азова.

«Смотри неусыпно, — пишет он, — чтоб над Азовом и Таганрогом оный вор чего не учинил прежде вашего приходу: для того заране дай знать в Азов к Толстому, для эха или голосу тамошнему народу, что ты идешь с немалыми людьми. Также дай слух, что и я буду туда, дабы какого зла не учинили тайно оные воры в Азове. Еще вам зело надлежит в осмотрении иметь тех, которые к воровству Булавина не пристали, или хотя и пристали, да повинную принесли, чтобы с оными зело ласково поступать, дабы, как есть простой народ, они того не поняли, что ты станешь мстить смерть брата своего, что уже и ныне не без молвы меж них, чтоб тем пущего чего не учинить. Також надлежит пред

приходом вашим к ним увещевательные письма послать, и которые послушают, также ласково с оными поступать, а кои в своей жесточи пребудут, чинить по достоинству».

Вслед за этим письмом, 16 мая, накануне страшных казней, назначенных на Пристанской дороге, явились в Воронеж низовые донские казаки Мартын Панфилов и Фетис Туляев, подали Долгорукому войсковую отписку на имя государя. А в той отписке сообщалось, будто донские казаки собрались в Черкасске не для бунта, а для того, чтоб переменить войсковую старшину, чинившую казачеству нестерпимые обиды и неправду, и на их место избрать иных.

«Казнив неправых своих старшин, — говорилось далее в отписке, — мы вместо их по совету всем Войском Донским выбрали атаманом Кондратия Афанасьевича Булавина и старшин, которые нам войску годны и любы, и для крепкого впредь постоянства и твердости в книги написали. А от Великого Государя мы Войском Донским не откладываемся и его городам разорения никакого не чинили и отнюдь не будем и не помышляем, и желаем ему Великому Государю служить по-прежнему… И в том мы войском ему ныне целовали крест и святое евангелие. И просим, чтоб назначенные к нам государевы ратные полки не ходили б. А буде вы, полководцы, насильно поступите и какое разорение учините, и в том воля его Великого Государя, мы Войском Донским реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдем. А буде мы войском ему Государю на реке годны и в винах наших милосердно простит и на реке жить по-прежнему укажет, и о том мы войском от него Великого Государя ожидаем указу и грамот. А как сия отписка вам полководцам будет подана, и вам бы послать ее от себя тотчас к Великому Государю в Москву, или где он ныне обретается».

Долгорукий, перечитав царское письмо и донскую войсковую отписку, уразумел, что в сложившейся обстановке обострять отношений с казаками никак нельзя. Казни пленных воров, скрепя сердце, пришлось отменить. И вместо похода на Пристанский городок думать о сборе войск в Валуйках, откуда шла большая дорога на Азов.

Царю Петру вышний командир ответил так: «Изволишь, Государь, писать, чтоб я не мстил смерти брата своего, и чтоб тем пущего чего не учинить. И я Государь на сие доношу Вашему Величеству: казаков 143 человека, которых взял в бою господин Бахметев, и по розыску подлежали они смертной казни, хотел я Государь их вершить, но мая шестнадцатого числа получил от всего Донского Войска отписку с покорением их, которую послал

до Вашего Величества. И тем виновным казакам смертной казни не учинил для такого случая до Вашего Государева указу. И мне Государь какая польза смерть брата своего мстить? Я, Государь, желаю того, чтоб они тебе вину свою принесли без великих кровей»[18].

VIII

После выборов Кондратий Булавин поселился в хоромах казненного Лукьяна Максимова. Здесь каждый вечер собирались теперь его ближние товарищи и новая войсковая старшина, состоявшая из старожилых, природных казаков. Приходилось помышлять о многих неотложных делах.

Послав по настоянию своей старшины отписку царю, Булавин не очень-то верил в возможность мирного исхода… Слишком глубоко пущены корни поднятого им мятежа, никогда не простят князья и бояре пережитого ими страха и учиненных голытьбой разорений. Да и не в состоянии он, войсковой атаман, удержать голытьбу от нападений на извечных своих недругов — бояр, вотчинников, богатеев, дьяков и подьячих.

Голытьба доставляла больше всего забот Булавину и его войсковой старшине… Согласие донских казаков с голутвенным людом, существовавшее во время похода, кончилось. Борьба за старые донские права и вольности привлекала природных, старожилых казаков, но была чужда бездомной и раздетой голытьбе, требовавшей непрерывно «хлеба, зипунов и жалованья».

И в Черкасске началось то, о чем втайне давно думали наиболее дальновидные казаки… Булавин по совету Зерщикова отделил пришедшую с ним голытьбу от казаков. Шпионы доносили, что «сила его воровская живет на Черкасском острову в рознь: знатные по куреням, а бурлаки по амбарам и базам». Но избежать столкновений голытьбы с природным казачеством все равно не удалось.

Бездомные гультяи, слоняясь по улицам низовых станиц, завистливо глядя на курени донских богатеев, все настойчивее выражали желание «природных казаков всех побить и пожитки их разграбить».

Чтоб успокоить голытьбу, Булавин вводит твердые, дешевые цены на хлеб, по гривне за мешок, и выдает жалованье по два рубля, три алтына и две деньги на человека, забрав для этого двадцать тысяч рублей церковных денег. Наконец сажает под караул и высылает из Черкасска и низовых донских станиц «в

верховые городки выше Кагальника» двадцать богатых стариков с женами и детьми.

Однако эти меры не помогли, а, напротив, еще больше раскололи булавинцев. Поддерживавшие Булавина домовитые и старожилые казаки, устрашенные высылкой стариков, начинают шептаться, «чтоб им тоже от того вора не погибнуть», казаки верховых городков, не получив жалованья, бегут из Черкасска «по донским городкам в свои жилища, потому, что будучи при нем долгое время, испроелись», а голытьба буянит и грозит зажиточному казачеству по-прежнему.

Кондратий Афанасьевич со своими соратниками и старшинами сидит в просторной, убранной коврами горнице, за длинным столом, уставленным всевозможной снедью, флягами и жбанами с привозным вином и домашним хмельным варевом. За открытыми окнами теплая майская ночь. Неумолчно заливаются соловьи в садах. Да слышится порой перекличка караульных. Колеблется пламя оплывающих нагаром свечей.

Булавин лохматит густые темные волосы, золотая серьга в левом ухе, качаясь, неярко поблескивает.

— Пишут с Донца атаманы Никита Голый и Сергей Беспалый, что собираются близ Святогорского монастыря царские ратные люди, — тихо и раздумчиво говорит Булавин, — и хотят явно идти для разорения наших донецких городков, и просят те наши атаманы воинскую подмогу… Того ради мыслю я, браты, отпустить отсюда на Донец тысячи две голутвенных, а полковниками над сим войском учинить Семена Драного и брата моего Булавина Ивана…

Маленький юркий Тимофей Соколов, черкасский казак, недавно избранный в есаулы, подхватил:

— Лучше не придумаешь, Кондратий Афанасьич! И на Донце защита окрепнет, и тут у нас без гультяев потише будет.

Илья Григорьич Зерщиков, сидевший среди старшин, согласно закивал головой:

— Ладно, так и приговорим всем войсковым советом.

Игнат Некрасов, тряхнув упрямой головой, сказал:

— А я, браты, паки прошу вас отпустить меня с вольницей на легких стружках для добычи на Волгу…

Старшины стали возражать:

— Негоже, атаман… Мы от государя ответную грамоту на войсковую отписку ожидаем, как нам своевольство дозволять?

Булавин, сдержав легкую усмешку, произнес:

— Верно, шарпальничать покуда не будем… А тебе, Игнат, тож с двумя тысячами конных и пеших надобно на Хопер идти в подмогу Лукьяну Хохлачу для бережения тамошних наших

казацких городков…

— Сроду замирения с царем не дождетесь, — махнул рукой Некрасов. — Зряшняя проволочка!

— Вот и я так-то мыслю, — отозвался Семен Драный. — Не для гостевания драгунские и солдатские полки собирают… Боя не миновать. И нечего головы морочить царским милосердством, надо о своей выгоде помышлять, браты…

— А ты, Семен, какую свою выгоду разумеешь? — задал вопрос Булавин.

— Ныне, слыхать, атаман Ивашка Павлов с бурлаками на Волгу вышел, и кабы Игнат с голытьбой нашей соединился с ними — куда как важно было бы. Царь-то с боярами головы почесали бы, куда им ратных людей посылать: то ли супротив нас, то ли для охранения волжских городов?

Булавин в душе был с Игнатом и Семеном согласен, но, зная, что большая часть старшин, надеясь на мир с царем, настроена против, ничего не сказал, решив поговорить об этом с Игнатом и Семеном наедине.

— И той же пользы нашей ради, — продолжал Семен Драный, — с запорожскими и кубанскими казаками о всяких общих делах душевно договориться и пересоветовать надо, и пересылку немедля о том учинить…

— От запорожцев ничего доброго не чаю, — вставил Зерщиков, — Кондратий Афанасьич сказывал, как они меж себя в Запорогах советовались, и души позадавали, чтоб всем быть с нами в соединении и друг за друга радеть, а к Черкасскому и для совета никто от них не пришел…

— Написать все же запорожцам следует, Илья Григорьич, а также и кубанским казакам, — сказал Булавин. — Веры нам весной не дали запорожские старики, видно пугнул их кто-то из черкасских старшин нашей слабостью, а ныне мы не слабы… Пусть ведают и в Запорогах и на Кубани, что ныне у нас в единогласии тысяч сто и больше, и много русских людей отовсюду бегут к нам на Дон денно и нощно с женами и детьми от изгоны царя нашего и от неправедных судей…

Некрасов добавил:

— От кубанцев и того таить не нужно, о чем прежде мы гутарили. Ежели царь станет утеснения нам чинить, то мы всем войском от него отложимся и будем милости просить у кубанцев нас от себя не отринуть…

Старшины не спорили. Булавин поднялся из-за стола:

— Добрый совет всегда впору, браты, поступим, как тут говорили… Отпустим вольницу на Донец и Хопер и пересылку с запорожцами и кубанцами учиним, а низовому и верховому

казачеству велим для всяких военных случаев быть в готовности… — Булавин сделал передышку, обвел глазами старшин и атаманов и, хмуря брови, закончил так — А крикунов и шептунов, коими всякая подлая небыль про пас разносится, ты б, наказной атаман Илья Григорьевич, брал под караул… Нет большего худа для нас, браты, нежели распри меж собою… отныне недруги наши, творящие сию злохитрость, пощады пусть не ожидают. Вольность дороже всего! Не позволим недругам рушить согласие наше, коим вольность держится!

…Кондратий Афанасьевич, проводив старшин, долго еще оставался в задумчивости. И тревожили его не одни войсковые дела…

Жена Ульяна, благополучно родившая в конце прошлого года сына, продолжала жить у сестры под Белгородом, так как выехать на Дон было трудно, дороги охранялись слободскими солдатами. Булавин послал трех проворных трехизбянских казаков выручить жену, и казаки добрались до места, но возвратились обратно с печальным известием: жена и сын схвачены по приказу Белгородского воеводы и посажены в острог[19].

Грамоты Булавина к воеводе с просьбой отпустить жену и сына ни к чему не привели. Приходилось искать более действенные способы освобождения. Кондратий Афанасьевич хотя и часто ссорился с женой, а, не видя ее долгое время, соскучился, да и не терпелось поскорей увидеть, прижать к сердцу маленького сынишку.

Булавин хотел сначала послать на Белгород сильный казачий отряд, а потом раздумал. В Белгороде, во-первых, стояли солдатские полки и была артиллерия, а, во-вторых, при подходе казаков жену с сыном могли отправить куда-нибудь дальше, в неизвестные места.

Булавин решил теперь воздействовать на киевского губернатора князя Голицына, в подчинении которого находился белгородский воевода. Булавин написал Голицыну полную собственного достоинства грамоту:

«Ведомо нам Войску Донскому учинилось, что нашего войскового атамана Кондратия Афанасьевича Булавина жена с сыном у вас в Белгороде сидят за караулом. И вы ее держите за караулом напрасно по доносу неправедных прежних наших старшин Лукьяна Максимова с товарищами, а не по его Великого Государя указу. А еслиб за атамановой женой явилась какая вина, и она бы взята была по его Великого Государя указу и послана в Москву, а не токмо бы вам ее в Белгороде держать за караулом. И тебе, ближний стольник Дмитрий Михайлович, пожаловать бы войскового атамана Кондратия Афанасьева, жену его с сыном из-

за караула освободить и отдать посланным нашим казакам на руки… И чтоб вам Дмитрий Михайлович отпустить ее к нам войску с нашими посланными казаками не задержав, бессорно. А буде вы ее из-под караула не освободите, и мы Войском Донским за нею к вам в Белгород пришлем от себя войско тысяч сорок или пятьдесят. А что у нас в войске учинилось меж себя, о том мы Великому Государю и в походные государевы полки почасту пишем. А с сей отпиской послали мы войском вышеписанных казаков, и велели им самим явиться и отписку подать тебе киевскому воеводе Дмитрию Михайловичу Голицыну с товарищами. Также велели им казакам милость просить у тебя и на словах»[20].

Покончив с грамотой, Кондратий Афанасьевич прилег отдохнуть, задремал, а когда открыл глаза, увидел, что солнце давно взошло, и услышал, как в соседней горнице оживленно шептались Галя, Никита и кто-то еще…

Кондратий Афанасьевич прислушался, признал голос племянника Левки и по отдельным словам догадался, что ребята хотят отправиться на Донец с голутвенным походным войском, а Галя сердито отговаривает брата… И она права! Левке восемнадцатый год, настоящий казак, и на коне молодцом, и птицу влет стреляет, а Никишка совсем мальчик, рано еще ввязываться ему в драку…

Кондратий Афанасьевич потихоньку поднялся, подошел к двери, открыл, притворно строгим голосом прикрикнул:

— Вы чего тут спозаранку своеволите, спать людям не даете?

Галя вздрогнула, всплеснула руками:

— Ох, тятя, испужал… Мы же тихо гутарили.

А Никишка, смело глядя в глаза отца, заметил:

— Спят люди ночью, а сейчас вон где солнце-то…

Левка, подправив лихо взбитый рыжий чуб, ломким баском выложил все сразу:

— Я просить хотел тебя, дядя… И Никишка тоже… Отпусти нас с войском походным…

Кондратий Афанасьевич сдвинул густые брови, коротко племянника обрезал:

— Слыхал. Не пущу.

Ребята смутились. Булавин продолжил:

— Война не сегодня кончается, успеете каждый в свой черед в походах побывать… А сейчас, Левка, ступай покличь ко мне атамана Некрасова.

Левка вышел. Никишка стоял недовольный. Отец подошел к нему, ласково положил руку на плечо:

А тебя, Никиша, я с собой возьму, как на Азов пойдем…

только о том до времени не болтай.

— Лучше бы тут сидел, — вмешалась неожиданно Галя, — в Азове, говорят, десять тысяч солдат да сто пушек выставлено.

— А кто ж говорит, донька? — насторожился Булавин.

— Да по всей станице бают… Фролова Василия девки сказывали, будто сам царь с войском огромадным сюда для расправы над бунтовщиками идет…

— Я от черкасских казачат о том же слыхал, тятя, — подтвердил Никиша.

Булавин сразу посуровел.

— Губернатор азовский и тайные враги брех сей в народ пускают, дабы ослабить нас… Чую, множество недругов вокруг меня! — Кондратий Афанасьевич помолчал, вздохнул, потом, обратившись к сыну, с неожиданной мягкостью и легким укором промолвил: «А ты, Никиша, меня одного оставить тут хочешь?

На глазах у мальчика навернулись слезы, он прижался к отцу, тихо, смущаясь, произнес:

— Никуда я не хочу от тебя…

Галя с пылающим лицом подошла к отцу с другой стороны, прошептала страстно, как клятву:

— И я, тятя родный, никогда, никогда тебя не покину. До самой смерти!

…Хотя Игнат Некрасов постоянно возражал войсковому атаману и спорил с ним, Булавин все же любил и уважал Некрасова более других своих атаманов и полковников. Знал, что этот упрямый, крепкий, как кремень, казак всецело предан делу, и помыслы его направлены лишь к обшей пользе, и никогда он не предаст, не изменит, не отступится…

Прощаясь с Некрасовым наедине, высказал Кондратий Афанасьевич свои сокровенные мысли. Признался, что не так страшат его государевы войска, как действия тайных недругов, и что не очень-то верит он даже своим старшинам, посему и остерегается открываться перед ними.

Некрасова признание войскового атамана нисколько не удивило. Сказал просто, дружески:

— Я давно подмечаю, Кондратий Афанасьич, как ты на две стороны озираешься… На Волгу-то пошто меня не пустил? Ссоры со старшиной не желаешь… а сам ведаешь, сколь сильней были бы мы, кабы на Волгу вышли.

— Догадлив ты, Игнат, — невольно улыбнулся Булавин. — Я сам толковать хотел о том, чтоб забрал ты с Хопра более надежных Лунькиных вольных, да на Волге с Ивашкой Павловым соединясь, шли бы к Царицыну… вольность нашу казацкую всюду

утверждали б…

— На царское милосердство, стало быть, не дюже полагаешься? — насмешливо сощурив глаза, спросил Некрасов.

— Чего ж полагаться, коли вышним командиром государевой рати поставлен брат убитого нами князя Юрия… Я на днях царю Петру другую отписку послал, прямиком пояснил, что собрались мы не для войны с ним, но ежели его полки станут разорять наши казачьи городки, то мы будем противиться всеми реками… Ну, а коли осилят они нас, — задумчиво продолжал Булавин, потирая собравшиеся на лбу морщины, — придется впрямь на Кубань-реку, к землякам своим подаваться…

— Там кто у тебя из ближних-то?

— Брат, племянники… наших донских и донецких верховых казаков много…

— Вот и порешим с тобой: буде начнут по Дону и Донцу теснить казаков царевы ратные люди, то мне, не мешкая, знак о том подай, соберемся вместе в Цимле, оттуда на Кубань шлях прямой лежит…[21]

Булавин, продолжая находиться в задумчивости, кивнул головой. Некрасов, силясь отгадать думы войскового атамана, пристально посмотрел на него, неожиданно вздохнул:

— Не родная нам на Кубани земля, Кондратий Афанасьич, и слезы человечьи там не слаще, да что поделаешь? Живыми в руки врагов нам попадать нельзя…

— Что впереди будет — один бог ведает, Игнат, — ответил со вздохом Булавин. — В готовности же ко всяким случайностям быть нам следует, и о сборе в Цимле положим с тобой накрепко. Благодарю, друже, за преданность твою, службу верную, советы добрые… А теперь накажи есаулам и сотникам нашу вольницу в Паньшином сбирать, а сам с казачьей полсотней ступай в Пристанский городок, чини, как говорено меж нами… Да Луньку Хохлача построже моим именем от своевольства остереги… Не могу забыть, сколько людей он, дурень, на Курлаке загубил.

— Попробую образумить, только надежды что-то нет, — сказал Некрасов. — Упрямый, черт! Ему хоть кол на голове теши!

— Розыском войсковым припугни, ежели дуровать будет.

— Ладно, постараюсь, Кондратий Афанасьич…

Атаманы крепко обнялись, поцеловались. Булавин, вспомнив, добавил:

— Да возьми с собой племянника моего Левку… Хлопец смелый, горячий, ты опаси его где нужно, и посылки всякие ко мне с ним отправляй без сомненья… Прощай!

IX

Узнав о том, что Кондрат Булавин взял Черкасск и избран войсковым донским атаманом, запорожцы вновь заволновались.

Собранная 13 мая рада была особенно бурной. Сиромашные казаки с кулаками лезли на кошевого и куренных атаманов, кричали:

— Для чего не дозволили нам идти великим постом к Булавину? Для чего и ныне возбраняете?

Кошевой Гордеенко, обливаясь потом, оправдывался:

— Ныне войску запорожскому подняться невозможно, Панове, потому семьдесят шесть наших казаков посланы за государевым жалованьем в Москву и там их заневолят, ежели мы за донских поднимемся…

Сиромашные, перебивая кошевого, завопили:

— Нечего его слушать. Заелся казацким хлебом! Скинуть с кошевья к чертовой матери!

Гордеенко хотел послушно атаманскую палицу положить, но его остановили еще пущим криком:

— Не смей класть, тогда скажем, как совсем не годен будешь, собачий сын! А сейчас вели быть походу… Да укажи за конями в табун войсковой послать, да полковников и войсковые клейноты отпустить…

И быть бы по «воле товарищества» тому походу, если б не чрезвычайное происшествие. В открытых сечевых воротах показались монахи, присланные для увещания буйных сечевиков Киево-Печерской лаврой по приказу князя Голицына. Несколькими рядами, в черных рясах и клобуках, с хоругвями, иконами и крестами надвигались они, подобно темной туче, на запорожцев и оглушительно ревели:

— Царю небесный утешителю душе истинной…

Запорожцы-храбрецы натиска не выдержали, малость попятились. А монахи, вращая сверкающими очами, тыкали иконами прямо в морды сечевикам, устрашали:

— Зрите, како в геенне огненной над ворами и смутьянами расправу чинят!

На иконах впрямь многие разглядели, как рогатые и хвостатые дьяволята поджаривали на чурках живых чубатых запорожцев. Монахи же продолжали вещать без устали:

— И вам, нечестивцам, тако гореть, коли на сатанинское булавинское прельщение склонитесь. Бойтесь злоехидных козней лукавого! Покайтесь, безумцы!

Запорожцы, поснимав шапки, ошалело крутили головами и, отплевываясь, пробирались потихоньку к воротам.

Так была сорвана киевскими черными попами запорожская

сечевая рада[22].

Но вскоре после этого запорожцы получили грамоту булавинского атамана Семена Драного, собиравшего на Донце войско для защиты казачьих городков.

«Для того разорения, — сообщал атаман, — идет с русскими полками князь Василий Володимирович Долгорукий, хотя наши казачьи городки свести и всю реку разорить. И мы войском походным ныне выступя стоим под Ямполем, ожидаем, к себе вашей общей казачей единобрацкой любви и споможения, чтоб наши казачьи реки были по-прежнему, и нам бы быть казаками, как было искони казачество и между нами казаками единомысленное братство. И вы, атаманы молодцы, все великое войско запорожское, учините к нам походному войску споможение в скорых числах, чтоб нам обще с вами своей верной казачьей славы и храбрости не утратить. Также и мы в какое ваше случение рады с вами умирати заедино, чтоб над нами Русь не владела и общая наша казачья слава в посмех не была».

Простые, сильные и убедительные слова этой грамоты дошли до сердца. Велика была казацкая единобратская любовь! Не стали больше слушать черных попов запорожцы, конные и пешие двинулись на помощь донским казакам. Конные, загонами в двести-триста человек, «купя кумач и сделав себе знамя», пробирались степными дорогами, пешие сиромашные казаки плыли на лодках с песнями:

Ой, як тяжко в свити стало,
Бо ти прокляти пани
Из нас шкуры поздирали
Та пошили жупани…

И кошевой, хотя войсковых клейнот охотникам не дал, а препятствий никаких не чинил.

Дьяк, приехавший в Сечь из Киева, полюбопытствовал:

— Куда казаки конные и пешие путь держат?

Кошевой, потягивая вниз сивые усищи и пряча под ними смешок, ответствовал:

— Пошли те казаки и впредь многие пойдут для заготовки лесных припасов на реку Самару с нашего войскового ведома, а не бездельно…

Силы булавинцев, собиравшихся на Донце, крепли с каждым днем.

…После страшного поражения на Курлаке атаман Лукьян Хохлач немного притих, а затем снова начал собирать войско,

бахвалясь летом взять Воронеж.

Когда Игнат Некрасов, приехав в Пристанский городок, объявил, что идет на Волгу и берет с собою, по распоряжению Булавина, хоперских казаков, Лукьян Хохлач вспылил:

— Не пущу с Хопра никого. Мне самому казаки нужны… Я сам в походе буду!

— Войсковой атаман лучше нас ведает, — сдержанно возразил Некрасов, — где кому быть общей пользы ради…

Хохлач сдвинул шапку набекрень, перебил заносчиво:

— А що мне войсковой атаман? Кабы не моя подмога, ему бы и войсковым никогда не бывать. Мне указывать нечего. Я своим разумом живу.

Некрасов уговаривать не стал, сказал прямо:

— Ну, ежели ты никого слушать не желаешь, нам с тобой гутарить не о чем… Прощай! Жди теперь войскового розыска за своевольство…

Хохлач сразу остыл, знал, что войсковой розыск с ослушниками расправляется сурово, а с него, чего доброго, потребуют заодно держать ответ и за погибших на Курлаке казаков. И в тоне совсем примирительном неожиданно предложил:

— Ты меня возьми с собой на Волгу, я давно туда охочусь, я бы тебе Саратов достал…

Некрасова такой оборот невольно рассмешил:

— Скоро ты передумал… И на посулы горазд. То Воронеж, то Саратов… Язык все терпит!

— А ей-богу, Игнат, ничего мудреного нет, — ответил Хохлач. — Камышин-то наши казаки без боя взяли…

Некрасов посмотрел на него с удивлением:

— Когда Камышин взяли? Какие казаки?

— Сиротининской донской станицы казаки днями взяли…

— А ты откуда дознался?

— Пристанский наш станичник сегодня сказывал, он в Камышине у свойственников гостил…

Некрасов велел позвать станичника. Тот охотно и подробно обо всем поведал.

Сиротининские казаки издавна ездили в Камышин за солью и по торговым надобностям. Узнав от них о переменах в донском войске, местные жители и гарнизонные солдаты тайно сговорились о переходе на сторону Булавина и просили сиротининских казаков оказать им помощь. 13 мая, на заре, четыреста конных сиротининских казаков подъехали к городским воротам. Солдаты предупредительно их открыли. Воевода Данила Титов случайно успел убежать, а дьяков приказной избы,

офицеров, полкового писаря, бурмистров соляной продажи и кабатчиков камышинцы утопили.

Победителям досталось пятнадцать пушек, много оружия, снарядов, свинца и пороха, огромные запасы хлеба и соли. Государева казна и пожитки начальных людей и богатеев были раздуванены. Заключенные из тюрем выпущены.

Созванный затем из местных жителей и солдат круг избрал атамана, старшин, есаулов и «велел им чинить право казачье, а соль продавать по восемь денег за пуд». Солдат Иван Гуськов поехал в Черкасск с челобитьем камышинцев, просивших Булавина принять их под свою защиту.

Выслушав эту любопытную историю, Некрасов задумался. Предложение Лукьяна Хохлача теперь не казалось уже сумасбродным, тем более, что пристанский станичник подтвердил, будто камышинцы поговаривали при нем о возможном походе на Саратов, где, по их сведениям, кроме обычного небольшого гарнизона, никакой иной воинской силы нет.

— Ладно, — сказал Некрасов, обращаясь к Лукьяну Хохлачу, — Бери сотен пять доброконных казаков, иди на Камышин, там хорошенько о Саратове проведай и мне дай знать…

— А тебя где искать-то?

— Я в Паньшином походное войско собирать буду. И ежели верно сказывают, что Саратов воинской силой скуден, попытаем с тобой вместе городок тот взять…

— Возьмем! — уверенным тоном произнес Хохлач. — У меня рука легкая!

И на другой день, как договорились, Лукьян Хохлач с доброконными казаками пошел на Камышин. Некрасов для пущей верности послал с ним Левку Булавина.

Прошло несколько дней. Камышинцы, разбивая проходившие мимо речные торговые караваны, не отказывали в хлебе и одежде тянувшейся к ним отовсюду голытьбе, неудивительно, что силы волжских повстанцев быстро увеличивались.

Атаман Лукьян Хохлач был встречен в Камышине общим ликованием. Вопрос о походе на Саратов выяснился сразу. Возвратившиеся оттуда разведчики единодушно свидетельствовали о непрочности города. А камышинские солдаты Трошка Трофимов и, Иван Земин успели вооружить около тысячи человек, которые с радостью поступили под начальство булавинского атамана.

Левка Булавин поскакал к Некрасову. Тот передал, чтоб Хохлач со своими казаками и камышинцами ждал его под

Саратовом, куда он, Некрасов, обещал быть из Паньшина с казачьим конным полком…

Однако Лукьян Хохлач и тут не отказался от своевольства. Он задумал отличиться, с ходу «достать Саратов» и, не дожидаясь Некрасова, сделал приступ, который саратовцы отбили с большим уроном для нападавших.

Лукьян Хохлач вынужден был отступить. Подошедший с конными казаками Некрасов начал готовить второй приступ, но в это время неожиданно на булавинцев ударили с тыла пять тысяч калмыков тайши Аюка, посланных на помощь саратовцам. Булавинцы были разбиты. Хохлач со своим поредевшим войском возвратился в Камышин. Некрасов, проклиная себя за неосмотрительность, ушел в Паньшин городок.

Некрасов отдавал себе ясный отчет, что неудача под Саратовом могла гибельно отразиться на общих донских войсковых делах. Недруги воспрянут духом, а среди булавинцев усилятся колебания и раздоры. Надлежало как можно быстрей исправить положение.

Некрасов с необыкновенным упорством в пять дней создает четырехтысячную армию из находившихся в Паньшином верховых казаков и донской голытьбы. И ведет ее на Царицын, как и советовал Булавин. Лукьян Хохлач, с которым поддерживается постоянная связь, направляется под Царицын по Волге с камышинскими повстанцами, они везут на стругах осадные лестницы, кирки, мотыги, лопаты и заступы. С волжского понизовья к Царицыну подходит атаман Иван Павлов с бурлаками.

7 июня утром булавинцы с трех сторон ворвались в Царицын, заняв весь так называемый старый городок. Жители встречали булавинцев радушно, приглашали в дома, потчевали пирогами. Над сторожевой башней взметнулось кумачовое знамя. Левка Булавин поскакал в Черкасск, не терпелось порадовать дядю доброй вестью.

А битва еще продолжалась. Воевода Афанасий Турченин с гарнизоном «сел в осаду в малой крепости». В гарнизоне не насчитывалось и тысячи солдат, зато малую крепость окружал глубокий ров, прочные палисады, из бойниц грозно выглядывали пушки и снарядов было вдоволь.

Первые приступы булавинцев осажденные отбили. Воевода знал, что на помощь из Астрахани спешит полковник Бернер с солдатским полком, и надеялся до его прихода «от воров отсидеться». Но предусмотрительно высланные Некрасовым конные дозоры вовремя заметили приближение солдат. Оставив Лукьяна Хохлача продолжать осаду малой крепости, Некрасов и

Павлов с двумя тысячами конных казаков и бурлаков встретили и наголову разбили полк Бернера близ Сарпинского острова, в пяти верстах ниже Царицына.

Возвратившись к осажденной крепости, Некрасов и Павлов велели засыпать в двух местах землей ров, а затем булавинцы, «наметав дров и всякого смоленого лесу и бересты, зажгли огонь», который быстро перекинулся на палисады и деревянные бойницы крепости. Сопротивление осажденных, задыхающихся от дыма, начало ослабевать. Булавинцы пошли на приступ и, как доносил царю астраханский воевода, «великою силою и тем огнем тот осадной городок взяли; и Афанасия Турченина убили, великою злобою умуча, отсекли голову, и с ним подьячего и пушкаря и двух стрельцов; а других, кои были в осаде, офицеров и солдат, отобрав ружье и платье, ругаясь много в воровских своих кругах, оставили быть на свободе».

Так Царицын стал вольным казачьим городом.

А тем временем Левка Булавин, сменив коня в Паньшином, мчался знакомой степной дорогой в донскую столицу. Не прошло и месяца, как покинул он родные места, а во скольких событиях довелось участвовать, сколько любопытного успел повидать. Будут завидовать теперь ему станичные казачата. И черноглазая Галя перестанет насмехаться, пожалуй, над молодецки взбитым рыжим чубом… А как будет доволен его сообщением дядя Кондратий! Левка слышал, как приезжавшие низовые станичники говорили, будто в Черкасске не утихают раздоры меж казаков и домовитые грозят расправой войсковому атаману. Прикусят небось поганые свои языки недруги, узнав о взятии Царицына, не осмелятся более суесловить!

И все же мысли о дяде были тревожны…

Некрасов, прощаясь с Левкой, сказал:

— Гляди, Левка, как там Кондратий Афанасьич, а ежели что, от дяди не отлучайся… Опасаюсь я тайных происков черкасских стариков.

— Наказной атаман Илья Григорьич небось за ними усмотрит, — промолвил Левка.

По лицу Некрасова словно тень скользнула, он огляделся, потом наклонился к Левке, произнес:

— Ты хоть и молод, а, ведаю, тайного до поры не пронесешь… Слух есть, будто наказной сам путляет, со стариками в ночную пору его будто примечали…

У Левки от удивления глаза на лоб полезли и в горле пересохло:

— Илья Григорьич? Да он же сам верховодил и зачинал смуту… Как же так?

Некрасов пожал плечами:

— Мало что бывает! Сам-то наказной все ж из низовых богатеев, а ворон ворону глаз не выклюет. Может, и брешут про него, а остерегаться надо… при случае скажи о том дяде…

— Скажу непременно, — пообещал Левка.

И вот последний вечер в пути, до Черкасска рукой подать, завтра Левка будет дома…

Сумерки начали густеть. Повеяло прохладой. Острей запахло степной полынью и чабрецом. И вдали приветливо замигал огонек костра.

Левка подъехал поближе. Стало совсем темно. Костер из сухих степных будыльев трещал и брызгал золотистыми искрами. Двое незнакомых бородатых казаков варили в котелке пшенный кулеш. Вблизи паслись стреноженные лошади.

Левка соскочил с коня, поздоровался. Станичники окинули его равнодушным взглядом, спросили:

— Куда путь держишь, хлопец?.

— В Рыковскую… Я рожак тамошний… — И, в свою очередь, полюбопытствовал: — А вы с какой станицы?

— Донецкие, — неохотно отозвался один из казаков и опять спросил: — С Паньшина, что ли, гонишь?

— Оттуда…

— Не слыхал там, как наши под Царицыном?

— Не слыхал, — осторожности ради солгал Левка, — я не в самом Паньшине, а верстах в пяти на хуторе у свойственников своих гостил…

Казак помешал кипевший в котелке кулеш, потом' поднял вверх бороду:

— Ложка-то есть у тебя?

— Есть…

— Так присаживайся, хлебово важнецкое…

Станичники были не из разговорчивых. Доужинали, проверили лошадей, улеглись, захрапели.

А Левка решил переждать еще часок, пока конь отдохнет, подкормится, да и трогаться дальше. Но усталость дала себя знать, он крепко заснул.

И вдруг, почувствовав страшную, давящую тяжесть, он приоткрыл глаза, хотел приподняться, крикнуть и не мог. Бородачи скрутили ему руки и ноги, заткнули рот кляпом, засунули голову в мешок.

Дышать стало нечем. Левка потерял сознание.

X

Английский посланник при русском дворе Чарльз Витворт статс-секретарю сэру Гарлею в Лондон. Из Москвы 2 июня 1708 года.

«Украинский бунт становится опасным. Глава мятежников Булавин, казнив атамана донских казаков, принудил жителей, выбрать себя на его место и известил царя об этом избрании, извиняясь, что решился на такое «справедливое дело», как он выражается, без ведома Его Величества, в уверенности, что Государь одобрит его, когда узнает, почему он так действовал. Булавин не признает мятежниками ни себя, ни своих сообщников, указывая на то, что они не коснулись царских доходов или чего-нибудь, принадлежащего казне, напротив допустили свободную отправку всего казенного добра в Москву. Они желают жить мирно, пользуясь старинными вольностями, и очень удивляются, зачем царь высылает войска против своих верноподданных, тем более, что из этого ничего не выйдет, так как с Булавиным тридцать шесть тысяч человек и он с божьей помощью состоит в союзе с башкирами, которые снова взялись за оружие. Если же Булавину не позволят жить мирно, он со всеми приверженцами грозит уйти с Дона и поселиться на какой-нибудь новой реке. Этим он, надо полагать, намекает на намерение уйти к татарам кубанским, проживающим под покровительством Высокой Порты. Многие думают, что царь, ввиду настоящих обстоятельств, даст свое согласие на все и уступит требованиям Булавина».

Английский посланник. Чарльз Витворт был превосходно обо всем осведомлен, и его донесение, несмотря на отдельные неточности, верно определяет отношение царя Петра к отпискам Булавина.

Узнав в середине мая от азовского губернатора, что Булавин, взяв Черкасск и казнив старшин, заявил, будто «ничего противного государю не умышляет», и послал особую оправдательную отписку в Москву, царь Петр в письме к Меншикову высказался так:

«…Однакож чаю сие оный дьявол чинит, дабы оплошить в Азове… Сему в подкопе лежащему фитилю верить не надобно; того ради необходимая мне нужда месяца на три туда ехать, дабы с помощью божией безопасно тот край сочинить, понеже сам знаешь, каково тот край нам надобен, о чем больше терпеть не могу».

Но в конце мая, получив две собственноручные отписки Булавина, царь начал сильно колебаться… Покорность, изъявляемая в отписках, Петра, конечно, никак не убедила, знал он цену казацкой покорности, зато настораживало твердо

выраженное Булавиным намерение уступить Дон и переселиться на иную реку, если царь пришлет войска и они будут разорять верховые казацкие городки.

Донское казачество охраняло южные границы государства, сдерживало постоянные набеги степных хищников — татар, ногайцев, калмыков. Обнажить южные границы в момент довольно обостренных отношений с Турцией и накануне возможного шведского вторжения… тут было над чем подумать!

А потом еще неизвестно, каковы силы Булавина. Способны ли справиться с ним карательные войска Долгорукого? Петр знал, что Булавин во всяком случае человек недюжинного военного дарования, сумел же он в короткий срок создать целую армию, разгромить соединенное войско Лукьяна Максимова и азовского полковника Васильева и сделаться войсковым атаманом. Петр, называя Булавина «дьяволом», тем самым признавал его ум, твердую волю и силу.

28 мая Петр из Петербурга написал Долгорукому:

«Господин майор! Как к тебе сей указ придет, и ты больше над казаками и их жилищами ничего не делай, а войско сбирай по первому указу к себе, и стань с ним в удобном месте».

В тот же день было отправлено письмо к азовскому губернатору с приказом «казакам ничего не чинить, ежели от них ничего вновь не явится».

Вскоре, однако, Петр понял, что совершил оплошность, против которой сам недавно других предупреждал. Донская либерия, как называли тогда некоторые дворяне донскую власть, возглавляемую Булавиным, ничего доброго для царского правительства не сулила[23]. Булавинцы продолжали мутить народ «прелестными» письмами, собирали и крепили свои силы. Никаким воровским отпискам веры давать нельзя. Донесения об этом поступали отовсюду. И вышний командир Долгорукий, и азовский губернатор Толстой уверяли, что Булавин повинные отписки чинит «под лукавством, понеже ожидает к себе помощников по своим воровским письмам из Сечи». Канцлер Головкин сообщал, что «те воры, опасаясь прихода Вашего Величества ратных людей, являют себя будто с повинною, а по-видимому хотят себе тем отдых получить, дабы вяще усилиться и присовокупить к себе таких же воров».

Петр не знал, еще о падении Царицына, но и того, что знал, было достаточно, чтоб отказаться от мысли о каком бы то ни было перемирии с булавинскими мятежниками.

20 июня Петр отправил Долгорукому новое письмо:

«Господин майор! Три ваши письма до нас дошли, и по оным о всем состоянии вора Булавина известно; и хотя перед сим

писано к вам с солдатом нашей роты Спицыным, чтоб без указу на оных воров вам не ходить, а ныне паки рассудили мы, что лучше вам собрався идти к Северному Донцу, понеже мы известились, что оный вор послал надвое своих людей: одних с Некрасовым водою в верховые городки, или па Волгу, а других с Драным, у которого только две тысячи, против вас; и ежели тот Драный не поворотился, то лучше над ним искать, с помощью божией, гак и над прочими такими. Также приезжий казак из Черкасского сказывал, что за посылками вышеписанными при Булавине только с тысячу их воров осталось. Буде же весьма кротко оные сидят и никуда не посылаются, то лучше бы дождаться отсель посланных полков. Прочее вручаем на ваше рассуждение, по тамошному дел обороту смотря; ибо издали гак нельзя знать, как там будучи».

…Вышний командир Долгорукий тем временем собирал карательную армию в Валуйках. В первых числах июня здесь было около четырех тысяч драгун и солдат, да близ Валуек стояли обозом Сумской слободской полк, солдатский Неклюдова и стрелецкий Колпакова. Таким образом, Долгорукий имел под своим начальством около семи тысяч человек. Но боевые качества этого войска были очень низки. Лучший полк Неклюдова состоял из семисот «изрядно» стрелявших солдат; ротами командовали стрелецкие сотники, переименованные в капитанов, а других офицеров, поручиков и прапорщиков, не было.

Новые полки фон Делдина и Давыдова оказались «плохи и ненадежны», солдаты не могли стрелять, офицеры из дворянских недорослей ничего не знали. А Полтавский слободской полк пришлось хитростью заманивать в Валуйки и поставить «меж других полков, чтоб не можно было им бежать».

Особенно негодовал вышний командир на царедворцев, детей боярских и дворянских, отбывавших от воинской службы. Московские приказы их укрывали, не сообщали в полк даже фамилий сысканных молодых бездельников. И, словно на смех, записывались «биться с ворами» одни старики. «Приехали два брата Дуловы да Жуков, лет им будет по девяносто и параличом разбиты, — жаловался царю Долгорукий. — И которые, Государь, едут с Москвы царедворцы, сказывают про них куриеры, все старики, которым служить невозможно. И не знаю я, что мне с ними делать?»

Все же Долгорукий, несмотря на «малолюдство» и «скудность в провианте», имел намерение идти к Азову, где с нетерпением ожидал царских войск опасавшийся воровского нападения губернатор Толстой.

Вышний командир, считавший, что в бою «один солдат стоит двадцати воров» и что даже не отличавшиеся храбростью царедворцы «на этот народ зело способны», явно недооценивал силы противника и вскоре убедился в этом со всей очевидностью…

Сумской полк стоял в урочище на речке Уразовой, в пятнадцати верстах от Валуек. Полковник Андрей Герасимович Кондратьев, широкоплечий богатырь с висячими запорожскими усами, слыл храбрым воякой и давно горел желанием переведаться с бунтовщиками.

Будучи в Валуйках у вышнего командира, полковник так прямо и объявил:

— Мне бы только до воровского их собрания добраться, сиятельнейший князь, спуску никому не дам… Я воровские повадки знаю. Воры на майданах бахвалятся, многолюдством давят, а в бою слабы…

— Не гораздо хвастай, полковник, — усмехнулся Долгорукий. — Вор Кондрашка со своими единомышленниками все донское войско к рукам прибрал.

— Нерадением начальных людей то учинилось, — сказал, раздувая щеки Кондратьев. — А кабы спервоначалу, как он вор в Пристанском городке явился, понаровки воеводы ему не дали, он бы Черкасска, как ушей своих, не узрел…

— Сие верно, полковник, — с любопытством глядя на него, согласился Долгорукий. — Нерадение воевод и доселе во всем примечаю. Суждение твое зело разумно.

— Эх, князь мой милостивый! — воскликнул ободренный ласковым словом полковник. — Добавь мне два эскадрона драгун да пусти на Донец, где ныне булавинские атаманы Сенька Драный и Микитка Голый с гультяйством шарпальничают, я зараз их смирю и воровских атаманов на цепи к тебе доставлю.

Долгорукий милостиво кивнул головой, обещал при случае просьбу полковника попомнить. Сумской полк, который недавно осматривал, произвел на князя неплохое впечатление: солдаты выглядят молодцами, одеты и обучены ладно, воровской «блази» среди них нет. И полковник Кондратьев, хотя и любит прихвастнуть, а видно по всему — деловит, уверен в себе и в своих солдатах… Не чета изюмскому полковнику Шидловскому и острогожскому Тевяшову, кои вечно жалобятся с перепугу на умножение воров и просят подмогу!

А спустя некоторое время, ранним утром, дозорные Сумского полка задержали ехавшего на телеге с Валуек высокого, длиннолицего, рыжебородого мужика. Телега была чем-то нагружена, покрыта рогожей. Дозорный засунул руку под рогожу

и достал свежий пшеничный калач. Мужик усмехнулся:

— А ты небось думал бомбы там?

И пояснил:

— Калачник я, волуйченин, везу вашим полчанам для продажи хлеб и калачи, на сухарях-то небось все зубы пообломали… Где обоз-то ваш? В том овраге, что ли?

Дозорные проводили калачника к обозу. Оказался он добрым покладистым мужиком, продавал свой товар весело, с шутками и прибаутками, солдаты вволю с ним набалагурились, и когда телега опустела, проводили с честью, просили и впредь мимо их полка калачей не провозить.

В следующую же ночь, когда солдаты Сумского полка крепко спали на вольном воздухе, случилось страшное…..

Незадолго до рассвета к палатке, где ночевал полковник Кондратьев с есаулами, прискакал на взмыленном коне один из дозорных, крикнул:

— Войско великое на нас идет, господин полковник…

Кондратьев, протирая глаза, в одном белье выскочил из палатки:

— Какое войско? Чего буровишь? Где видел?

— За обозом, верстах в двух, сторожил я дорогу… Вдруг глянулось… Идут конные многолюдством, кто такие, за темнотой не узришь, а знамо, что на нас…

Полковник приказал есаулу Трофиму Яковлеву разведать, в чем дело, а старшинам и урядникам поднимать солдат, выводить в степь за обоз, строить к обороне.

Но было поздно. Загудела земля под топотом конских копыт, загремели выстрелы, засвистели сабли. С двух сторон обрушилась на сумцев грозная лавина булавинцев.

Кондратьев с сотником Скрицким и несколькими солдатами успели добраться до обоза, где стояли пушки, но там шла уже жестокая схватка.

— Бей воров! Гони от пушек! — закричал полковник, кидаясь в бой и тесня нападающих спешенных гультяев.

В эту минуту на бугре, прикрывавшем стоянку полкового обоза, показались сопровождаемые бунчужниками и знаменщиками двое конных казаков. Один высокий, русобородый, подвижной, сидел в седле с казацкой ухваткой, другой, худощавый, темноволосый, со шрамом на лице, держался на коне мешковато, видимо верховая езда его стесняла. Это были булавинские атаманы Семен Драный и Никита Голый, соединенные силы которых доканчивали разгром Сумского полка.

Заметив полковника Кондратьева, пробивавшегося с солдатами к пушкам, Семен Драный сказал с усмешкой:

— Ишь, бойкие какие стали с наших калачей…

Никита Голый молча тронул коня и, подъехав ближе к сражающимся, выстрелил из пистоли в голову полковника. Тот упал, гультяи добили его прикладами.

— Собаке собачья смерть, — произнес угрюмо Никита, возвращаясь к Драному. — Мне сказывали, будто полковник этот, гадюка, похвалялся весь Донец виселицами убрать, а нас с тобой на цепь посадить.

— Лютовать над нами охотников много, — отозвался Драный, — князь-то Долгорукой, бают, четыре воза цепей с Воронежа пригнал… Проведает про наш нынешний промысел, будет небось зубами щелкать!

— Вот бы, Семен, нам на него ударить… да самого в те цепи оковать, да в Черкасской к Кондратию Афанасьевичу представить. Ловит, дескать, волк, но ловят и волка!

— Как в силах окрепнем, и до князя доберемся… Пожди малость!

Атаманы повернули коней. Место боя было густо покрыто трупами. Булавинцы снаряжали огромный полковой обоз, доставшийся им как победителям, клали на телеги раненых. Сумской полк прекратил существование.

Полковые есаулы Трофим Яковлев и Кондрат Марков, которым среди других немногих удалось спастись, прибежав в Валуйки, сказали вышнему командиру следующее:

«А как-де они у тех воров были, и те воры меж собою говорили: одни, чтоб им идти под Изюм, а другие, чтоб ударить и разорвать обоз господина князя Долгорукого. А впрямь ли они по такому своему злому намерению учинить хотят, того они, есаулы, подлинно не знают, только-де от них воров надобно иметь крепкое опасение, потому что их воров великое собрание, они-де признают двадцать тысяч конечно будет. Да с ними ж было четыре пушки, да четыре шмаговницы. С ними ж де есть и запорожцы с полковниками и старшиною тысячи с полторы. И прибавляется-де к ним голутьба всякая, также еще ожидают запорожцев в помощь…

А знатно-де, что на тот их полк тех воров привел волуйченин калашник, потому тот калашник до приходу их воровского приезживал к ним в обоз для продажи хлеба и калачей. А как-де они у тех воров были, и они-де того калашника видели в том их воровском обозе. А ростом-де тот калашник высок и долголиц, борода продолговата и рыжа».

Долгорукий, узнав о разгроме Сумского полка, совершенно растерялся. Об этом свидетельствует его доношение царю, написанное на следующий день. Побоявшись преследовать

булавинцев, Долгорукий оправдывается тем, что «у них конница легкая и многолюдно и при них же запорожцы», и всячески доказывает царю, будто сам Булавин с полками собирается напасть на Валуйки, а поэтому теперь нельзя идти в Азов, надо «украинные города оберегать». Долгорукий решается даже для большей своей безопасности задержать у себя драгунский полк Кропотова, отправленный из армии для охраны Азова и Таганрога.

Полученный как раз в эти дни царский опрометчивый указ о том, чтоб над казаками ничего не делать и стоять с войском в удобном месте, совершенно устраивал вышнего командира. Две недели стоит он без нужды в Валуйках, ссылаясь теперь уже не на воровское «многолюдство» и необходимость защищать «украинские города», а на именной царский указ.

Впрочем, вполне вероятно, что Долгорукий к тому же не желал спасать азовского губернатора Толстого, с которым находился в старинной вражде. Петр счел необходимым в одном из писем даже напомнить князю: «Хотя вы с Толстым имеете некоторую противность, однако надлежит оную отставить, дабы в деле помешки не было».

Долгорукий обещал, а все же не смог этого исполнить.

Замедление похода к Азову вообще оправдать трудно. «Пошел бы я к Азову и с малыми людьми, — пишет Долгорукий, — только удержался за нынешним твоим Государевым указом». Но и после отмены этого указа он не поспешил к Азову, находя все новые предлоги для задержки.

Петр, внимательно следивший за действиями Долгорукого, в конце концов сделал ему замечание:

«Господин майор! Письма ваши до меня дошли, из которых я выразумел, что вы намерены оба полка, то есть Кропотов драгунский и пеший из Киева у себя удержать, на что ответствую: пешему ежели опасно пройтить в Азов, то удержать у себя, а конный, не мешкав, конечно отправьте в Таганрог. Также является из ваших писем некоторое медление, что нам зело неприятно».

Так неприглядно выглядит вышний командир Долгорукий. Хладнокровная жестокость, проявленная им, как увидим дальше, при расправе над беззащитными людьми, сочеталась с весьма скромным военным дарованием, отсутствием решительности и мужества при встрече с сильным противником. Выбор Петра нельзя признать удачным, и сам царь почувствовал это, сознаваясь Меншикову, что назначил Долгорукого «понеже иного достойного на то дело не нашел».

Приходится говорить об этих чертах характера вышнего командира потому, что впоследствии дворянские летописцы

превозносили его как умного, талантливого, смелого полководца, — после смерти Петра он был сделан фельдмаршалом, — сумевшего в трудных условиях усмирить донских мятежников.

На самом же деле из среды весьма посредственных офицеров Долгорукий ничем не выделялся. Петр за «показанные на Дону труды» пожаловал его всего-навсего чином подполковника.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Деятельность Булавина в Черкасске представляется его биографам цепью сплошных ошибок. Главнейшими из них признаются следующие: Булавин раздробил свои силы, послав на Донец и Волгу наиболее преданную ему вольницу под начальством лучших своих атаманов Драного и Некрасова; Булавин потерял напрасно время на переписку с царем, упустив возможность взять Азов и Таганрог, пока карательная царская

армия ещё собиралась; Булавин слишком долго потворствовал низовому домовитому казачеству, вместо того, чтоб решительно стать на сторону голытьбы, главной своей опоры.

Однако можно ли эти поступки считать ошибками? Если б Булавин не отослал из Черкасска голытьбу, то, во-первых, чем бы он ее кормил, а, во-вторых, начавшаяся уже борьба голытьбы с природными казаками привела бы к гибельной кровавой резне, на что, кстати сказать, надеялся азовский губернатор. Если б Булавин не оттянул похода на Азов и Таганрог, то, во-первых, хватило ли бы у него умения и силы взять хорошо укрепленные крепости, а, во-вторых, если б и удалось их взять, разве это спасло бы донскую Либерию? Не правильней ли предположить, что в таком случае царское правительство более быстро и жестоко обрушилось бы на донских мятежников? А если б Булавин сразу стал на сторону голытьбы, то, вероятней всего, этим самым он лишь ускорил бы раскол в лагере своих приверженцев и созревание тайного заговора природного казачества.

Следовательно, в поступках Кондратия Булавина, кажущихся на первый взгляд ошибочными, в его постоянных колебаниях есть какая-то закономерность, вызванная существовавшими тогда общественными условиями. Булавин был природным казаком и прежде всего хотел отстоять для донского казачества старинные права и вольности, на которые посягало царское правительство. Однако несомненно, что Булавин искренне желал улучшить и жизнь голытьбы, желал, чтоб простой народ, крестьяне и работный люд были повсюду как-то ограждены от боярской «неправды», но не знал и, конечно, не мог знать, что для этого нужно делать.

Раздача голытьбе имущества черкасских старшин и церковных денег, устройство в российских селах и деревнях казацкого самоуправления, распоряжение делить «бессорно и безденежно» государственные хлебные запасы — все подобные мероприятия имели временное значение и не решали главных вопросов…[24]

Вот причины, порождавшие кажущиеся ошибочными поступки Булавина, его постоянные колебания, лишенную ясной политической определенности деятельность.

Кондратий Афанасьевич, находясь в Черкасске, видел, как быстро расширяется трещинка, появившаяся в отношениях с природным казачеством. Бывшие союзники все чаще под разными предлогами уклонялись от участия в войсковых делах, а многие бежали из Черкасска и низовых станиц в Азов с повинной, клялись там, будто Булавин силой и угрозами принудил их служить себе. И все громче звучали повсюду голоса недовольных.

В начале июня, ранним утром, прибежали табунщики, сторожившие в придонских лугах, верстах в десяти от Черкасска, войсковых лошадей, сказали:

— Ночью наехали на нас Васька Фролов с товарищами, будет-де их человек за сорок, и всех сторожей перевязали, и весь табун коней, без малого тысячи две, угнали неведомо куда, оставив только жеребых кобыл да стригунов… А по сакмам-де приметно погнали войсковой тот табун на Азов…

Булавиным овладела ярость. Он устраивает смотр казаков в Черкасске и в соседних низовых станицах. Не явившихся на смотр объявляет изменниками, семьи их берутся под стражу, пожитки запечатываются в куренях. Дом Васьки Фролова разоряется до основания.

Одновременно посылается войсковая грамота азовскому губернатору Толстому. Ссылаясь на то, будто «вины их государем отданы», Булавин настойчиво требует выдачи Василия Фролова с товарищами и возвращения воровски отогнанного ими войскового конского табуна[25].

Губернатор молчит. Зерщиков советует:

— Надо доставать Азов… Словно бельмо на глазу крепость сия проклятая.

Булавин соглашается. И долго сидят с наказным, обдумывают тайные войсковые дела.

Кондратий Афанасьевич, разумеется, не знал, кто и как подстроил бегство Васьки Фролова… Этот черкасский казак, некогда ярый противник Москвы, испуганный бесчинством голытьбы, одним из первых отвернулся от Булавина и стал высказывать мысль о необходимости быстрей примириться с царем.

Но бежать в Азов с повинной по примеру других Фролов не решался: губернатор знал его как «древнего бунтовщика» и мог не поверить в искренность намерений, хотя Фролов, чтоб расположить к себе Толстого, отправил ему однажды тайные сведения о булавинцах…

Есаул Соколов впился в него острыми глазками, произнес с ухмылкой:

— Сказывай кому другому! Я твою цидулю господину Толстому сам читал…

Фролов повалился есаулу в ноги:

— Не губи, Тимофей! Вспомни, как допрежь сего в ладу с тобой жили… Попутал меня окаянный! Зарок дам… никогда более и пера в руки не возьму…

— Кто ныне зарокам верит? — перебил есаул. — Вставай, не греши. И ответствуй без утайки. Я тебе не враг, понял?

Фролов поднялся растерянный и, моргая глазами, спросил:

— А коли так… где ж цидуля та?

— У господина Толстого… Не трясись! Я, прочитав, задержки посланцу твоему не чинил…

У Фролова отлегло на сердце, он обтер полотенцем лицо, признался:

— Фу… Напужал таково, аж в пот вдарило. А ты сам-то… с войсковым атаманов… врозь разве?

— Ну, о том после погутарим, — уклончиво сказал есаул. — Ныне прислал сюда губернатор своих людей, велел им, с тобой и товарищами твоими согласясь, отогнать в Азов табун войсковых коней… Собирай своих не мешкая, дабы сегодня ночью то дело справить. А тем и полное оправдание старых грехов твоих перед государем явлено будет…

— Опасаюсь, не соберу враз казаков-то, — заколебался Фролов, все еще сомневаясь в хитром булавинском есауле. — Кабы до завтра погодить…

Есаул мотнул головой, возразил строго:

— Нельзя. Булавин приказал наказному, чтоб завтра с утра всех подозрительных в кандалы ковать… А в том списке тебя первым я узрел.

Фролов более не колебался. Договорились об остальном без спора. И вскоре возглавляемый Фроловым небольшой отряд казаков направился на рысях по дороге в придонские луга.

Тимофей Соколов, возвращаясь домой, завернул к дому наказного атамана, постучал в окошко. Зерщиков сам открыл, промолвил почти шепотом:

— Ну, что?

— Слава богу, Илья Григорьич…

— Без оплошки ли сделано?

— Комар носу не подточит. Покойной ночи вам!

…Спустя несколько дней в войсковом кругу слушали грамоту, присланную князем Долгоруким. Сообщая о разгроме Сумского полка, вышний командир требовал от атаманов и казаков:

«И вам бы, памятуя свое обещание великому государю, товарищам своим и иным никому чинить так не велеть, чтоб неповинной крови и разорения никому не было. И Семена Драного, и Беспалова, и Никиту Голого и иных своевольцев, которые без вашего войскового совету то чинили, взять и ко мне прислать. А как вы их ко мне пришлете, то вам будет во оправдание и во всем очистка. И за такую верную вашу службу от великого государя получите пребогатую милость и жалованье».

Как только войсковой писарь прочитал эти строки, казаки

заволновались, закричали:

— Исполнить по грамоте! Взять своевольцев, отвезти в Валуйки. Не хотим за воровских атаманов ответ держать. Не хотим разорения. Взять своевольцев, взять!

Булавин попробовал крикунов утихомирить:

— Опомнитесь, браты! Где видано, чтоб своих выдавали? Не слушайте смутьянов!

Из круга перебили:

— Ты много говоришь, а с повинной к государю не посылаешь. Царские войска придут — все через тебя пропадем.

Булавин, гневным взглядом выискивая в кругу зачинщиков, пригрозил:

— А тех недругов, коими раздор на Дону чинится, давно кандалы ожидают и высылка.

Казацкая толпа на минуту затихла, потом вновь забурлила:

— Всех не перекуешь! Ныне нас в согласии много! Самого тебя в кругу поймать можем!

Кондратий Афанасьевич, сопровождаемый Зерщиковым и наиболее преданными старшинами, возвратился с круга потрясенный. Не сдержавшись, скрипнул зубами:

— Поджечь бы проклятый Черкасск да на Кубань податься…

Зерщиков молча переглянулся со старшинами, заметил:

— За что ж твоя немилость на всю нашу станицу-то? В семье не без урода, крикуны всюду водятся, а тут в единомыслии с тобой казаков множество…

— До сердца довели, не ожидал этакого, — признался со вздохом Булавин. — А тебе, Илья Григорьевич, нужно бы тех крикунов лучше сыскивать.

— Я о том и хотел с тобой гутарить, — спокойно произнес Зерщиков, доставая бумагу и протягивая ее Булавину. — В сильном подозрении у меня означенные казаки…

Булавин, просмотрев список, приказал всех, отмеченных взять под караул. И тут же было решено увеличить личную охрану войскового атамана до пятидесяти человек. Начальниками охраны поставлены есаулы Степан Ананьин и Карп Казанкин. Оба из рыковских надежных станичников.

А ночью в Черкасск приехали казаки с письмом Игната Некрасова, извещавшего подробно о взятии Царицына. Булавин приободрился. Станичным попам велел служить благодарственные молебны, кабацким сидельцам поить казаков вином безденежно, а пушкарям палить из пушек. Два больших приволжских города, Камышин и Царицын, стоят заедино с вольными донскими казаками. А коль будет счастье, и Астрахань вскоре соединится…

Однако не все радовало. Беседуя с гонцами, Булавин выяснил, что еще прежде их послан был Некрасовым из Царицына племянник Левка… Куда же он девался? Булавин любил Левку и сильно встревожился. Он послал во все стороны конных и пеших разведчиков, но все поиски оказались тщетными. Булавин терялся в мрачных догадках.

И лишь случайно спустя несколько дней из перехваченного казаками донесения азовского губернатора узнал о судьбе племянника. Толстой писал царю:

«Сего Государь июня в десятый день посланные мои поймали родного племянника вора Кондрашки Булавина Левку Акимова сына Булавина, который послан от него Кондрашки из Черкасского с вором Игнаткой Некрасовым на Хопер… И с ним Игнаткой да Лунькой Хохлачем для воровства был на Камышенке и у Саратова, и ехал от них с ведомостью в Черкасской к дяде своему Кондрашке. И ныне он Левка держится в Троецком за крепким караулом».

II

Булавин, вероятно, так никогда и не узнал, какой громовой отзвук по всей стране дало поднятое им восстание, с какой лютой злобой произносилось его имя боярами, царедворцами, помещиками и с какой любовью и надеждой шептали это же имя обездоленные люди. Но до сих пор хранятся в архивах сотни пожелтевших от времени всяческих воеводских доношений, отписок и показаний, свидетельствующих о размахе булавинского движения в грозное лето тысяча семьсот восьмого года.

Заглянем же в эти бумаги…

Под Воронежем у помещика Веневитинова крестьяне самовольно рубят лес, а работать в поле и платить оброк отказываются. Веневитинов едет в Воронеж, слезно просит воеводу Колычева прислать в имение солдат и наказать ослушников, дабы «впредь никакой скверны и воровского поползновения не было». Воевода отпустил нескольких солдат. Веневитинов начинает расправу. Крестьян хватают, беспощадно порют, но они упорно повиниться не желают и угрожают:

— Будут-де скоро в здешних местах казаки от Булавина, всех вас мучителей жестокосердных переведут.

Как только солдаты из имения ушли, крестьяне подожгли господскую усадьбу. А четверо зачинщиков на другой день убежали неизвестно куда.

Под Тамбовом, как сообщает воевода, продолжается «всенародное возмущение и разорение здешнего края». Государевы лесные работы не производятся, ратные люди разбежались. Большая часть вотчин разгромлена. Близ самого города стоят воровские казаки и калмыки. В лесах и оврагах таятся шайки вольных гулящих людей. Дворянам и дьякам носа нельзя показать на больших дорогах. «Служилые из городов всяких чинов люди, укрываясь от службы и податей, и волостные и монастырские и помещичьи крестьяне, отбывая тягл и платежей и помещиков, живут самовластно». Провианта в городах нет. Сбор податей прекратился. Жалованье солдатам и чиновникам платить нечем.

Воевода Волконский не выдержал и в письмах к своему покровителю Меншикову запросился на военную службу:

«Умилосердись государь светлейший князь, прикажи мне быть в армии… Еще прошу вашей княжой милости, чтоб на мое место прислан был иной, кому ведать города Козлов и Тамбов. Все мне счисляют превеликое богатство с оных городов, а я уже четыре года судом и расправою не ведаю, и ведать их мне неколи за отправлением врученных мне дел. Умилися государь светлейший князь на мою убогую просьбишку и не остави меня в своей милости».

А Мценский воевода жалобно повествует, как он сам чуть не погиб от врагов. Ездил он, воевода, «высылать дворян на Государеву службу против вора Кондрашки Булавина» и, возвращаясь домой по белевской дороге, наехал на большой крестьянский обоз, состоявший из многих подвод, а «на тех подводах женский пол со всей рухлядью».

Воевода полюбопытствовал: что-де за люди, куда и по какой надобности они направляются? Ему сказали: боярские крестьяне, а бегут-де они от непереносимой тяжелой жизни в украинские города.

Тогда он, воевода, «тех беглецов служилым людям велел взять в Мценск к приказной избе, для того, что не явили проездных писем, куда и зачем едут».

Служилые люди пригнали обоз с беглецами в Мценск. Там, у приказной избы, окружили их посадские люди во главе с бурмистром, начали спрашивать и открыто жалеть бедных мужиков и плачущих баб.

Когда подъехавший воевода строгим голосом приказал посадским людям расходиться, они его не послушались и закричали:

— Ты зачем, кровопийца, безвинных людей терзаешь?

После этого бурмистр с посадскими набросились на.

служилых, всех перевязали, посадили в подвал на цепь.

А беглецов отпустили. А его, воеводу, стащили с лошади, и за бороду таскали и «били смертным боем». И он едва жив дополз до дома.

Особенно сильно огни мятежа разгорались на Волге. Слух о взятии булавинцами Камышина и Царицына всколыхнул волжскую голытьбу. По всей великой реке «дети вселукавого диавола», как называет булавинцев астраханский воевода, прекращают свободный проезд. В приволжских селах и деревнях появляются отряды повстанцев.

Жители Нижнего Новгорода, идя майским утром мимо Дмитриевских ворот, заметили сделанную мелом надпись: «Быть бунту». Подобные воровские надписи были обнаружены в кремле, у стрелецкого головы на огородном заборе и во многих других местах. Вскоре под городом стали собираться ватажки вольных гулящих людей. Они численно увеличиваются и смелеют с каждым днем. Балахнинский земских дел бурмистр Ларион Гусельников доносит в приказ:

«Меж городов Балахной и Нижним, и ниже и вверх по реке по обе стороны, на помещиковых, вотчинниковых и монастырских землях, стоят воры разбойники многими станами человек по двадцать и тридцать, по пятьдесят и больше, с ружьем и в лодках и на лошадях, и струги останавливают, разбивают, и грабят посадских торговых людей и кормщиков, и в Волгу сажают, и проезда не стало, торги и работы остановились».

Нижегородский воевода Леонтьев подтверждает: «От воровских людей в трех верстах проезду нет… Вор Ганька Старченок по ведомостям с десятью тысячами ходит, со знаменами и с барабанами, и он казнит и четвертует, и приказывает, что будет в Нижнем и распустит тюрьмы».

Повстанцы Ганьки Старченка успешно действуют на обширной территории. Они появляются и на Ветлуге и на Унже, где «приказную избу разбили и многие дела в приказной избе порвали, денежную казну взяли и из тюрьмы колодников распустили».

Повстанцы стоят «множеством станов между Кинешмой и Юрьевцом, в Тверском, Костромском и Галичском уездах. Муромский воевода Панин доносит в приказ, что «воровские люди собрався многолюдством разбили в Муромском уезде монастырь Бориса и Глеба и архимандрита били и без остатка пограбили, а ныне стоят те воры на Оке реке близ Мурома в пяти верстах и захватили все дороги».

Бушует пламя крестьянского восстания вокруг Пензы. Вооруженные топорами и вилами повстанцы берут города

Верхний Ломов, Мокшанск и Чембар.

Булавинцы пробираются к башкирам и татарам, чувашам, марийцам и вотякам, подстрекая их к бунту. Недавно жестоко усмиренные царскими войсками башкиры вновь поднимаются, захватывают Хлыновский уезд. А задержанный татарин Телесбот показывает, что «их в собрании многое число и согласие имеют е казаками и каракалпаками и с донскими воровскими людьми и с кубанцами, и положено-де на том, чтобы друг друга не выдавать и всем быть заодно».

Смута перекинулась на Смоленщину. Помещик Корсак от имени всей шляхты смоленской жалуется канцлеру Головкину на массовое бегство в сторону Брянска их крепостных крестьян, которые при этом «разоряют их помещичьи дворы, животы, грабят, и людей бьют до смерти». Канцлер Головкин велел смоленскому воеводе сыскать тех беглецов и возвратить владельцам. Но из этого ничего не вышло. Посланные воеводой солдаты натолкнулись на упорное сопротивление беглых. Извещая об этом царя Петра, канцлер Головкин пишет:

«По ведомости от воеводы бегут из Вяземского и из иных уездов от разных помещиков крестьяне с женами и с детьми и с пожитками своими, с пищалями и с рогатинами, большими станицами человек по сто, по двести, по триста, по пятьсот и больше, поднявся целыми селами и деревнями, и через Дорогобужский уезд идучи чинят великое разорение, и по селам и деревням крестьян с собой же подговаривают, и многие к ним пристают. А которые помещики и их люди за теми беглецами гонятся в погоню, и по них стреляют из ружья и бьют до смерти… Опасаясь, дабы из того не выросло какого дурна, рассудили мы за благо к смоленскому воеводе писать, дабы он для поимки помянутых беглых крестьян послал еще к прежним в прибавку солдат с ружьем, тако ж и шляхты и рейтар конных с добрыми офицерами. А которые из них беглецов будут им борониться ружьем, тех бы, переимав, во страх иным вешали по дороге. Тако ж, чтоб по всем городам и в уездах у церквей прибили указы под смертным страхом, дабы никто впредь из крестьян таких побегов и противности помещикам своим чинить не дерзал».

Не помогли и эти строгости. Бегство крестьян продолжается. И во многих западных уездах на месте недавно оживленных сел и деревень образовались пустоши; из разросшихся лопухов и крапивы торчали, словно после пожара, одни лишь остовы закопченных печей.

Украина дышала мятежами и смутой… Об этом красноречиво поведал в письме к Меншикову сам украинский гетман Иван Степанович Мазепа:

«Тут в Украине внутренний огонь бунтовничий от гультяев пьяниц и мужиков во всех полках начал разгораться… Всюду в городах великими купами с киями и с ружьем ходят, арендаторов бьют до смерти, вино насильно забирают и выпивают; в Лубнах арендаря и ктитора убили до смерти; в Мглине сотника тамошнего казаки изрубили и спицами покололи; с Сотницы сын обозного моего войскового генерального насилу с женою своею уходом спаслись; в Гадяче на замок тамошний наступали, хотя добро мое там разграбить и господаря убить… в простом и малодушном народе Мятеж и роптание, а между гультяев своевольство, ибо опасность и в том великая, что два предводителя гультяйские, один Перебежный, другой Молодец, прибравши к себе своевольных, и больше великороссийских людей донцов две тысячи, по берегам Днепра и в полях шатаются, и людей разбивают…»

Шведский король Карл XII был превосходно осведомлен о народном волнении на Дону и на Украине. Считая себя освободителем русского и украинского народов от царской тирании, Карл, подготовляя план вторжения, возлагал немалые надежды на помощь вольнолюбивого казачества. Русский посланник в Голландии Андрей Матвеев доносил царю Петру:

«Из секрета здешнего шведского министра сообщено мне от друзей, что Швед, усмотря осторожность царских войск и невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял намерение идти в Украйну, во-первых, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами не имеет; во-вторых, Швед надеется в вольном казацком народе собрать много людей, которые проводят его прямыми и безопасными дорогами к Москве».

Шведский король в своих расчетах ошибся. Как только шведские войска перешли украинский рубеж, вольный казацкий народ, бунтовавший против своих отечественных угнетателей, не только отказался от помощи шведам, но, собираясь в охотные партизанские отряды, стал беспощадно истреблять чужеземцев-захватчиков.

Царь Петр тоже вначале с тревогой думал о том, что вольный казацкий народ может соединиться с неприятелем, и был приятно удивлен, увидев, с каким мужеством этот народ защищает свою отчизну от шведов.

«Малороссийский народ, — писал Петр адмиралу Апраксину, — так твердо стоит, как больше нельзя от них требовать. Король посылает прелестные письма, но сей народ неизменно пребывает в верности, а письма королевские нам

приносит».

III

Азовский губернатор еще в первых числах июня доносил вышнему командиру князю Долгорукому:

«Вор Кондрашка Булавин прислал ко мне из Черкасского в Азов отписку свою за войсковой печатью, в которой пишет с грозами, открыв явно свое воровское намерение, что хочет Азов и Троицкой добывать. И послали они войском вверх по Дону и по всем рекам в свои казачьи городки, чтоб для того съезжалось войско в Черкасской, и велели собрать по семи человек с десятка. И войско-де уже в Собрании у него есть, а со всех рек будут-де к ним в Черкасской вскоре. А собрався, конечно, хочет идти войною к Азову и Троицкому. А меня и азовских и троицких офицеров хочет побить до смерти, и иные многие похвальные слова пишет с великими грозами… И сего ради к Азову и к Троицкому изволь ваша милость с полками поспешить в скорых числах, чтобы тот вор с единомышленниками своими какого бедства не учинил».

Вышний командир, как известно, на тревожное донесение губернатора внимания не обратил и к Азову не пошел, сославшись на царское указание «над казаками ничего не делать».

Но и тревога азовского губернатора была сильно преувеличена. Булавин в письме, о котором идет речь, требовал возвращения отогнанного в Азов войскового конского табуна и выдачи Васьки Фролова. О том, будто в Черкасске «войско уже в собрании», губернатор присочинил от себя, он превосходно знал, что походное войско еще не собиралось и при Кондратии Булавине находится «единомышленников его человек пятьсот или немногим больше».

Вопрос о сборе войска для азовского похода был весьма сложным. Булавин несколько раз обсуждал этот вопрос со своими старшинами и ничего не добился.

Азов представлял постоянную угрозу для донского казачества. Азов закрывал выход в море и сдерживал всякое проявление столь любимой казаками самостоятельности. В Азове, наконец, находили убежище все недруги, подготовлявшие тайные козни против возглавляемой Булавиным донской власти. Отгон войсковых лошадей, задержка имущества казненных старшин, запугивание казаков всякими лживыми слухами и, наконец, похищение Левки — все это совершалось по указанию азовского губернатора. Азов надо было взять. И войсковая старшина

соглашалась с этим, однако, опасаясь нового притока голытьбы, настаивала на том, чтоб войско собиралось не добровольное, охотное, а версталось в станицах из одних казаков.

Булавин понимал, что осуществить подобное решение немыслимо. Старожилые казаки хотя и продолжали еще поддерживать его, однако не очень-то хотели браться за оружие, а голутвенный люд, проведав о оборе Булавиным походного войска, все равно хлынет в Черкасск.

Чтоб проверить готовность казаков к походу, Булавин созвал в середине июня войсковой круг. Низовые станичники, как он и ожидал, держались уклончиво. Одни говорили, чтоб «под Азов не ходить, а дожидаться бы сверху казаков, для того что-де в Черкасском их малолюдно»; другие прямо заявляли, что сейчас наступила пора сенокоса и «лучше б он, Булавин, отпустил их сено косить».

Между тем из перехваченного письма азовского губернатора Булавин узнал, будто сам царь Петр едет на Дон, и со взятием Азова медлить было нельзя.

Невзирая на возражения старшин, Кондратий Афанасьевич решается собирать охотное походное войско. Посылая в станицы войсковые грамоты о верстке казаков, он словесно наказывает с посыльными, что могут приходить и все желающие. В Черкасск с верховых городков, вместе с небольшими отрядами казаков, начали прибывать толпы голутвенных[26].

Булавин вновь, как в Пристанском городке, принимает энергичные меры, чтобы накормить, одеть, вооружить и подготовить к походу всех охотников. Посланный им в Донецкий городок казак Борис Яковлев забирает весь находившийся там государев хлебный запас и водным путем, на будурах и стругах, отправляет хлеб в Черкасск. Одновременно Яковлев вывозит из Донецкого городка принадлежавшие Воронежскому адмиралтейству шесть пушек и ядра. В Паньшином по приказу Булавина готовят муку, которую тоже отправляют в низовые донские станицы. С кубанскими казаками Булавин договаривается о продаже для донского войска двух тысяч лошадей, и вскоре первый табун из пятисот коней кубанцы пригоняют в Черкасск.

Но… времена изменились. Среди казаков нет уже того общего согласия, которое существовало весной. Тогда все окружавшие Кондратия Афанасьевича люди верили в него и в успех затеваемого им дела, и во всем высказывали сочувствие, и никто при встречах с ним не отводил в сторону глаз, как делали это теперь многие казаки. Тогда на всех лицах отражалась радостная взволнованность, а теперь даже на лицах своих старшин

Кондратий Афанасьевич замечал порой недовольство и плохо скрытое глухое раздражение. И он все более и более убеждался, что донское понизовое казачество, к которому сам принадлежал и для благополучия которого не щадил ни своих сил, ни жизни, — это самое казачество, за исключением старожилых и главным образом из верховых городков, — относится теперь к нему с затаенной враждебностью.

Как-то поздним вечером возвратившись из Рыковской станицы, Кондратий Афанасьевич застал дочь Галю в слезах.

— Что с тобой, донька, кто тебя обидел? — спросил он, сдвигая густые брови.

Галя долго говорить ничего не хотела, но в конце концов отец заставил ее признаться. Она была с подругами на станичной гулянке, и казачата, подходя к ним, говорили ей всякие гадости, а потом одна из подруг сказала, чтоб она гулять вечерами опасалась, казачата хотят ее обесчестить, высечь крапивой. И не за какую-нибудь ее виновность, а за то, что она дочь бунтовщика, напустившего в низовые станицы гультяев, воров и бродяг.

Булавину было ясно, кто старается опорочить и донять его любыми подлыми средствами. Это все те же недавние его приятели природные, а не пришлые казаки. И он, сдерживая в груди закипавшую от обиды и гнева ярость, произнес глухим голосом:

— Презренные, трусливые рабы… Привыкли к царской кости, готовы за нее и горло друг другу перегрызть и с вольностью своей расстаться…

Галя смотрела на отца широко открытыми влажными глазами, и на щеках ее вновь заиграл румянец, и губы ее шевелились, словно она повторяла вслед за отцом такие непривычные для уха и такие доходчивые до сердца слова.

Потом она, вскинув руки, ласково обняла отца и промолвила:

— Тятя, родный, ты помнишь… ты сам обещал… подарить мне кинжал… Я хочу, чтоб он был при мне. Пусть тогда посмеют тронуть!

И столько силы и справедливого гнева и гордой уверенности в себе было в голосе дочери, что Кондратий Афанасьевич ей не отказал. Он молча поцеловал ее в лоб, пошел в свою комнату, снял висевший на стене кинжал работы искусных персидских мастеров и, возвратившись, протянул дочери:

— Без нужды никому, однако, не показывай, донька… Береженого бог бережет.

Галя взяла кинжал, благодарно улыбнулась отцу и вдруг озорно тряхнула головой:

— Я ж не маленькая, тятя… За меня не бойся!

…Булавин отдалялся от казачества. Войсковой совет созывать перестал, надобности в старшинах не видел. Только с Ильей Григорьевичем Зерщиковым по-прежнему водился, да еще с рыковскими… Те прямодушней всех держались и говорили, как думали:

— Связал нас бог с тобой одной веревочкой, Кондратий Афанасьевич, куда ты — туда и мы, хоть воевать, хоть на Кубань бежать… Телеги-то у нас, изволь ведать, в готовности.

Зато все чаще проводил время Булавин с подходившими беспрерывно голутвенными вольными людьми, сам обучал их военным приемам, запросто беседовал с ними в станичных избах и у костров. И, приглядываясь, отличал многих, которые пришли не гулять и шарпальничать, а защищать и утверждать дорогую им вольность. Больше десяти человек из них взял Кондратий Афанасьевич в свою охрану, хотя и заворчали есаулы Степан Ананьин и Карп Казанкин:

— Аль мы, казаки, плохо тебе служим и от ворогов не остерегаем?

Булавин есаулов успокоил:

— Худо разве, ежели больше верных вокруг меня будет?

И теперь, когда сообщали Булавину о столкновениях пришлой голытьбы с домовитыми, он по большей части пропускал эти сообщения мимо ушей. «Не убудет у них, — думал зло о казаках, — коли и поживятся чем вольные».

Поймали гультяи на станичном выгоне кабана и зарезали. А кабан принадлежал домовитому черкасскому казаку. По его жалобе Зерщиков взял троих виновных под стражу. Булавин велел отпустить:

— У казаков кабанятина не в диковину, Илья Григорьич, а бедному человеку где взять? Пускай хоть раз свежим мясцом разговеются…

И все же Булавин отдавал себе отчет, что без поддержки природного казачества он может оказаться в безвыходном положении. Голытьба готова жертвовать жизнью за вольность, но военного опыта не имела, главную боевую силу походного войска составляли конные казачьи полки.

Видя, что донские казаки уклоняются от службы, Булавин посылает несколько грамот кубанцам и запорожцам, приглашая их на службу и обещая ежемесячно выплачивать денежное жалованье, соблазняет «прелестными» письмами солдат слободских полков и азовского гарнизона, продолжает упорно выискивать военных союзников…[27]

Однажды Зерщиков, зайдя под вечер к войсковому атаману, положил перед ним какую-то бумагу и сказал:

— Глянь, Кондратий Афанасьич, какую грамоту занятную запорожцы доставили.

Булавин начал читать и с первых строк догадался, что перед ним так называемый «манифест» шведского короля Карла. Обращаясь к украинским и донским казакам, король скорбел над их несчастной участью быть рабами царя и бояр и сообщал, что вскоре намерен освободить любезных ему казаков от тяжкого ига московского.

Высказывая надежду на помощь казачества, король предлагал устанавливать с ним тайные сношения, дабы объединить усилия всех, кому дороги отторгнутые царем старинные привилегии и вольности.

— Ну, что скажешь? Стоит веру тому давать, о чем в бумаге написано? — спросил нетерпеливо Зерщиков, когда Булавин закончил чтение.

— А чему тут верить? — Булавин пожал плечами. — Королю свейскому желается на свою сторону казаков перетянуть, вот и сулит златые горы…

— Однако ж запорожцы инако мыслят, — возразил Зерщиков. — На ихних радах, сказывают, крик неуемный, чтоб посыльщиков к шведам отправить… И кошевой якобы заколебался…

— Не диво. Гордеенко ростом высок, в плечах широк, а умом некрепок. Мне на масляной неделе чего только ни гутарил, чем ни похвалялся, а все пустой брехней оборотилось.

Зерщиков, привычно поправляя бороду, вставил:

— Да ведь не одни запорожцы… слушок есть, будто и сам гетман Иван Степанович Мазепа не прочь королевскую протекцию признать…

Булавина и это известие ничуть не смутило, отозвался спокойно:

— А коли и так? Гетман первый пан на Украине, и злыдень, каких на свете мало, нам с ним никогда по пути не будет… А королевская протекция чем для нас краше царской? Нет, Илья Григорьич, ни царю, ни королю, ни панам вольность народная вовек любезной не станет…

— Все же, чаю, король-то подмогу какую ни на есть оказал бы нам, — продолжал Зерщиков. — И пробраться к нему не трудно… Смотри сам, а я послал бы казака разумного проведать, чего доброго от шведа ожидать нам можно.

Булавин покачал головой:

— Нельзя того чинить, дабы потом в народе не разгласили, будто мы заодно с чужеземцами и нехристями.

Зерщиков усмехнулся, заметил:

— Они ж, как и мы, против царского величества воюют… выходит, заодно нам и быть…

Булавин сердито перебил:

— Рехнулся, что ли, Илья Григорьич? Мы свою стародавнюю, донскую, кровью казацкой политую землю и вольности от царского покушения оберегаем и с русскими и украинскими людьми в единомыслии против князей и бояр стоим… А шведы не царя и бояр, а Русь воевать идут. Хотят господами тут учиниться, потуже на мужицкой шее хомут затянуть, от веры истинной отвращать станут и в кирки поганые погонят… Не ведаю, пропустят ли шведов через русские рубежи, но ежели так случится, готов душу заложить, не сладко здесь чужеземцам придется от казаков и селян…[28]

Зерщиков, скрывая недовольство, промолвил:

— На все воля божья, загадывать нечего, Кондратий Афанасьич… А я, признаться, думал, рад будешь грамотке шведской, дела-то наши таковы, что любая помощь впору.

— Этакой помощи я не хочу! — горячо возразил Булавин. — Совести своей пятнать не буду, Илья Григорьич. Врагов Руси на Русь не позову!

На другой день из Черкасска поскакали гонцы к атаманам Игнату Некрасову и Семену Драному. Предлагал им войсковой атаман, чтоб они, не мешкая, шли к нему на помощь с лучшими конными сотнями.

Может показаться странным, зачем Зерщикову понадобилось толкать Булавина на сговор со шведами? И это необходимо пояснить.

Азовский губернатор, опасаясь нападения булавинцев, неустанно напоминал царю, что «надобно с полками к Азову поспешать понеже оный вор Кондрашка Булавин наговаривает казаков идти к Азову и Троецкому войною». А в то же самое время князь Долгорукий уверял царя, что при Булавине всего несколько сотен казаков и «с такими малыми людьми идти ему под Азов невозможно».

Петр, получая столь разноречивые донесения, морщился от досады. Кому верить? Вероятней всего, что Толстой опасность преувеличивает, а Долгорукий преуменьшает. И письма оставались без ответа.

Тогда азовский губернатор решил воздействовать на царя иным способом. Зная, что Петр более всего тревожится о том, как бы Булавин не сговорился о совместных действиях с турками и шведами, Толстой усиливает эту тревогу царя своими подозрениями.

Довольно веским доказательством в его руках было перехваченное письмо Булавина к кубанским казакам, где говорилось, что в случае, если царь станет утеснять донских казаков, они уйдут на Кубань и будут просить, чтоб «турский царь нас от себя не отринул».

Петр, получив это письмо, поручает русскому послу в Константинополе Петру Андреевичу Толстому, — брату азовского губернатора, — тайно разведать «не будет ли от Булавина какой к Порте подсылки».

Петр Толстой вскоре ответил:

«О бунтовщике воре Булавине буду здесь смотреть прилежно, и если оная либерия вскоре не пресечется, боюсь, чтоб не задалась какая трудность, потому что турки об этом знают и радуются; впрочем явно ничего не предпринимают в пользу бунтовщиков, и от воров явных присылок сюда нет».

Но подозрения сохраняются… По распоряжению царя Петра захваченных булавинцев с пристрастием, пытая на огне, допрашивают о том, что им известно о «подсылках Булавина к туркам и шведам». Пытаемые показывают, что «о тех подсылках» они ничего не слыхали.

И несомненно, если б царь Петр имел хоть какое-нибудь доказательство о сговоре Булавина с турками и тем более со стоящими на рубежах шведами, он не отказался бы от намерения ехать на Дон, чтоб убыстрить разгром булавинцев и «себя от таких оглядок вольными в сей войне сочинить».

А губернатор азовский между тем продолжал оставаться в уверенности, что Булавин сговаривается не только с турками, но и со шведами. Королевские «манифесты» и «подметные письма» распространялись на Украине, и бежавшие из Черкасска казаки подтверждали, что являвшиеся на службу к Булавину запорожцы «о неприятельском прельщении сказывали». Толстой полагал, что Булавин непременно соблазнится королевскими обещаниями, не преминет войти в тайные сношения со шведами. А уж как кстати бы добыть знаки этого злого Кондрашкина умысла! Царь Петр в этом случае минуты не стал бы медлить, чтоб начисто огнем и кровью смирить мятежников и покончить с донской либерией.

Азовский губернатор вытребовал для тайного свидания давно и верно ему служившего булавинского есаула Тимофея Соколова. Тот поведал подробно, как недовольство донского природного казачества Кондратием Булавиным привело к созданию заговора против него.

Заговор возглавляли «знатные старики» во главе с наказным атаманом Зерщиковым. Желая заслужить прощение за участие в воровских замыслах и надеясь на милость великого государя,

заговорщики ждали первого удобного случая, чтоб схватить и выдать вора Кондрашку. Но сделать это было не так-то просто. Булавин в последнее время стал осторожен, и охрана, усиленная избранными им голутвенными, оберегает атамана зорко и неподкупно. А в станице Рыковской, где живут его братья и где он часто бывает, казаки «с ним заедино и от воровства отставать не хотят». Тем не менее заговорщики продолжают укрепляться и, уповая на помощь божию, надеются тот замысел свой вскоре исполнить.

Толстой, выслушав Соколова и одобрив действия заговорщиков, спросил:

— А ведомо ли тебе, есаул, о склонности вора Кондрашки к соединению со шведами? И какие пересылки он с неприятелем чинит?

Соколов такого вопроса не ожидал. Булавин никакого разговора о соединении со шведами никогда не поднимал, но не зря же намекает на это губернатор, может, он что-то узнал от других своих лазутчиков? Соколов, не желая признаваться в плохой осведомленности, от прямого ответа уклонился:

— Ныне, ваша милость, вор всех остерегается и пересылки тайно вершит…

Толстой чуть поморщился, перебил:

— А кто ж ему в сих делах помогает? Наказного-то атамана, чаю, вор не таится?

— Илья Григорьич пока из веры у него не вышел, — подтвердил Соколов.

— Так ты бы его попытал о шведах-то… Нужда первейшая о том проведать.

— Догадки не хватило, ваша милость, — признался Соколов, сообразив, наконец, что губернатор ничего не знает и лишь подозревает Булавина в сношениях со шведами.

— А того лучше, — продолжал Толстой, — кабы явно вора Кондрашку уличить, посыльщика его схватить, аль письмо к шведам перенять… Зерщикову объяви, что сия услуга государем забвенна не будет.

Соколов, возвратившись в Черкасск, не замедлил уведомить наказного о желании губернатора.

IV

Кончался июнь месяц. В Царицыне на сторожевой башне по-прежнему развевалось и пламенело водруженное булавинцами

знамя. Город управлялся по казацким обычаям атаманами Игнатом Некрасовым и Иваном Павловым. Конные и пешие дозоры сторожили Волгу, не пропускали ни вверх, ни вниз ни одного струга с военными и продовольственными припасами. Каждый день бушевали казачьи круги, все громче слышались крики:

— Возьмем пушки, пойдем в Астрахань, пойдем на море Хвалынское!

Астраханский губернатор Апраксин, «не терпя от скверных такого досадительства», заболел медвежьей болезнью, хотя Меншиков, узнав об этом печальном случае, высказал иную подозреваемую им причину болезни:

— Обделался со страху астраханский байбак…

Потеряв под Царицыном лучший солдатский полк Бернера и опасаясь нашествия на Астрахань «злодейственного сонмища Булавина», губернатор слезно умолял царя о присылке войска для защиты города. И только когда подошли наконец-то Казанский и Смоленский пехотные полки, Апраксин начал приходить в чувство. Но его ожидала новая неприятность.

Воевода Петр Иванович Хованский, жестокий усмиритель бунтовавших башкир, получив приказ очистить от воров Камышин и Царицын, стал ссылаться на «ненадежность солдат» и царю Петру написал:

«Прошу, государь, дабы указ был послан к господину Апраксину о присылке ко мне на перемену двух полков, Смоленского да Казанского, а вместо того отправлю я от себя в Астрахань два полка, которые мне ненадежны. Так же бы драгун, которые есть в Астрахани, и дворян и детей боярских и мурз и табунных голов и татар выслать ко мне в полк, а они мне нужны».

Апраксин, проведав об этом, взбеленился. Он много лет враждовал с Хованским и в его просьбе усмотрел «великое для себя бесчестие».

— Как? Хованский умышляет мои войска забрать, а взамен своих ненадежных отправить? Не бывать сему вовеки!

Апраксин жалуется на Хованского брату-адмиралу, тот близок к царю и в обиду единокровного своего не даст.

Хованский стоит под Казанью. Воевода похваляется, очистив от воров Волгу, идти в Черкасск и схватить Кондрашку Булавина и его советчиков, прежде чем вышний командир Долгорукий выступит из Валуек.

А в Царицыне тем временем была получена грамота Булавина. Атаманы Некрасов и Павлов, прочитав ее, призадумались. Кондратию Афанасьевичу для азовского похода, для боя с регулярными царскими полками требовалось стойкое,

имевшее военный опыт войско. Пришлую, плохо вооруженную голытьбу вести в Черкасск было бесполезно, там без того скопилось ее достаточно. Булавин сам писал, чтобы «пришлых всяких чинов людей с собой не имать».

А где же взять боеспособных воинов? Под начальством царицынских атаманов, помимо трех тысяч голытьбы, находились всего четыре казачьи конные сотни да тысяча обученных Павловым пеших, вооруженных ружьями и пищалями бурлаков.

Атаман Иван Павлов сказал:

— О конных казаках, Игнат, спорить нечего, все четыре сотни возьмешь с собой… И бурлаков я бы хоть половину с тобой отпустил, помогать Кондратию Афанасьевичу нужно, да, сам ведаешь, с казаками бурлаки не дюже ладят, пойдут ли они в Черкасск?

— Бурлаки и тут тебе будут надобны, — отозвался разумно Игнат Некрасов, — голутвенной вольницей не удержишь Царицына, коли ратные государевы люди осадят… Придется мне, видно, с одними казаками идти.

— Мало казаков-то, вот беда! — вздохнул Павлов. — Не такой помощи ждет от нас войсковой атаман.

— Дойду до Паньшина, а там обожду дней пять, из соседних донских станиц казачков пособираю, — сказал Некрасов. — А грамоту войсковую Луканьке Хохлачу в Камышин отошлем, пусть тоже помощь учинит, у него под рукой сотен пять конных казаков и камышинцев…

— Обдумал ладно, — одобрил Павлов. — Тут ихний подьячий камышинский, он грамоту и доставит…

«И атаман Некрасов с воровскими казаками с Царицына ушел на Дон, — показывал впоследствии очевидец, а то-де письмо, которое прислано с Дону, отдали камышенскому подьячему, который прислан был к ним на Царицын, и ту ведомость на Камышенку тот подьячей привез. И, собрався, воровские казаки в кругу то письмо прочли, и он-де Луканька атаман с воровскими казаками и с камышенскими жителями ушел на Дон же, а сколько-де пушек и пороху и иных каких припасов взяли, про то-де он подлинно не знает».

…После разгрома Сумского полка атаман Семен Драный, Сергей Беспалый и Никита Голый стали готовиться к нападению на самого вышнего командира.

Шпионы согласно доносили Долгорукому, что «воры хотят быть на князя под Валуйки». Замысел казался вполне осуществимым. Булавинскйе атаманы собрали около десяти тысяч верховых казаков и две тысячи запорожцев. И каждый день отовсюду прибывали голутвенные, привлеченные яркими,

доходчивыми призывами Никиты Голого:

«Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы, голотьва, вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтесь: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалование. А вы стольники и воеводы и всякие приказные люди и заказные головы не держите черни и по дорогам не хватайте, и пропускайте их к нам в донецкие города. А кто будет держать чернь и не пропускать, и тем людям будет смертная казнь»,

И кто знает, как могли сложиться дела донской Либерии, если б, используя численное превосходство, булавинцы внезапно обрушились на Валуйки?

Однако время было упущено. Слободские полки бригадира Федора Шидловского начали теснить булавинцев на Донце. Стародавний ненавистник Булавина и донского казачества бригадир Шидловский зарился на богатейшие донецкие угодья и бахмутские соляные промыслы, хотел навсегда изгнать из этих мест казаков и поэтому отличался особой беспощадностью.

Булавинцы, понимая намерение Шидловского, упорно сопротивлялись и хотели во что бы то ни стало схватить бригадира.

Подъезжая к Тору и Маякам, где сидели полчане Шидловского, булавинцы кричали:

— Эй вы, удалые головы! Выдавайте вора Федьку Шидловского, иначе всех вырежем, как в Сумском полку!

А изюмский сотник Осипов доносил бригадиру, что булавинцы, собрав круг в Бахмуте, «паче всего великие похвалки чинят на вашу панскую милость, чего боже им да не поможи, як бы ухватить хотя на дороге, где, или разбоем, или каким-нибудь фортелем».

В конце июня ожесточенные местные бои со слободскими полками развернулись в районе Бахмут — Маяки — Ямполь. На помощь Шидловекому подошел пехотный солдатский полк Ефима Гулица. Сдерживать натиск царских войск булавинцам становилось все труднее. Семен Драный писал Булавину, что «против тех полков стоять мочи его нет».

И как раз в это время приходит войсковая грамота. Кондратий Афанасьевич требует, чтоб лучшие конные казачьи сотни шли в Черкасск.

Семен Драный собрал своих атаманов и есаулов: Как нам по грамоте исполнить, браты? Чем пособить войсковому атаману?

Ответить на эти вопросы было не легко. Все понимали, что без крайней нужды не вызывал бы казаков войсковой атаман и пособить ему необходимо, но что же можно сделать в тех тяжелых

условиях, которые сложились на Донце?

Булавинцы стояли под Бахмутом. В непосредственной близости находились Ахтырский, Полтавский и Харьковский слободские конные полки, их поддерживала пехота Ефима Гулица. А из Валуек, как доносили разведчики, вот-вот должны выступить войска вышнего командира. И булавинцы еще не знали, что с Курска походным маршем идут к Изюму драгунский и пехотный боевые полки под начальством полковника Гаврилы Кропотова, который спешил соединиться с Шидловским.

Отступать булавинцы не могли: слободские полки, а затем и остальные царские войска двинутся следом. Да и как без боя отдать заклятым врагам на разорение донецкие верховые городки? Стоять же на занятых позициях, сдерживая натиск слободских полчан, более нельзя: подойдут царские войска, соединятся, тогда не избежать поражения. Надо было так или иначе что-то предпринимать.

Семену Драному и его товарищам ничего не оставалось, как попытаться ударить всеми силами на слободские полки, разбить их, и сделать это быстро. А вышний командир, узнав об этом, поворотит назад в Валуйки, не осмелился же он выйти оттуда, узнав о гибели Сумского полка. Таков был смелый замысел… И само собой разумелось, что только после удачного его выполнения можно будет послать в Черкасск конные донецкие казачьи полки.

30 июня, отправив часть войска под начальством Никиты Голого и, Беспалого на валуйскую дорогу сторожить вышнего командира, булавинцы во главе с Семеном Драным подступили к Тору и начали обстреливать из пушек этот укрепленный неприятельский городок.

1 июля Шидловский двинул на выручку осажденных слободские полки. Булавинцы начали поспешно отступать к Донцу в урочище Кривой Луки, устраиваться там с обозом и пушками в заранее облюбованных «самых крепких лесных местах».

2 июля под вечер слободские полки подошли к урочищу. Булавинские дозоры наблюдали из леса за каждым шагом противника. Потом неожиданно выкатили скрытые пушки. Окутывая местность густым пороховым дымом, загрохотали выстрелы. Ядра, направленные умелыми руками беглых пушкарей, разрывались в гуще слободских войск. Среди них произошло замешательство. Передовые сотни попятились назад.

И сейчас же понеслась на слободских полчан с гиканьем и свистом конная казачья лаза. А следом показалась пешая вольница. Коренастый угрюмый атаман Тихон Белгородец вел в

бой работных людей и бурлаков. Бахмутский солевар Тарас начальствовал над верховыми голутвенными. Беглый чернец Филимошка Подобедов, отличавшийся отчаянной храбростью, шел впереди собранной им, вооруженной топорами и вилами толпы крестьян.

Спустилась ночь. Взошла полная луна, На небольшой донецкой равнине у Кривой Луки кипела страшная сеча. Тысячи людей схватились грудь с грудью. Дрались саблями, копьями, ружейными прикладами и чем попало. Слышался невыразимый гул, лязг, скрежет, ржанье и храп лошадей, стоны людей.

Булавинцам на первых порах удалось потеснить слободских, но вступила в дело пехота полковника Гулица и, не выдержав солдатской атаки, булавинцы подались назад.

Семен Драный послал есаула Федора Задорного к стоявшим в засаде запорожцам.

— Ломят нас, атаман… Подсоба твоя нужна! — сказал есаул, подскакав к грузному и усатому запорожскому атаману Тихону Кардиаке.

— А чи ни рано, сынку? — спросил тот.

— Пора. Иначе совсем сбить могут.

Кардиака, покрутив усы, повернулся в седле, произнес отрывистую команду и, легко выхватив из ножен саблю, тронул шпорами коня.

Запорожцы врезались в охватку. Булавинцы приободрились. Но в это время с флангов вдруг ударили на них драгуны, а перед запорожцами, прорвавшими поредевшие шеренги пехоты Гулица, оказались новые плотные ряды солдат, которые встретили сечевиков дружными залпами мушкетов.

Произошло то, чего булавинцы не ожидали. Гаврила Кропотов успел соединиться с Шидловским. А последний, проведав о запорожской засаде, нарочно для такого случая приберег свежие, боевые кропотовские полки.

Теперь исход сражения быстро определился. Булавинцев сбили, смешали, стали теснить к лесу, где находился их обоз.

— Браты, браты, вольность свою продаете! — задыхаясь, кричал Семен Драный, пытаясь остановить отступающих казаков. — Опомнитесь! Не уступим слободским казацкую землю! Постоим за правду, браты!

Но тщетны были усилия, направленные к тому, чтоб остановить, привести в порядок разрозненное войско. Драгуны и солдаты наседали, рубили, кололи. Булавинцы бежали в лес, переправлялись через Донец. Семен Драный, видя полный разгром своего войска, с безумной отвагою и яростью бросился в бой и пал под ударами озверевших карателей.

К рассвету вся местность у Кривой Луки, и лесные дороги, и балки, и берега Донца были устланы трупами. Булавинцы, которым удалось спастись, присоединились к Никите Голому и Беспалому[29].

А запорожцев постигла жестокая участь. Они, отступив, заняли Бахмут, полагая отсидеться за деревянными его стенами. Они не знали, что бригадир Шидловский поклялся не оставить камня на камне от воровского гнезда, как именовал он ненавистный издавна Бахмут. Запорожцы не успели приготовиться к обороне, как подошли посланные Шидловским войска и с ходу овладели городком.

Шидловский в тот же день писал вышнему командиру:

«Бахмут выжгли и разорили, и посланные наши возвратились в целости. В том воровском собрании было запорожцев полторы тысячи человек. Есть нам что и не без греха, сдавались они нам, еднак в тому гаму нам не донесено, восприяли по начинанию своему».

V

Более всего черкасским заговорщикам досаждала булавинская охрана. Зерщикову удалось соблазнить, вовлечь в заговор есаулов Степана Ананьина и Карпа Казанкина и еще нескольких охранников из низовых зажиточных казаков, однако большая часть охранников, подобранных самим Булавиным, была, безусловно, преданна ему и неподкупна. И они не только оберегали Кондратия Афанасьевича от возможных покушений, но по его приказу следили за всем, что делалось в Черкасске и ближних станицах. По их доносам были высланы в верховые городки многие казаки, кто неодобрительно отзывался о войсковом атамане, и, легко могло случиться, охранники добрались бы до заговорщиков.

Булавин, если не знал, то, вероятно, подозревал существование тайного заговора, стал чрезмерно осторожен, готов был дать веру любому намеку на неблагонадежность того или иного станичника. Недавно один из подгулявших охранников болтнул, будто атаману «все недруги тайные ведомы и будет им в скорых числах казнь».

Зерщикова начал одолевать страх. С каждым днем становилось все трудней сочетать обязанности наказного атамана с опасными заговорщицкими делами. Необходимо действовать, иначе можно потерять голову.

Зерщиков созвал наиболее видных заговорщиков, среди которых находились старшины Василий Поз-деев, Петр Турченин и Иван Юдушкин, Тимофей Соколов, и Степан Ананьин, и Карп Казанкин.

Иван Юдушкин, высокий, тощий и лысый казак, сказал:

— Ныне в Черкасском ради воровского похода на Азов тысячи за три голытьбы отовсюду прибилось, и ежели умысел наш против Кондрашки откроется, та голытьба нас побьет…

Василий Поздеев, возвращенный недавно по просьбе Зерщикова из ссылки, добавил:

— Знатно бы ту бездомную голытьбу борзей под азовские пушки послать…

Петр Турченин, издавна недолюбливавший Поздеева, не удержался от ядовитого напоминания:

— Весной-то сам ты их кликал сюда, дорогу казал…

Зерщиков сурово перебил:

— Нечего старое ворошить. Не один Василий, все кругом виноваты. Да кто гадал о таком великом разорении и напастях казачеству?

— Впредь наука домовитым, — вздохнул Юдушкин, — не вяжись сапог с лаптем.

— Сие верно, — ухмыльнулся Тимофей Соколов, — только не о том гутарить мы собрались… Как наш умысел исполнить и вора схватить? — Он быстро всех оглядел и, чуть понизив голос, продолжал: — Мыслю я, казаки, нужно первей всего с тем войском походным под Азов послать поболее своих, дабы смуту учинить среди воров, когда ударят пушки… и в тот удобный час, собрався купно, все сотворить…

— Навряд промыслишь, — покачал головой Турченин. — В сумятице убить не трудно, а взять, как наказывал губернатор, Булавина живым… при многолюдстве воровском…

— На глазах у голытьбы ничего не сделаешь, — согласился Поздеев. — Вот кабы, отправив войско под Азов, задержать вора в Черкасске…

— Да чтобы в нужный час при нем советников поменьше было, — поддержал Юдушкин. — Этак-то верней всего!

Заговорщики еще долго спорят. Но в конце концов сходятся на том, что медлить более никак нельзя, надо воспользоваться предстоящим уходом войска под Азов. И лучше всего, если б удалось, как предложил Поздеев, задержать Булавина, окружить и схватить его ночью…

Зерщиков, проводив заговорщиков, долго не спит. Вся тяжесть подготовки нападения лежит на нем. Иначе и быть не может. Кто же, кроме наказного, сумеет удержать Булавина в

Черкасске? Или в нужное время ослабить охрану?

Зерщиков, чтоб подбодрить себя, старательно припоминает, как и чем панский ставленник Ивашка Выговский держался долгие годы при Богдане Хмельницком и каким образом донской атаман Корнила Яковлев ухитрился обмануть и схватить Степана Разина…

А все же страх не проходит. И на следующий день, входя к войсковому атаману, Илья Григорьевич чувствует поганую мелкую дрожь в коленях…

…Кондратий Афанасьевич Булавин собрал для азовского похода почти пятитысячное войско, но большую половину его составляла плохо обученная пешая вольница, голытьба, и поэтому Булавин не решался назначить выступления, ожидая воинской помощи от Семена Драного и Игната Некрасова.

Каждый день ожидания был, однако, чреват многими неприятностями. Вольница держалась на постое в Черкасске и ближних низовых станицах, столкновения голутвенных с домовитыми продолжались всюду. Глухое негодование казачества не утихало.

Рыковская станица представляла исключение. Сюда, ценя верность рыковских казаков, Булавин пришлых обычно не посылал. Но это обстоятельство вызывало в других станицах излишние нарекания, и, дабы избежать их, Булавин по совету Зерщикова поставил на этот раз и к рыковцам небольшую партию голутвенных. Кондратий Афанасьевич не знал при этом, что Зерщиков постарался отобрать для рыковцев наиболее буйных гультяев, которые сразу схватились со своими домовитыми хозяевами. Так возникло недовольство Булавиным и среди наиболее преданных ему казаков.

Брат Аким, у которого гультяи вытащили из амбара два чувала муки, при встрече с Кондратом сердито сказал:

— Ты уйми своих бездомовников, иначе мы их, проклятых, убивать станем.

Кондратий Афанасьевич возмутился:

— Да ты что, Аким, поганых грибов поел, что ли?

— А что ж нам делать остается? — отозвался Аким. — Горбами нашими нажитое тащат и в драку сами лезут… Я с тобой по-свойски гутарю, не доводи до греха станишников…

В то же время все громче начинали роптать, возможно не без подстрекательства тайных заговорщиков, казаки верховых городков, съехавшиеся на службу по войсковым грамотам:

— Для чего нас поверстали? Зачем сюда пригнали? Пора страдная, бабы наши на работах животы надрывают, а мы тут

бездельно проживаемся… Ежели в ближних днях похода не будет, все по домам разъедемся.

Булавин понимал, что подобные настроения среди казаков к добру не приведут, но с теми силами, какими располагал, идти под Азов вполне разумно опасался и со все возрастающим нетерпением ждал вестей от верных своих атаманов.

В конце июня с Донца прибыл показавший себя бездельным атаманом и потому отозванный братом Иван Булавин. Он сообщил, что Семен Драный с трудом сдерживает слободские войска, а из Валуек не сегодня-завтра выступят полки вышнего командира, поэтому на помощь донецких казаков нечего рассчитывать.

Положение осложнилось. Теперь оставалась лишь слабая надежда на Игната Некрасова. Однако, как это в жизни постоянно и случается, то, на что Булавин надеялся, не сбылось, а неожиданная подмога все-таки явилась. Из Сечи прибыл небольшой, хорошо вооруженный загон запорожцев под начальством атамана Беловода. А из Камышина с пятью конными сотнями подошел Лукьян Хохлач. Последнему Булавин особенно обрадовался. Хоть и своеволец и бахвал, а свой, преданный, храбрый атаман.

Узнав, как обстоят дела, Хохлач заявил:

— Некрасов в Паньшином казаков сбирает, в скорых числах его не ожидай, батько Кондратий… И дюже не печалуйся. Без него обойдемся. Я тебе Азов достану.

Самоуверенность Хохлача была такой подкупающе непосредственной, что Булавин не удержался от улыбки:

— Доставай… Не запамятуй только, что там пушек побольше, чем в Саратове…

Хохлача намек на недавнюю неудачу не смутил:

— Ты, батько, меня не дразни, а ставь над походным войском атаманом, увидишь, как услужу.

Булавин решил более не медлить.

Лукьян Хохлач принял под начальство всю пешую вольницу. Над казацкой Конницей по совету Зерщикова атаманом был назначен Карп Казанкин.

5 июля походное войско двинулось под Азов.

Сам Кондратий Афанасьевич хотел отправиться с войском, но в последнюю минуту охрана обнаружила подметное письмо. Доброжелательные казаки высказывали опасение, что тайные недруги, воспользовавшись отсутствием войскового атамана, завладеют низовыми станицами. Вероятно, Зерщиков, помимо письма, воздействовал и каким-либо иным способом. Булавин так или иначе остался в Черкасске.

Защита Азова подготовлена была слабо. Губернатор Толстой знал о сборах булавинцев, но не знал точно, куда прежде всего они пойдут: на Азов, или на Троицк, или на Таганрог? Поэтому держал почти равные по численности гарнизоны во всех трех крепостях. Азовский комендант стольник Степан Киреев располагал одним конным полком Николая Васильева, четырьмя солдатскими ротами и двумя-тремя сотнями бежавших от Булавина низовых казаков. Вся надежда возлагалась на артиллерию азовских фортов и на пушки нескольких военных кораблей, стоявших близ крепости.

Булавинцы, подойдя к речке Каланче, начали переправу. Стольник Степан Киреев, узнав об этом, приказал полковнику Васильеву со всей конницей «тех воров одержать и через Каланчу не перепустить, но за умножением тех воров сдержать их было невозможно».

Отбитая с большим уроном азовская конница возвратилась в крепость. Булавинцы спокойно перебрались через речку, ночевали на другом берегу против Азова.

На следующий день пешая вольница, оттеснив слабые гарнизонные заставы, подошла к Дону, заняв азовское предместье близ Делового двора, где находились огромные склады лесных припасов. Булавинцы намеревались пробраться отсюда в Матросскую и Плотничью слободы — там ожидали их и обещали им помощь корабельные работные люди, — а оттуда идти на приступ Петровского форта.

Полковник Васильев, разгадав «воровской умысел», опешил свою конницу и завязал бой с булавинцами, но вынужден был вскоре отойти, не сдержав напора вольницы. Азовский комендант послал на помощь полковнику последние солдатские роты. Против Делового двора вновь закипела трехчасовая битва.

Два военных корабля, приблизившись по Дону к месту сражения, стояли с наведенными жерлами орудий. Стрелять не решались из опасения побить своих.

Наконец булавинцы отступили, засев за Деловым двором и лесными складами, представлявшими превосходные оборонительные укрытия. Тотчас же загрохотала артиллерия Петровского и Алексеевского фортов, одновременно ударили пушки военных кораблей. Однако сбить булавинцев не удалось, особо чувствительного урона ядра не причиняли.

Всю тяжесть происходившего сражения приняла на себя пешая вольница и камышинцы, приведенные Хохлачом. А конные донские казаки под начальством Карпа Казанкина стояли несколько в стороне, в широкой балке, ожидая своего часа. Лукьян Хохлач и Карп Казанкин уговорились, чтобы, как только

стихнет артиллерийский обстрел, произвести совместными силами решительную атаку на войско полковника Васильева, заграждавшее путь в слободы, принудить азовцев к бегству, на их плечах ворваться в крепость.

Лукьян Хохлач, разумеется, не знал, что Карп Казанкин и большинство есаулов и сотников казацкой конницы принадлежат к тайным заговорщикам. Третьего дня Зерщиков, напутствуя Казанкина, сказал ему:

— От помоги ворам елико возможно уклоняйся, а за Луканькой гляди в оба… и лучше всего, ежели б случай выпал совсем его прибрать…

Когда пришло время, пешая вольница, сделав вылазку, снова схватилась с азовцами. Лукьян Хохлач видел, что силы противника заметно ослабели, и, не сомневаясь в удаче замысла, нетерпеливо поджидал казацкую конницу.

Но ожидание оказалось тщетным. Бой разгорался. Казаки не подходили. Посланные не возвращались. Лукьян Хохлач с тремя верными камышинцами поскакал к донцам, застав их на прежнем месте.

Коренастый, краснорожий Карп Казанкин сидел под лозиной среди своих есаулов. Казаки пили горилку, над чем-то потешались и, видимо, никуда не собирались.

Разъяренный Хохлач, круто осадив коня, крикнул:

— Вы що творите, чертовы сыны? Уговор забыли? Вольные второй час с азовскими бьются, кровью исходят…

— А ты чего орешь, пес бешеный? — перебил Казанкин, медленно поднимаясь и глядя на Хохлача мутными, недобрыми глазами. — Ты кто таков, чтоб природных казаков срамить?

— Того у природных казаков не водилось, чтоб в бою товарищей без подмоги оставлять! — горячо отозвался Хохлач.

Заговорщики вскочили, зашумели:

— А нам бездомовники и голодранцы не товарищи! Шарпальники, воры! Дьявол бы вас побрал вместе с Кондрашкой!

Хохлач, сообразив, что дело неладно, схватился за саблю:

— Зрадники… Гадюки ползучие…

В этот момент грянул выстрел. Конь вздыбился. Лукьян Хохлач, взмахнув руками, вылетел из седла, упал на землю. Пуля из пистоли Казанкина попала в сердце атамана. Верных его камышинцев заговорщики зверски изрубили саблями.

Пешая вольница, оставленная без казацкой подмоги, была азовцами разгромлена. На поле боя осталось свыше четырехсот булавинцев, еще больше утонуло при переправах через Дон и Каланчу.

Казацкую конницу войсковые начальники распустили, Казаки

станицами пробирались по степным сакмам в свои городки. Запорожцы атамана Беловода и большая часть голутвенных ушли на Украину[30].

А Карп Казанкин, сопровождаемый полусотней заговорщиков, мчался в Черкасск. Нужно первому привезти туда известие об азовской неудаче, нужно успеть в короткую летнюю ночь учинить средь станичников сполох… И кто предугадает, что может произойти в эту ночь?

VI

Столица донского казачества жила в тревоге. Вызвана она была не азовскими событиями, о которых здесь еще никто не знал, а иными причинами.

6 июля прибежал в Черкасск сын Семена Драного Михайла со страшной вестью о разгроме донецкого войска у Кривой Луки и гибели отца.

А из всех булавинских атаманов Семен Драный пользовался наибольшим доверием старожилых казаков, у которых «вся надежда была на Драного», как свидетельствовал сам вышний командир князь Долгорукий. И если многие черкасские домовитые казаки уже поняли, что булавинцам так или иначе не устоять против царских войск, то значительная часть старожилого казачества, пока Семен Драный успешно защищал на Донце казачьи городки, не ощущая для себя непосредственной опасности, поддерживала булавинцев.

Разгром донецкого войска освобождал дорогу на Дон для карательной царской армии. Старожилым, особенно верховых станиц, казакам приходилось теперь волей-неволей думать о том, как уберечь свои головы, не пострадать за участие в донском мятеже. Тайные заговорщики умело воспользовались обстоятельствами, стали толкать старожилых казаков на предательство. Верно служившие Булавину казаки Сухаревской станицы во главе с атаманом Иваном Наумовым первыми «отошли от вора и принесли повинную» вышнему командиру.

«Милости у тебя государя мы станицею и многогрешные просим, — писали сухаревцы. — Да ведомо тебе государю о сем буди, что шел снизу с Донца Сережка Беспалой со многим собранием и везде прельщал своим озорничеством нашу братию, казаков многих бил на смерть и в воду сажал и вешал и животы наши грабил и неволею нас к себе приворочил. И от такого его озорничества мы убогие, боясь, их слушали. И брал нас в свое

войско неволею. И ты пожалуй князь Василий Володимерович в вине нашей помилосердствуй над нами».

Черкасские и ближних низовых станиц казаки тоже готовились принести повинную. Преданного Булавину охранника Михайлу Голубятникова в Скородумовской станице чуть не убили, когда он вздумал оправдывать войскового атамана. Кондратий Афанасьевич поехал в Рыковскую, хотел в кругу по-свойски потолковать о войсковых делах с казаками, но они под разными предлогами от сбора уклонились.

Булавин возвратился в Черкасск мрачней тучи. Рушились последние надежды. Он сознавал безвыходность положения. Царская карательная армия двигалась на Дон беспрепятственно, и защищаться было нечем. Поход под Азов представлялся теперь бесполезным. Если даже крепость будет взята, то удержать ее в своих руках не удастся. У Долгорукого под начальством свыше десяти тысяч регулярных войск.

Что же остается делать? Бежать на Кубань, как в свое время договаривался с Игнатом Некрасовым?

Об этом Булавин думал, но решиться никак не мог. Прежде, когда среди донских казаков существовало «общее согласие», можно было угрожать царю Петру, что они всем Войском Донским отложатся от него, уйдут на Кубань, если их будут утеснять. Переселение на Кубань, во всяком случае, задумывалось общее, телеги готовились не в одной Рыковской станице.

Теперь же все изменилось и осложнилось, казаки откладываться от царя явно передумали, надеясь на отпущение своих вин… А тайные недруги следят за каждым шагом войскового атамана и, проведав о бегстве его на Кубань, сейчас же пошлют погоню, и схватят в дороге, и выдадут царю. Они того случая давно ждут! Да и как навеки расстаться с родными, с детства любимыми местами, с донским привольем, как покинуть навсегда и жену и маленького сына, которых продолжали держать под стражей в Белгороде? Булавина не покидала надежда со временем выручить их, а если он уйдет на Кубань, то царь не остановится перед тем, чтоб расправиться с ними…

Кондратий Афанасьевич, тщательно поразмыслив; стал более склоняться к тому, чтоб на Кубань не уходить, а соединиться в Паньшином с Игнатом Некрасовым и, следуя его давнишнему совету, продолжить на Волге борьбу за вольность… Камышин и Царицын еще крепко держатся. На волжскую голытьбу можно вполне положиться.

Булавин вызвал находившегося последнее время при нем брата Ивана, приказал:

— Завтра, не мешкая, поезжай в Паньшин. Галю и Никишку

возьми с собой. Скажешь Некрасову, чтоб сюда не собирался, против царских войск нам не выстоять.

— А ты как же тут управляться станешь? — спросил брат.

— А я с утра в Азов поскачу и дня через три с лучшими казаками и легкими пушками тоже буду в Паньшином. На Волгу под Царицын пойдем, братуха!

Таков был замысел, однако осуществить его не удалось…

Черкасские заговорщики, возглавляемые Зерщиковым и Соколовым, соблюдая осторожность, собрались в ту ночь в Рыковской станице. Сюда прискакал и Карп Казанкин. Донесение его пришлось как нельзя кстати. Булавинская вольница под Азовом разбита. Более воинской силы у Булавина нет, обреченность его очевидна.

Рыковцы заволновались. Весной они первыми призывали Булавина и дольше других низовых казаков хранили верность ему, разве простит вышний командир их вину? Надо чем-то оправдать себя, заслужить снисхождение…

Тревожно стучались станичники в соседские курени, поднимали хозяев, шептались:

— Под Азовом от кровищи берега побурели… Луканьку Хохлача в клочья разорвали. И до нас скоро доберутся, царских ратных людей окорачивать некому…

— Ох, беда, кум, сам ведаю… Что делать — ума не дашь?

— Губернатор азовский, сказывают, всем милосердство сулил, кои от Кондрашки немедля отойдут и промысел над ним чинить станут…

— А совесть куда спрячешь, кум? Мы же сама войскового выбирали…

— Эка ты о чем! Замолим грехи под старость… Своя голова дороже всего.

И, захватив ружье или пищаль, бежали казаки к куреню Степки Ананьина, где толпились заговорщики, и там кричали:

— Схватить Кондрашку, выдать, нечего мешкать!

Карп Казанкин, хвативший с дороги добрый ковш горилки, ворочал мутными глазищами, распоряжался:

— Доставать вора живым надо, казаки… Зря не палить… Окружать со всех сторон…

— Окружим, не выпустим, порадеем! — откликаются станичники. — Не позабудьте службы нашей!

Среди рыковцев все же нашелся доброжелатель Булавина, или, как писал впоследствии Зерщиков, «не какой его единомышленник», который успел пробраться в Черкасск и предупредить войскового атамана о заговоре и готовящемся нападении.

Кондратий Афанасьевич, узнав о том, что среди заговорщиков находится Илья Зерщиков, схватился за голову и застонал. Слепец! Кому доверял, кому открывался в самых сокровенных замыслах! Вспомнил с неожиданной ясностью, как не раз приходилось слышать намеки на хитрость и двоедушие наказного атамана, вспомнил множество всяких странностей в его поведении… А с другой стороны, ведь не кто иной, как Зерщиков, оказывал постоянно помощь вольнице и настаивал на казни старшин и всегда стоял заодно… Кто мог подозревать его в измене!

Предаваться размышлениям, впрочем, было некогда. Булавин приказывает брату и верным охранникам закрыть двери и укрепить окна, оставив в них для стрельбы небольшие прорезы наподобие бойниц Сложенный из дубового леса дом превращается в крепость. Вместе с охранниками стоят с ружьями в руках Галя и Никиша. Дочь в казацком кафтане и шароварах похожа на казачонка. Губы сжаты, глаза сухо блестят. Булавин бросил взгляд на детей, подумал сожалея: «Эх, не успел отправить их отсюда!»

А короткая летняя ночь кончается. Над Доном курится туман. По небу ползут тяжелые облака, предвещая пасмурный день. Заговорщики осторожна, редкими цепями подбираются к атаманскому дому. Ближе, ближе… Булавин поднимает руку. Грянули выстрелы. Заговорщики отпрянули, укрываются за ближними куренями и в огородах.

И вдруг в тишине послышался резкий голос есаула Тимофея Соколова:

— Эй вы, в атаманском курене, сдавайтесь, надеясь на милость великого государя!

Булавин напряженно всматривается в прорез окна. Рука твердо сжимает пистоль. Вон из-за угла выскакал на сером жеребце Карп Казанкин, размахивает саблей, видимо старается поднять в бой казаков. Булавин стреляет. Казанкин хватается за простреленную папаху и поворачивает коня. Заговорщики поднимаются, бегут к дому. Меткие выстрелы охранников опять их останавливают.

Тимофей Соколов кричит надрываясь:

— Эй, слушайте! Не губите зря свои жизни. Кто от вора Кондрашки отойдет, тому милость окажется. Кто его, вора, схватит, тому полное прощение и награждение…

Булавин невольно повернулся, посмотрел на охранников. Кто они, эти оставшиеся с ним верные товарищи? Плечистый и суровый Михайла Голубятников — беглый тульский кузнец, веселый и озорной Кирюшка Курганов — беглый солдат, а тот,

рядом с ним, Ивашка Гайкин, — боярский бывший холоп… и остальные одиннадцать такие же обездоленные… Эти не продадут, не казаки!

Проходит несколько минут. Обстрел дома усиливается. Пули залетают в окна. Но наступать заговорщики боятся или чего-то ожидают?

Булавин по-прежнему стоит у окна. И видит, как из проулка выезжают одна за другой чем-то нагруженные арбы… Ах вот в чем дело! Подвозят сухой камыш, хотят по старому казацкому способу обложить дом и поджечь… Да, конец, надеяться больше не на что! Не выпустят! А живым попадаться к ним в руки нельзя…[31]

Блуждающий взгляд Кондратия Афанасьевича неожиданно задерживается на чем-то блестящем… Что там такое? Ага, булава! Казачья власть! Не за нее ли цеплялся Корнила Яковлев, когда предавал Степана Разина? Не с ней ли ходил изменник Лукьян Максимов усмирять вольницу? Не она ли нужна проклятому Илюшке Зерщикову? Нет, довольно!..

Он схватил булаву. Треск. Обломки летят в угол.

Затем, повернувшись к своим, медленно произносит:

— Конец… может, без меня вам будет легче уйти… Скажите всем, как продали нас… как погибла воля наша…

Он поднимает пистоль.

— Тятя! — дико вскрикивает Галя, бросаясь к отцу.

Поздно. Выстрел раздался. Булавин упал. Из левого виска льется кровь. Охранники стоят вокруг молча. Склонившись над трупом отца, рыдают дети.

Потом Галя поднимается. Смахнув рукавом кафтана слезы, подходит к двери:

— Пустите!..

Охранники переглядываются, не удерживают. Возможно, хоть ей удастся скрыться, избежать расправы. Михайла Голубятников открывает засовы.

Галя выбегает на улицу. Никишка выскакивает следом за сестрой. Кругом свистят пули. Несколько заговорщиков, заметив казачат, двинулись наперерез.

Галя, тяжело дыша, останавливается. Заговорщики настигают. Галя с ненавистью глядит на бородатые, потные, озлобленные лица станичников. В памяти молниеносно воскресает одна из бесед с отцом…

— Презренные, трусливые рабы! — восклицает Галя и выхватывает кинжал. — Смотрите, как умирает вольная казачка!..[32]

Удар в грудь силен и точен. Никита кидается к Гале, хватается за рукоять кинжала, может быть желая последовать

примеру сестры, но его оттаскивают чьи-то жестокие руки и гонят куда-то пинками и нагайками…

В это время грохотнула пушка, снятая с черкасской стены по приказу Зерщикова. Ядро пробило одну из дверей атаманского дома. Толпа заговорщиков во главе с Тимофеем Соколовым и Карпом Казанкиным с ревом устремилась в пролом,

…Спустя два дня губернатор азовский доносил царю Петру:

«Сего июля седьмого числа писали в Троицкой к нам холопем твоим из Черкасского донские казаки, Илья Григорьев и все войско донское… А в отписке их написано, что пересоветовав-де они войском донским на острову у себя тайно, согласись с рыковскими и с верховыми казаками, и собрався воинским поведением с ружьем, пришли к куреню вора и изменника проклятого Кондрашки Булавина, чтоб его вора с единомышленниками поймать. И он вор, видя свою, погибель, в курене заперся со своими советниками. И они войском в курень из пушек и из ружья стреляли и всякими мерами многое число его вора доставали. И он проклятый из куреня двух их казаков убил до смерти. И видя он вор свою погибель из пистоли убил себя сам до смерти. А советников его проклятых всех переловили и посажали на цепи до твоего Великого Государя указу, и поставили крепкие караулы. А тело его проклятого они войском донским для уверения посылают в Азов к нам холопем твоим. И июля в восьмой день писал в Азов он же Илья с Войском Донским, и прислали вора Булавина мертвое тело. А по осмотру у того вора голова простреляна знатно из пистоли в левый висок, и от тела его смердит. И мы холопи твои велели у того воровского тела отсечь голову, и ту его воровскую голову велели лекарям до твоего Великого Государя указу хранить, а тело его за ногу повешено у рек Каланчи и Дону, где у присланных его воров был бой. Да по сказке донских казаков, которые его воровское тело привезли в Азов, что-де того вора Булавина брат да сын, да пущие его воровские заводчики, Сеньки Драного сын, да атаман Ивашка Гайкин, Мишка Голубятников, Кирюшка Курганов с товарищами пойманы и сидят в Черкасском на цепях».

Петр с войском сторожил шведов в Горках близ Могилева. Донесение азовского губернатора несказанно царя обрадовало. По случаю «окончания злого воровства донских казаков» во всех полках служили благодарственные молебны. Вечером царь устроил пир для ближних сановников и генералов. Меншиков спьяну начал кричать, что-де того вора Кондрашку он бы мог с двумя солдатскими батальонами осилить. Петр, не выносивший, бахвальства, дважды изволил огреть любимца палкой и сказал:

— Не пристало после драки кулаками махать и себя пустыми небылицами прославлять. Вор тот был зело силен и опасен!

Артиллерийский салют из восьмидесяти семи пушек прозвучал трижды. В неприятельском лагере строились догадки: что это за праздник у московитов? Никто при этом не предполагал, что столь пышное торжество вызвано известием о самоубийстве мятежного простого донского казака.

VII

Игнату Некрасову удалось собрать в Паньшином и в станице Голубых тысячу казаков, и он намеревался идти в Черкасск, когда получил неожиданную весть о самоубийстве Булавина.

Некрасов немедля едет в Царицын, предлагает атаману Ивану Павлову, соединив силы, наказать за измену низовых донских казаков. «И был у них круг, — доносил один из тайных соглядатаев— и в кругу Некрасов говорил, чтоб взять из Царицына артиллерию и всеми идти на Дон, а Ивашка говорил, чтоб артиллерии не давать, а с Царицына всем идти плавною по Волге на море. И в том великой у них был спор и подрались, голытьба вступилась за Ивашку Павлова и приезжих с Некрасовым многих били и пограбили».

Некрасов возвратился в свою станицу Голубых. А Через два дня войска, посланные астраханским губернатором, взяли Царицын, и атаман Павлов с бурлаками и голытьбой явился в Паньшин.

Атаманы помирились. И Зерщикову, которого домовитые избрали войсковым атаманом, отправили гневную отписку:

«Прислана к нам по Дону и по городкам ваша войсковая грамота, а в ней писано: убили-де мы войском Кондратия Булавина, а того не написано за какую вину и с войскового ли суда, и то знатно, что не войском и не с войскового договору. Да вы же будто учинили и посажали многих атаманов молодцов из верховых городков при нем бывших… и поковав посажали по погребам, и тесните неведомо за какие дела?

И мы, собранное войско из верховых многих городков, известно чиним, чтобы вам, Илья Григорьевич, учинить отповедь за какую вину вы убили Булавина и стариков его? Да вы же сами излюбили и выбрали его атаманом и тех стариков, а ныне вы же их посажали в цепях и по погребам! И если вы не изволите отповеди учинить о Булавине, за какую его вину убили, и тех стариков не отпустите… мы всеми реками и собранным войском

будем немедленно к вам в Черкасской ради оговорки и подлинного розыску и за что вы без съезду рек так учинили? И у нас по рекам и по городкам на том положили, что идти к Черкасскому»…

На Зерщикова, однако, эта отписка никакого впечатления не произвела. Не обратил он внимания и на сообщение о том, что на Донце снова укрепляется в силах Никита Голый. Не до того было войсковому атаману. К Черкасску подходила карательная царская армия под начальством князя Долгорукого. Все помыслы Зерщикова сосредоточились на том, чтобы уберечь свою многогрешную голову. А воровская вольница теперь ничуть не страшила, пусть попробуют сюда сунуться!

26 июля Илья Григорьевич со всей старшиной и низовыми казаками, с войсковыми бунчуками и знаменами, выехал встречать вышнего командира.

Долгорукий поставил полки во фрунт. Казаки, далеко не доезжая, слезли с коней и, подойдя ближе, положили на землю знамена и легли сами в знак полной покорности.

Долгорукий велел им встать.

Зерщиков, поднявшись, произнес:

— Приносим всем Войском Донским вины свои великому государю и просим милости…

Долгорукий перебил:

— А в чем виновными себя являете?

Зерщиков, греша против истины, пояснил:

— Как вор Кондрашка пришел с голытьбой к Черкасскому и сидели мы в осаде от него, то казаки Рыковских станиц склонились к вору и черкасских соблазнили. А потом, как тот вор многих природных казаков побил и дома их разорил, мы ему со страху не противничали, а молчали…

Степан Ананьин за своих станичников заступился:

— Рыковские казаки хотя за вора Кондрашку вначале стояли, зато и заслуга их в убийстве вора есть… Ежели бы не рыковские, то черкасским жителям одним вора искоренить не по силам было.

Тимофей Соколов добавил:

— Сказать по правде, высокородный князь, не только рыковские, а все сплошь и черкасские казаки в том воровстве ровны. Ежели дело строго разыскивать — все кругом виноваты будут.

Зерщиков вынужден был с этим согласиться. И начал уверять князя в желании всего войска искупить свои вины, служить великому государю впредь всеусердно, не щадя ни крови, ни голов своих…

Долгорукий знал цену казацким клятвам и уверениям. Не

дослушав атамана, сказал сурово:

— Верность ваша и радение тогда великому государю явны будут, как воров и пущих заводчиков по всем станицам переловите и мне отдадите…

Старшины привели в княжеский обоз двадцать шесть булавинцев, среди них Ивана Булавина и Никишку, захваченных в Черкасске, и сорок галутвенных, пойманных под Азовом. Долгорукий приказал родных и ближних товарищей Булавина отправить в Москву в Преображенский приказ, остальных повесить.

В низовых донских станицах застучали топоры. Спешно строились виселицы. Начались казни. Азовский губернатор Толстой, прибывший в Черкасск, доносил царю:

«Вора Булавина голову и руки и ноги ростыкали по кольям и поставили в Черкасском против того места, где у них бывает круг, в том же месте повешено с ним восемь воров, которые пойманы у Азова из воровского его собрания; также и в Рыковской и во всех станицах у станишных изб повешено из таких же пойманных воров всего сорок человек. И, при помощи божией управясь с Черкасском, господин майор Долгорукий пойдет с полками на Некрасова и на Павлова к Паньшину… с ним же, Государь, пойдут донские казаки конницею и судовою. А в судовой пойдет атаманом Тимофей Соколов, который Вашему Величеству служил верно во время Булавина воровства… А у Черкасского для лучшего их укрепления оставили полковника Гульца с солдатским его полком, который будет стоять за Доном против Черкасского в крепости».

Вышний командир полагал строгими мерами «утишить донскую смуту» и «отбить у казаков охоту к воровству», а получилось наоборот, строгие меры лишь подлили масла в затихающий огонь.

В первые же дни после казней из Черкасска и ближних станиц ушли к Некрасову больше двухсот казаков. А многие верховые донские и донецкие городки совершенно опустели. Жители, устрашенные жестокой расправой, бежали к булавинским атаманам или укрывались в лесах с женами и детьми. В Есауловском городке, ниже Паньшина, собрались из шестнадцати станиц три тысячи казаков для отпора карателям. Казаки Сухаревской станицы, недавно принесшие повинную вышнему командиру, теперь вновь забунтовали, посажали на цепи домовитых и просили Некрасова, чтоб он принял их под свою руку.

Царь Петр, получив сообщение о казнях, сразу разгадал ошибку вышнего командира и написал ему:

«Господин майор! Письма ваши я получил, на которые ответствую, что по городкам вам велено так жестоко поступать в ту пору, пока еще были все в противности, а когда уже усмирились (хотя за неволею), то надлежит инако, а именно: заводчиков пущих казнить, а иных на каторгу, а прочих высылать в старые места, а городки жечь по прежнему указу. Сие чинить по тем городкам, которые велено вовсе искоренить, а которые по Дону старые городки, в тех только в некоторых, где пущее зло было, заводчиков только казнить, а прочих обнадеживать…»

Письмо это, впрочем, не дошло до вышнего командира, когда он с войском приблизился к Есаулову городку. Казаки, собравшиеся здесь, отбили первый приступ, но, увидев, что отсидеться в городке не удастся, сдались. И Долгорукий устроил здесь еще более ужасные казни. Он приказал четвертовать атамана Василия Тельного и двух старцев раскольников, служивших молебны о победе мятежников над государевыми людьми. А больше двухсот казаков было повешено на виселицах, сделанных на плотах, пущенных затем вниз по Дону[33].

Атаманы Игнат Некрасов и Иван Павлов, шедшие с конными казаками на помощь есауловцам, узнав об их страшной участи и не имея сил противиться царскому войску, решили уйти на Кубань. Более ничего не оставалось. Две тысячи казаков с женами и детьми переправились лунной августовской ночью через Дон под Нижне-Чирской. Отсюда шла на Кубань степная нагайская дорога.

Тяжело, ох, как тяжело было прощанье с родными местами! Занималась заря, когда перевезли на паромах последние телеги большого обоза. Погода стояла на редкость ласковая. В чистом небе гасли побледневшие звезды. Дон тихо и плавно катил свои воды. Кричали петухи в ближних станицах.

Пожилые казаки, сняв шапки, молча стояли на берегу, глядя в последний раз на привольное заречье и жадно вдыхая знакомые с детства запахи чебреца и горьковатой полыни. Беглые попы служили напутственные молебны. Рыдали казачки, ковыряя сухую донскую землю. Бережно зашивали ее в платки и одежду, чтобы там, на чужбине, в минуты тоски и тревоги благоговейно, как к святыне, прикоснуться к ней губами.

Игнат Некрасов, выслав вперед дозоры и двинув обоз, подскакал на горячем жеребце к казакам, крикнул:

— Эй, старики! Вы чего ж мешкаете?

— Горька росстань, Игнат, — отозвался один из станичников. — Хоть и не баловала нас жизня на родимой сторонушке, а как помыслишь, что навек ее покидаешь, сердце заходится…

— Ну, кто ведает, может и возвратиться доведется, — попробовал ободрить Некрасов.

— Куда там! — махнул рукой станичник. — Нам более на Дону не бывать, родимой сторонушки не видать… Детям аль внукам нашим привел бы господь дождаться того возврата.

До Кубани добрались беглецы благополучно. Об этом спустя месяц поведал посланный Некрасовым обратно на Дон казак Семен Селиванов. Вскоре он собрал и увел на Кубань еще около тысячи казаков с женами и детьми из Старо-Григорьевской, Есауловской, Кобылинской и Нижне-Чирской станиц[34].

…Бригадир Шидловский, участвовавший со слободскими полками в походе вышнего командира, писал своему покровителю князю Меншикову:

«Ныне мочно так разуметь, что по Дону может бунт утихнуть, понеже заводчики той Либерии побраны к Москве, а другие казнены, а Некрасов утек.

И сего августа двадцать девятого числа пошли мы с полками к реке Северскому Донцу для истребления оной же донской Либерии и для искоренения таких же воров и заводчиков Никиты Голого и Тишки Белогородца и для опустошения по Донцу построенных городков».

Между тем атаман Никита Голый с тремя тысячами казаков из верховых городков и с пешей вольницей, узнав о продвижении на Донец царских войск, перебрался на Дон и стал лагерем под Богучаром. Вышнему командиру гоняться за булавинцами было нелегко. «Зело поход мой труден, — жаловался он царю, — степь вся вызжена, кормов нет, люди и лошади томны». Долгорукий остановился в Острогожске, а под Богучар против Никиты Голого послал полковников фон Делдина и Тевяшова с двухтысячным конным отрядом.

Булавинцы боя не приняли и ушли к расположенному на Дону ниже Богучара, хорошо укрепленному Донецкому городку. Атаман этого городка Микула Колычев находился в старинных приятельских отношениях с Никитой Голым. Казаки. Донецкого городка приняли булавинцев как долгожданных гостей. Вы шли навстречу, помогли переправиться на бударах через Дон и устроиться «в крепи под горою», куда Колычев доставил несколько пушек. Конница фон Делдина и Тевяшова, отогнанная пушечным и ружейным огнем, возвратилась в Острогожск.

А в это время к Донецкому городку пристал огромный, на ста бударах, речной караван с провиантом. Караван следовал из Коротояка в Азов, сопровождаемый солдатским тысячным полком под начальством полковника Ильи Бильса.

Атаманы Микула Колычев и Никита Голый с несколькими

товарищами явились на будару к полковнику, вежливо с ним повидались и сказали:

— Стоят-де близ Донецкого воровские калмыки, и надо отбить у них русский ясырь, не даст ли господин полковник донецким казакам бочку пороха?

Бильс, полагая, что гости принадлежат к благонамеренному станичному начальству, принял их весьма учтиво, попотчевал вином, отпустил охотно бочку пороха и, в свою очередь, попросил:

— А вы бы, господа станичники, дали мне провожатых, коим сии речные мелководные места знаемы, дабы не посадить на мель будары…

Атаманы полковника уважили, проводников дали. Бильс повел свой караван вниз по Дону. Конные казаки Никиты Голого шли берегом.

Прошел час. Неожиданно поднялся сильный ветер. Несколько будар разбило на донской излучине. Никита Голый начал кричать полковнику, чтоб приставал к берегу. Бильс, опять ничего не подозревая, приказал повернуть караван.

Казаки внезапно бросились на офицеров и солдат, быстро их обезоружили. Полковника и главных его помощников утопили. Взяли несколько пушек, большой запас снарядов и пороха, ружей и пищалей. Государеву денежную казну, запрятанную в двух бочках, и офицерские пожитки тут же по своему обычаю раздуванили. Большая часть захваченных солдат присоединилась к казакам.

Весть о победе булавинцев быстро разнеслась по донским, донецким и хоперским станицам, разоренные казаки верховых городков и голутвенный люд ободрились.

Долгорукому вскоре донесли, что к атаману Никите Голому двигаются сухим и водным путем толпы конных и пеших из Микулинской, Решетовской, Вешенской, Тишанской и других станиц. А в Казанском донском городке «многие казаки и бурлаки говорят, что им, собрався, идти на самого князя Долгорукого или как он придет в Донецкой умереть им всем заодно, а Голого не выдать». А в Донецком городке, когда читали в кругу указ о поимке атамана Никиты Голого, казаки кричали, что «Голого и иных никого не выдадут, потому что и Булавин де потерян напрасно, и идти бы им на князя Долгорукого».

Вышний командир, недавно уверявший царя, будто «по Дону и Донцу все смирно», понял, что поступил опрометчиво и, по сути дела, ввел Петра в заблуждение.

Хладнокровный и мстительный царедворец успел сжечь все казацкие городки по Айдару и верхнему течению Донца, а также

десятки донских городков, порешив при этом разными способами около тридцати тысяч жителей этих городков и пришлой голытьбы[35]. Но народа он не смирил, народ продолжал бороться. Одержанная булавинцами победа над полковником Бильсом и вновь начавшийся сбор голутвенных наталкивали вышнего командира на печальные размышления. Донской бунт не окончился, а лишь затих, подобно тому, как затихает бушующее пламя костра, оставляя жар под слоем пепла. Достаточно малейшего ветерка — и огонь опять вспыхнет.

А Петр между тем, уразумев из донесений вышнего командира, что донская Либерия окончилась, потребовал спешного возвращения войск с Дона. Шведы начали наступление, 16 сентября их передовые части вошли в пределы Украины. Дорог был каждый солдатский батальон!

Долгорукий выполнить царского приказа, вызванного его собственным легкомыслием, никак не мог. Известив Петра о нападении Голого на провиантский речной караван, Долгорукий далее писал:

«Получил я указ Вашего Величества… Ежели я дело свое на Дону окончил, тогда б оставить на Воронеже столько, сколько из моих полков надобно, а с остальными полками шел бы я к Москве не мешкая. И по вышеписанному случаю, за воровством Голого, к Москве идти опасен от Вашего Величества гневу».

Долгорукий с несколькими конными полками, общей численностью четыре тысячи двести человек, и с легкими пушками двинулся к Донецкому городку. Никиты Голого и Микулы Колычева там не было, они с войском ушли в станицу Решетовскую. Донецкий Городок обороняли брат атамана Никита Колычев, и есаул Тимофей Щербак, под начальством которых находилась тысяча казаков и бурлаков. Они упорно защищались, но силы были неравны. Долгорукий взял и сжег городок. Все защитники погибли. Никиту Колычева и Тимофея Щербака четвертовали, его пятьдесят человек повесили, остальных порубили в бою.

После этой расправы вышний командир подошел к станице Решетовской. Никите Голому не удалось, как он рассчитывал, избежать боя и перебраться на Хопер. Конница Долгорукого ворвалась в станицу и, выбив отсюда конных казаков и пешую вольницу, погнала их к Дону. Долгорукий отдал приказ пленных не брать. Драгуны порубили свыше трех тысяч вольных, и многих перестреляли при переправе через Дон. Сто двадцать раненых, подобранных на поле битвы, были повешены.

Голому и Микуле Колычеву с десятком казаков удалось убежать, но вскоре они были пойманы и отправлены в

Преображенский приказ, где после страшных пыток им отрубили головы.

Так закончили жизнь последние, наиболее видные и упорные защитники донской либерии.

Боярско-помещичья власть огнем и кровью подавляя народные восстания, жестоко мстила всем родным и близким бунтовщиков. В застенках Преображенского приказа погибли все родные Кондратия Булавина: брат Иван, сын Никиша и племянник Левка. Жену Никиты Голого и старуху мать домовитые казаки утопили в хоперской станице Тишанской. Вырезаны были все родичи Семена Драного. Неизвестна лишь дальнейшая судьба жены Булавина и оставшегося в грудном возрасте сына, сидевших в Белгородском остроге.

Надо сказать, что не уберегли своих голов и многие из предателей. После самоубийства Булавина донские казаки послали к царю с повинною от всего войска Василия Поздеева, Степана Ананьина, Карпа Казанкина и других заговорщиков, которым за их «труды и радение» азовский губернатор и вышний командир обещали прощение и награждение. «Они сами просили у меня, — доносил Долгорукий царю Петру, — чтоб им ехать… И я их обнадежил Вашего Величества милостью».

Петр казацких двурушников не жаловал. Они переданы были в Преображенский приказ, где и погибли. Одновременно царь приказал Долгорукому взять под караул атамана Илью Зерщикова, а затем его по распоряжению Петра отправили в Черкасск и там отрубили голову.

Тимофея Соколова царь велел отдать в солдаты без выслуги.

И все же, разгромив грозную донскую либерию, царь, бояре и помещики долго еще чувствовали беспокойство. Стало потише на Дону, но не прекратилась на Руси борьба работных людей, крестьян и холопов против своих поработителей.

В 1709–1710 годах вспышки мятежей отмечаются в шестидесяти уездах. Крестьяне громят и поджигают помещичьи усадьбы, избивают господ, производят самовольные порубки леса и запашку земель. Создаются десятки повстанческих отрядов.

На верхней Волге по-прежнему действуют повстанцы под предводительством атамана Гаврюши Старченка. Они успешно отбиваются от государевых войск и появляются во многих уездах. Под Нижним Новгородом они захватывают струги с провиантом и оружием. В Лухском и Ветлужском уездах разбивают приказные избы, выпускают из тюрем колодников, грабят посадских богатеев. Костромской воевода жалуется, что от повстанцев атамана Старченка «все помещики и вотчинники костромские и

кинешемские бежали в город».

В Ярославском уезде держат в страхе дворян и служилых людей повстанцы атамана Боровиченка. В Тверском и Торжковском уездах повстанцы хозяйничают во многих селах. Они разбивают высланный против них воинский отряд и вскоре появляются близ Твери, а в «городе служилых людей мало и пороха нет, а воевода Кокошкин опасен».

В деревнях на средней Волге «чинят смуту» бежавшие с Дона булавинцы. В Петровском уезде действует хорошо вооруженный отряд, состоящий из беглых солдат Бильсова полка и бурлаков, принимавших участие в булавинском восстании.

Летом 1709 года один из булавинцев, по имени Василий, называет себя Булавиным, собирает ватагу из донских беглецов и укрепляется на реках Бузулуке и Медведице, где овладевает несколькими казацкими городками. Новоявленный Булавин замышляет «собрався идти на Русь» и привлекает к себе толпы голытьбы.

Заметим, кстати, что самозванное принятие клички «Булавин» происходит не впервые. Еще зимой 1707 года, когда Кондратий Булавин находился в Запорожской Сечи, под его именем успешно собирал вольницу казак Кузьма Акимов. Эти случаи самозванства лишний раз свидетельствуют об огромной притягательной силе для широких народных масс имени Кондратия Булавина.

И хотя в дореволюционное время Булавинское восстание замалчивалось или представлялось в искаженном виде, народ из поколения в поколение в устных рассказах и песнях хранил правду о том, во имя чего и как боролся и погиб вольнолюбивый атаман Кондратий Булавин.

В 1936 году на хуторе Лысогорском Хоперского района были записаны от старух казачек П. И. Володиной и Т. В. Зениной несколько старинных песен о Булавине[36].

Эти песни с поразительной исторической точностью воспроизводят отдельные эпизоды булавинского восстания. Одна из них — «Ходил Булавин по кругу» — рассказывает о приезде на Дон князя Долгорукого и о том, как читались казакам «указы скорописанные да облыжные» и как защитник простого народа Кондратий Булавин убивает князя. В песне «Я пущу стрелу» легко угадывается исторически достоверное отношение Булавина к одному из самых ярых ненавистников народа, азовскому губернатору Толстому:

Ты лети, стрела, быстрей молнии,
Прилети, стрела, до во крепость Азов,

Ты убей, порази воеводу царского,
Воеводу царского — злого недруга…

В песне «Не хочу я суда неправедного» говорится о размышлениях Булавина перед самоубийством:

Я не бражничал, добрый молодец,
Темной ночью не разбойничал,
А со своею я вот голытьбою
По степям все гулял, да погуливал,
Да громил бояр, воевод царских.
И за это вот народ честной
Мне одно лишь спасибо скажет…

В песне «На Донце-реке» красочно запечатлен образ вольнолюбивого и гордого атамана:

На Донце-реке, во казачьем городке,
Ой да вот он, во казачьем городке,
Появился, объявился Булавин — он Кондрат,
Ой да вот, Булавин — он Кондрат,
Кондрат — парень не простак, а удалый он казак,
Ой да вот, удалый он казак.
Зипун шитый серебром, сабля вострая при нем,
Ой да вот он, сабля вострая при нем.
Сабля вострая при нем, а глаза горят огнем,
Ой да вот он, а глаза горят огнем.
Шапку носит набекрень, не дотронься, не задень,
Ой да вот он, не дотронься, не задень.
Он по улице пройдет — воеводе шапочки не гнет,
Ой да вот он, воеводе шапочки не гнет,
Воеводе шапочки не гнет, только глазом поведет,
Ой да вот он, только глазом поведет,

В таком же духе и остальные записанные песни. Сложенные народом, они через века донесли до нас правду о грозной донской либерии и ее вожде Кондратии Булавине, правду, которой смертельно боялись господствующие классы царской самодержавной Руси.

После разгрома Булавинского восстания донскому казачеству пришлось проститься с последними вольностями. Царское правительство, уничтожив все казацкие городки по Хопру,

Медведице и Бузулуку, присоединило всю территорию этих рек к Воронежской губернии. Голытьба, населявшая эти городки, была частью истреблена, а уцелевшие от виселиц возвращены помещикам, опять попав под жестокий крепостнический произвол[37].

Заново отстроенный Бахмут становится центром вновь созданной провинции. За право владеть соляными бахмутскими промыслами между азовским губернатором Толстым и бригадиром Шидловским разгорелась страшная борьба. В письме к Меншикову, откровенно обещая царскому фавориту вознаградить услугу, Шидловский писал:

«Когда та донская либерия минется, прикажите ко мне прислать указ изнову те соляные заводы за-весть. А ему губернатору за дальним расстоянием, а паче же в чужие труды, интересоваться не надлежит».

Царь Петр рассудил дело по-своему; приказал соляные промыслы отписать на себя, а на деньги, выручаемые от продажи соли, довольствовать драгунский полк, расквартированный здесь для охраны провинции от воровских людей.

Казацкие земли по реке Айдару жалуются Острогожскому слободскому полку за участие в подавлении восстания.

Вся территория войска донского включается в состав Азовской губернии, казаки попадают под строжайший надзор губернатора и его тайных и явных соглядатаев.

Подобно другим крестьянско-казацким восстаниям того времени, и Булавинское восстание было обречено на неудачу. Оно не могло победить без связи с рабочим восстанием и без руководства рабочего класса. Только пролетариат мог внести в борьбу крепостного крестьянства и казацкой голытьбы необходимую организованность, большее сплочение сил и сознание конечных целей.

Однако Булавинское восстание, как и другие народные восстания против феодального гнета, имело огромное прогрессивное значение. Расшатывая феодальный, крепостнический строй, оно способствовало быстрейшему созреванию капитализма, в недрах которого рождался и мужал пролетариат, призванный историей освободить всех трудящихся от всякой эксплуатации господствующих классов.

Советский народ благоговейно чтит память тех, кто в далекие годы угнетения и бесправия мужественно боролся за вольность, и среди этих борцов имя Кондратия Булавина занимает не последнее место.

Примечания автора

Над материалами о Кондратии Афанасьевиче Булавине я начал работать много лет назад. Первый очерк, написанный мною о Булавине, был опубликован в альманахе «Литературный Воронеж» в 1938 году. Затем я использовал собранный материал в созданной мною народной трагедии «Кондрат Булавин» и частично в исторической хронике «Смутная пора».

Все события описываются в хронологическом порядке. Большинство цитируемых документов взято из сборника «Булавинское восстание», в таком случае особые указания на источник не делаются.

В документах, приводимых в книге, исправлены лишь грубо смысловые и орфографические ошибки.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНДРАТИЯ БУЛАВИНА

1671 — 6 июня в станице Трехизбянской в семье казака Афанасия Булавина родился третий сын, Кондратий.

1695–1696 — Булавин в составе казацких войск принимает участие в Азовских походах.

1703 — Войско Донское определяет Булавина атаманом над Бахмутскими казаками-солеварами.

1705 — изюмский полковник Шидловский самовольно заводит свои соляные промыслы на Бахмуте. Булавин, охраняя интересы донского казачества, разоряет соляные промыслы изюмцев.

1706 — Булавин не допускает к описанию спорных бахмутских земель дьяка Горчакова и, продержав его «за караулом», отправляет обратно в Воронеж.

1706–1707 — зима — Булавин — у кубанских казаков, среди которых его брат и племянники.

1707, сентябрь — Булавин по соглашению с войсковым атаманом Л. Максимовым собирает вольницу для убийства князя Юрия Долгорукого.

1707 — в ночь на 9 октября Булавин с вольницей внезапно нападает в городке Шульгине на драгунский отряд Долгорукого, убивает князя, офицеров и всех драгун, оказавших сопротивление.

1707, 22 октября — войсковой атаман Л. Максимов предательски нападает на реке Айдаре на Булавина и его вольницу. Булавин с несколькими товарищами спасается бегством.

1707, декабрь — Булавин приезжает в Запорожскую Сечь, обращается с просьбой о помощи к запорожским казакам.

1708, январь — Булавин поселяется в запорожском городке Кодаке, где собирает добровольцев в свое войско.

1708, начало марта — Булавин появляется в Пристанском городке на Хопре, где собирает десятитысячное войско из верховых казаков и голытьбы.

1708, 80 марта — булавинский атаман Л. Хохлач захватывает город Бобров.

1708, конец, марта — Булавин с войском «сухим и плавным

путем», идет на Черкасск.

1708, 8 апреля — сражение на речке Лисковатке. Булавин наголову разбивает войско Л. Максимова, захватив весь войсковой обоз, пушки и восемь тысяч рублей.

1708, 12 апреля — царь Петр выделяет войска для посылки на Дон и назначает «вышним командиром» карательной армии В. В. Долгорукого, брата убитого Булавиным князя Юрия.

1708, 1 мая — Булавин занимает столицу донского казачества Черкасск.

1708, 6 мая — казнь войскового атамана Л. Максимова и пятерых предателей-старшин.

1708, 9 мая — войсковой круг из представителей 110 станиц избирает К. Булавина войсковым атаманом.

1708, 12 мая — Булавин пишет письмо царю Петру, объясняя причины казни старшин и предупреждая, что в случае присылки правительственных войск казаки будут «противиться всеми реками».

1708, 13 мая — булавинцы овладели городом Дмитриевском (Камышином).

1708, конец июня — булавинцы овладели после недолгой осады городом Царицыном.

1708,2 июля — царские войска разбивают у Кривой Луки булавинские полки атамана С. Драного.

1708, 5 июля — булавинцы терпят поражение под Азовом.

1708, 7 июля — изменники-казаки окружили в Черкасске атаманский дом. Булавин застрелился.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Булавинское восстание. Труды историко-археографического института Академии наук СССР, Москва, 1935 г.

Броневский, История Донского Войска. СПБ, 1834 г.

Голиков, Деяния Петра Великого, часть XI, М., 1789 г.

Задонский Н., Кондрат Булавин. Народная трагедия и исторический очерк. Воронеж, 1938 г.

Задонский Н., Смутная пора, Историческая хроника. Воронеж, 1954 г,

Краснов, Земля Войска Донского. СПБ, 1836 г.

Лебедев В., Булавинское восстание. М., 1934 г.

Лебедев В., Восстание Булавина. Предисловие к трагедии Н. Задонского «Кондрат Булавин», Куйбышев, 1950 г.

Плеханов Г., Движение русской общественной мысли после петровских реформ. Сочинения, т. XXI, 1925 г.

Ригельман А., История о донских казаках (рукопись), 1778 г.

Савельев Е., История Дона.

Соловьев С., История России, том 3.

Сухоруков., Историческое описание земли Войска Донского.

Чаев Н., Булавинское восстание, М., 1934 г.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Задонский Николай Алексеевич родился в 1900 году в г. Задонске Липецкой области. С 1917 года работает в советской печати как журналист, В 1920 году выходит пьеса для клубных театров «Деньги». В последующие годы написан еще ряд пьес, поставленных во многих театрах, в том числе народная трагедия «Кондрат Булавин».

В последние годы Н. Задонским опубликована книга заволжских очерков «Степняки», исторические хроники «Смутная пора» и «Денис Давыдов».

notes

Примечания

1

М. Горький, История деревни. Журнал «Большевик», № 14; 1936 год.

2

Все даты указаны в книге по старому стилю.

3

Астраханский бунт был в 1705 году. Донская старшина сумела удержать казаков от участия в этом бунте и выдала московскому правительству укрывшихся на Дону «заводчиков», «Царь пожаловал Донцов за верную службу войсковыми клейнотами, послал им пернач серебряный с каменьем золочен, бунчук с яблоком и с доскою и с трубкою серебряной золочен, знамя большое, писанное на камке золотом, шесть знамен камчатых станичных» (Соловьев, История России).

(Здесь и далее прим. автора)

4

Царю Петру князь Долгорукий сообщил:

«По тому твоему, Великий Государь, имянному указу и по грамоте, сего сентября во второй день приехал я холоп твой на Дон в городок Черкасской и войсковому атаману Лукьяну Максимову и всему войску донскому твой, Великий Государь, имянной указ сказывал, чтобы они войском мне в вышеписанном городку Черкасском и в иных городках беглых всяких чинов людей сыскивать велели. И они войском в том городку Черкасском всяких чинов людей сыскивать мне не дали, о том они войском дали мне сказку за рукою и за войсковою печатью. И с той их сказки список к тебе, великий государь, послал я под сей отпиской. А выше того Черкасского городка во все по Дону и по иным рекам стоящие донские городки послали они войсковые письма к атаманам и казакам, чтобы тех городков атаманы и казаки в сыске и в отдаче беглых всяких чинов людей были мне и посланным от меня офицерам во всем послушны. И для того послали они войском со мною холопом твоим старшин своих, знатных людей».

5

Связь Зерщикова с Булавиным отмечает генерал Ригельман в своей рукописи: «Сей злодей Кондрашка Булавин был Войска Донского казак, жительства из бывшей Трехизбянской станицы, при Северном Донце. Он определен был от бывшего войскового атамана Ильи Григорьева, сына Зерщикова, ведомства их, Войска Донского, в Бахмуте в соленому заводу, над работными людьми солеварами атаманом. Где будучи, имел он при себе набранных гультяев, запорожцев, черкес и прочих людей сот до пяти человек».

6

Войсковой атаман послал в Москву в Посольский приказ на полковника Шидловского жалобу, в которой сообщалось, что «он, полковник, им казакам в урочищах на речке Бахмуте селиться не дал и новопостроенный их казацкий городок с жилищами разорил до основания, и пожитки их казацкие от полчан его разграблены, и соляными их казацкими заводами завладел, и их казаков с того поселения с бесчестьем и ругательством согнал, похваляясь смертным убийством, без указу, самовольством своим. И на рубежной речке Жеребце, на дачах их, донских казаков, также и на Красной речке мельницы и пасеки и всякие селитебные заводы он, полковник, и полчане его заводят самовольством, а их казаков стесняют, и луга и сенные покосы и всякие угодья отбивают… и в те угодья выезжать им казакам не велят и похваляются на них смертным убийством».

Со своей стороны, полковник Шидловский жалуется на донских казаков, которые «без его Государева указу из тех угодий с поселения Изюмского полку казаков выгоняют и чинят им многие обиды и бьют и грабят и сено косить не дают, и похваляются смертным убийством и разорением».

7

В отписке царю донской старшины о поступке Паньки Новикова говорится:

«А как был с розыском князь Юрий Владимирович и при нем будучие офицеры и старшины наши в Явсужском городке, и в то время Шульгинского городка атаман Фома Алексеев, уведав о таком злом совете, что собираются воры и изменники в некоем тайном месте и хотят-де князя Юрия Владимировича убить, и о том написал письмо и послал той же своей Шульгинской станицы с казаком Панькой Новиковым в Явсужскую станицу, к нашим старшинам Абросиму Савельеву с товарищами… И тот казак Панька с тем посланным от Фомы письмом не поехал в Явсужскую станицу, а поворотя поехал в то место, где собирались оные воры и изменники, и им-то письмо объявил».

После разгрома булавинцев на Айдаре Панька Новиков был пойман и отправлен в Москву, где и погиб в Преображенском приказе.

8

Весьма важный вопрос о том, действительно ли Булавин заранее договаривался с астраханцами, запорожскими и терскими казаками о помощи на случай восстания, до сих пор никем из историков не поднимался. А между тем решение этого вопроса имеет очень важное значение.

Возможно, разумеется, Булавин сказал о своей связи с астраханцами, запорожцами и терскими казаками для того, чтоб укрепить доверие к себе восставшей голытьбы, а возможно, казак Мануйлов, давая показания, просто присочинил эту фразу. В свое время, работая над первым очерком о Булавине, я, как и другие его биографы, тоже этой, никакими документами не подтвержденной фразе значения не придал. Однако впоследствии, продолжая работу над булавинскими материалами, я обнаружил некоторые документальные намеки на возможную связь Булавина с теми казаками, о которых он сказал.

Английский посланник при русском дворе Чарльз Витворт 5 мая 1708 года в письме к статс-секретарю Гарлею прямо указывал, что Булавин «участник астраханского бунта, успевший бежать».

О том, что Булавин еще до восстания бывал в Запорожье, можно догадываться по тому, что после предательства войскового атамана он появляется в Сечи как старый знакомый запорожцев, превосходно осведомленный о всех их обычаях.

Несомненно, бывал Булавин у кубанских казаков, среди которых находился его брат и много приятелей. В письме к кубанским казакам 27 мая 1708 года Булавин называет их по именам, бьет челом «всем приятелям, с которыми мы зиму зимовали и нужду терпели».

Таким образом, имеются основания полагать, что Булавин начал думать о возможности восстания не осенью 1707 года, а значительно раньше.

9

В этом красочном и довольно достоверном свидетельстве очевидца вызывает сомнение лишь упоминание о якобы замышляемом Булавиным походе на Азов и Таганрог, а затем на Воронеж и Москву. Мануйлов, вероятно, слышал об этом от булавинской вольницы, среди которой подобные разговоры велись непрестанно. Сам же Булавин столь широкого замысла тогда еще не имел, его намерения ограничивались тем, чтоб добыть своим голутвенным зипуны, коней и оружие во владениях всем ненавистного Изюмского слободского полка и зимовать В Изюме, о чем и сообщила царю Петру донская войсковая старшина.

10

Посланная царю Петру отписка, восхваляющая усердие и верность домовитого казачества, была, разумеется, далека от истины.

«Наши казаки и калмыки, не допустя их воров и изменников до Закотного городка, боем на них били и к речке Айдару осадою их осадили, И мы холопи твои всем войском донским и с пушечным снарядом бой с ними учинили, и к ним приступали, и из пушек по них били, и в том бою знаменщика нашего убили и иных казаков и калмык ранили. И приспело время ночи, мы мало отступили, однако ж с того места свободного прохода в Закотный городок не дали, и караулы в удобных местах поставили.

И они, враги и богоотступники, видя над собой нужную осаду и смертную погибель, вначале оный проклятый враг и богоотступник Кондрашка Булавин тайно от них из осады в лес ушел, также и оные его советники един по единому тайно ж из осады в лес разбежались; потом между всеми ими мятеж учинился, и яко враги исчезоше, также разбежались.

И мы, холопи твои, служа тебе, великий государь, и радея усердно, не дожидаясь света, на них били и переимали многих рядовых, которые приставали к ним по убиению князя Юрия Владимировича, и тем наказания чинили: носы резали более ста человекам, а иных плетьми били, и из казачьих городков в русские города на Валуйки и в иные выслали, также и пущих заводчиков, которые в собрании быв, оный совет умышляли и князя Юрия Владимировича и с ним офицеров побили, и таких врагов и богоотступников многих на том же месте похватали, близ десяти человек повесили по деревьям по обыкности своей за ноги, а иных перестреляли…

А того вора и богоотступника Кондрашку Булавина и иных заводчиков велено у нас, холопей твоих, во всех казачьих городках сыскивать накрепко, и о том заказ учинить с жестоким страхом и под смертною казнью без пощады».

11

Странное на первый взгляд появление Булавина в Черкасске объясняется многими весьма существенными причинами. Н. С. Чаев по этому поводу делает нижеследующее замечание: «Тотчас же после убийства Ю. Долгорукого — т. е. первого акта восстания — консолидация казачества или, выражаясь словами документов, «их общее согласие» нарушается изменой Л. Максимова и связанной с ним группы старшины, переходящих на сторону московской ориентации. Однако эта группа не является, по-видимому, многочисленной и не пользуется популярностью. Большинство старшины и «домовитого» казачества в это время все еще продолжает сочувствовать активному выступлению против Москвы. Так, известно, что Булавин после разгрома на р, Айдаре появляется в Черкасске переодетым в монашенское платье и присутствует на войсковом кругу. Это происходит с ведома б. атамана Ильи Зерщикова, пользовавшегося большой популярностью в Черкасске в качестве давнего оппозиционера Москвы, Несомненно, Булавин не мог бы этого сделать, если бы большинство черкасского казачества не сочувствовало начатому выступлению. Вполне возможно, что, только убедившись в доминирующих симпатиях к продолжению борьбы с Москвой со стороны большинства казачества и получив директивы от его виднейших представителей (И, Зерщикова, В. Поздеева и др.), Булавин отправляется в Запорожье и ведет там переговоры о совместном выступлении против Москвы».

12

Эти и последующие выдержки из писем английского посланника Чарльза Витворта взяты из его переписки со статс-секретарем Гарлеем (Сборник русского исторического общества, т. 50, СПБ, 1886 г.).

13

В подлинном булавинском обращении, присланном киевским губернатором Голицыным царю Петру и хранящимся в петровских бумагах, последняя фраза написана так: «…то приезжайте в терны вершины самарские». Полагая, вероятно, что неведомое слово «терны» появилось в результате описки, С. М. Соловьев в «Истории России» записал вышеозначенную фразу так: «…то приезжайте в черны вершины Самарские». В таком виде в дальнейшем эта фраза и печаталась во всех описаниях Булавинского восстания, в том числе и в моих очерках. Звучало это весьма романтично («приезжайте в черны вершины Самарские!»), но совершенно искажало точный адрес, указанный Булавиным для собиравшихся повстанцев. Булавин писал обращение в запорожском городке Тернах, расположенном на гористом берегу речки Самары, поэтому я и делаю соответствующее исправление в тексте.

14

Последнее доношение киевского воеводы не совсем верно. Булавин, у которого под рукой было восемьсот запорожцев, покинул урочище на реке Вороной не потому, что «уведал» о собравшемся близ него Полтавском полку, а потому, что этот полк, под начальством Ивана Левенца, и другой конный компанейский полк, под начальством Кожуховского, посланные Мазепой, произвели нападение на конницу Булавина и принудили ее искать другого пристанища. Об этом свидетельствует нижеследующая царская грамота гетману Мазепе:

«Ныне нашему царскому величеству известно, что те посланные твои два полка, полтавский да компанейский, сойдясь с вором Булавиным с восемьсот человеками, с божьей помощью учинили над ними ворами булавинцами поиск, тех воров разбили и языков многих побрали. И мы, великий государь, тебя подданного нашего гетмана и кавалера Ивана Степановича за посылку тех регименту твоего двух полков ратных людей жалуем милостиво и премилостиво похваляем. И за ту службу указали мы послать полковнику полтавскому Ивану Левенцу и полковнику компанейскому Кожуховскому по паре соболей, по двадцати рублей пара, да по кафтану объяринному на лисьих бурых мехах. Сотникам двадцать одному человеку по поставу камок по паре соболей, по пяти рублей пара, человеку».

15

Г. В. Плеханов подтверждает: «Булавин, очевидно, хорошо знал, как дорого было многим недовольным «древлее благочестие». Он объявил себя его защитником, хотя сам он, может быть, мало дорожил им и, по-видимому, плохо понимал, чего собственно требуют староверы» (Г. В. Плеханов, Движение русской общественной мысли после Петровской реформы. Сочинения, т. XXI. Государственное издательство, 1925 г.).

16

Стремление действовать «с ведома общего совета», стремление улучшить казацкое самоуправление — наиболее яркая отличительная черта Кондратия Булавина как вождя казацко-крестьянского восстания. И, думается, эта сторона деятельности Булавина, никем еще не затронутая, заслуживает особого исследования.

Стоит представить, что происходило двести пятьдесят лет назад в Пристанском городке. В то время всюду господствовала монархическая власть и никто из русских людей не помышляя, об ином образе правления, А в Пристанском городке собираются «на совет» избранные в станицах «лучшие люди», утверждают ряд организационных мероприятий, выбирают временную исполнительную власть в лице походного атамана и старшины.

В дальнейшем, когда Черкасск булавинцами был взят, временная исполнительная власть, избранная в Пристанском городке, слагает свои обязанности. В Черкасск снова собираются «на совет» представители ста десяти станиц и городков, которые голосованием избирают всю донскую власть и войскового атамана и «по договору для крепкого впредь постоянства и твердости в книги написали».

Выборность, правда, существовала в донском войске издавна, но, с тех пор как донское казачество попало под контроль царского правительства, демократический характер выборов был утерян. Донская власть избиралась из среды домовитого казачества, из лиц, угодных царскому правительству, причем голутвенные казаки верховых городков в выборах не участвовали, а «крикунов из старожилых, коренных казаков» домовитые или подкупали, или устраняли от выборов,

Булавин изменил этот порядок. В выборах получили возможность участвовать самые широкие слои казачества и донской голытьбы. Такие меры, как конфискация церковных денег, или высылка богатых низовых казаков, или, наконец, введение «заповеди под смертной казнью, чтоб никто про имянование великого государя не вспоминал», были проведены Булавиным лишь потому, что за эти меры в войсковых советах стояли наиболее революционно настроенные представители голутвенного верхового казачества.

Все это, несомненно, должно представлять большой интерес для историков и исследователей.

17

Поражение булавинцев на Курлаке порадовало царя Петра, но возвращение Бахметева и Рыкмана в Воронеж причинило сильную досаду. Петр писал в Воронеж адмиралу Апраксину: «Поздравляю вашу милость добрыми ведомостями, что учинил господин Рыкман, где и сам ранен и прочие, над товарищами Булавина… токмо зело жаль, что была самая пора на них далее идти, и городки их воровские жечь и прочее делать» (Голиков, Деяния Петра Великого).

18

Пленные булавинцы все же не избежали страшной участи. 25 мая царь Петр писал адмиралу Апраксину: «Воров булавинцев, которые ныне на Воронеже, прикажи казнить и перевешать по дорогам ближе тех городков, где они жили и воровали, и о том изволь отписать к майору Долгорукому», В начале июня пленные булавинцы были повешены и расстреляны под Воронежем.

19

Киевский воевода Голицын 4 апреля 1708 года доносил царю Петру: «Булавина жена с сыном, которому полгода, привезена в Белгород. И о ней, что ваш указ повелит?» Царского ответа на этот вопрос нигде в бумагах я не обнаружил. Известно лишь, что в июле месяце среди белгородских заключенных «Ульяна Булавина с младенцем при ней» продолжала еще числиться. Дальнейшую судьбу ее выяснить не удалось,

Хочется отметить необычную форму и стиль переписки Булавина и его атаманов. Боярские и дворянские письма той эпохи характеризуются проявлением самого низкого угодничества и лести перед сильнейшими, бахвальства и чванства перед людьми, находящимися в подчинении.

Такими подписями, как «скудоумный раб твой» или «последний твой холоп», пестрят все дворянские письма к царю и вельможам.

Меншиков, став царским фаворитом, называет природного князя Григория Ивановича Волконского просто «Григорием», а иногда и «Гришкой», а Волконский именует себя «униженным рабом» фаворита и пишет ему в таком стиле: «Умилися надо мною таким бедным, чтобы я был взыскан вашею милостью, ни от кого себе помощи не имею, токмо надежду имею на бога и на вашу княжую милость, ото всех обидим, ни от кого не помилован».

В грамоте Булавина царю и воеводам унизительные для человеческого достоинства слова не употребляются. В письме Булавина князю Голицыну, как и в других его письмах, отражается твердая воля вождя народного восстания, сознание правоты затеянного им дела и уверенность в своих силах.

21

Посланные в Черкасск тайные соглядатаи доносили азовскому губернатору: «Да у него ж вора умышление, и будет посланные от него Некрасов и Драной полки Государевы разобьют и у него же вора намерение идти под Азов и под Троицкой и в Русь по городам до Москвы. А буде ратные Государевы полки тех ево единомышленников побьют, и у него вора с Некрасовым положено сбираться по Дону в Цимле, а собрався идти на Кубань».

22

Бывшие в Запорожье посадские люди на допросе показали: «И была-де в раде меж казаками битва великая и положили-де было на том, что идти под самарские города для разорения. И послали было в конное стадо для того походу. И того ж де числа присланы из Киева в Сечу к церкви черные попы на перемену прежним попам, и те попы выносили из церкви в раду святое евангелие и крест, и от такова злого намерения их запорожцев уговаривали и отвращали. И того-де числа та их рада не состоялась».

23

Донская либерия! Что это такое? Несомненно, что слово «либерия» происходит от латинского «libertas» (свобода), но я нигде не встречал документов, в которых «либерией» именовались бы восстания Разина или Пугачева, а в булавинских бумагах это слово употребляется неоднократно.

Бригадир Федор Шидловский, после того как булавинцы разгромили Сумской полк и укрепились в силах, доносит Меншикову: «Донские казаки делали тайно, а ныне явно объявили свою Либерию и воровство», В другом письме Шидловский сообщает, что пошел со своими полками «для истребления оной донской либерии и для искоренения воров». Следовательно, в понятие «либерия» вкладывалось нечто отличительное от обычного «бунта», или «воровства», как тогда назывались антиправительственные выступления народа.

Очевидно, имелась в виду возглавляемая Булавиным донская власть, стоявшая за казацкие вольности и пытавшаяся демократизировать казацкое самоуправление.

24

Г. В. Плеханов делает о Булавинском восстании нижеследующее замечание:

«Какие учреждения нужны и возможны были для того, чтобы оградить тяглую Русь от «напрасного» разорения, грабежа и битья, этого не знал Посошков, и это оставалось неизвестным всей многострадальной тягловой Руси. Для Булавина или для Голого этот вопрос решался очень просто: введением в России казацкого устройства. И мы видели, что, восставая против поставленных царем начальных людей, тяглые жители деревень и посадов не прочь были сделаться казаками. Но усвоение казацких порядков разве лишь на время устранило бы в России те общественные «неисправы», которые толкали ее черных людей на восстание: разделение общественного труда при данных экономических условиях опять привело бы к порабощению трудящейся массы. При этом, вероятно, исчезли бы некоторые, наиболее тяжелые и унизительные последствия ее порабощения. И это, разумеется, было бы чистым выигрышем для нее. Но и об этом можно было разве лишь мечтать. Соотношение общественных сил заранее обрекало на неудачу всякую попытку сломить установившийся на Руси общественно-политический строй» (Г. В. Плеханов, Движение русской общественной мысли после Петровской реформы. Сочинения, т. XXI. Государственное издательство, 1925 г.).

25

Азовский губернатор Толстой 5 июня 1708 года доносил царю следующее: «По ведомостям из Черкасского от Василия Фролова с товарищами уведал я, что оный вор Булавин хочет из Черкасского с единомышленниками своими бежать вскоре на Кубань, посылал я раб твой к Черкасскому для отгону воровских его конских табунов, чтобы оному вору бежать было не на чем. И те, Государь, посланные мои, согласясь с ним Василием с товарищами конские табуны от Черкасского отогнали к Азову и они Василий Фролов с товарищами приехали в Азов».

26

Изюмский житель Левко, бывший целовальник, показывал, как при нем «на Бахмуте сбирали бахмутцев всех в круг и в кругу читали войсковую от Булавина грамоту. А в той грамоте написано, чтоб во всех юртовских городках, также и в Бахмуте, поверстали казаков в десятки, а с десятка выслали по семи человек в Черкасск со всеми войсковыми припасами, а по три человека оставляли в куренях… Да в том же кругу сказано, чтоб войско охотное кто хочет шли небезпечно до Черкасского до Булавина».

27

«Приехали в Сечу от вора Булавина три человека с прелестным письмом, — сообщает комендант Каменнозатонской крепости на Днепре, — а в том письме написано, чтоб запорожцы к нему вору приходили, а он-де вор будто станет им давать на месяц по десяти рублей денег. И по тому письму идут многие запорожцы… А из Каменнозатонских солдатских полков мая в разных числах бежало солдат двадцать два человека…»

28

Булавин не ошибся. Украинский народ не пошел на сговор со шведами, а совместно с русскими войсками истреблял интервентов. Булавина в то время не было в живых, но уцелевшие после разгрома восстания булавинцы, бежавшие на Украину, соединившись с селянами в охотничьи партизанские отряды, приняли самое активное участие в борьбе против чужеземных захватчиков. Об этом подробно я писал в своей книге «Смутная пора».

29

Участник сражения у Кривой Луки офицер А. Ушаков так описывает это событие: «И пришли на него вора к тому урочищу июля второго дня за три часа до ночи. А он вор, увидя наш приход, к нам с конницею и с пехотою и с пушками из обозу своего вышел с полторы версты и учинили с нами баталию. И был бой до второго часу ночи… и их воров с того места сбили, и даже до самого обозу били и кололи, и его самого вора Драного убили, А воры остатние той же ночью через Донец переправляясь потонули, а другие переправясь Донец ушли. И на том бою их воров побили больше тысячи человек… А было их под тем местечком пять тысяч, да полторы тысячи запорожцев»,

30

Киевский воевода Голицын доносил о появления на Украине булавинцев: «У Днепра в Великом Логу 18 июля приехали булавинцы, черкасы, человек двести, которые ходили из Сечи вору на помочь. А полковником-де у них воров запорожский казак, прозванием Беловод, а сотником Кадацкой житель Кривошея. И сказывали, что были они у Булавина на Дону. И тот-де вор посылал их под Азов для взятия города, И под Азовом-де их разбили, многих побили и в воде потонуло и осталось их воров малое число… А 18 же июля на речке Волчье, в урочище Кленниках, наехали воры черкасы и русские люди, конница и пехота, тысячи с полторы у которых было двадцать знамен… И сказывали: были-де они у Булавина и у Драного и идут в Запорожскую Сечу и везут с собою на возах много раненых воров. Да с ними ж идут и бахмутские бурлаки, которые ходили с Бахмута с вором Драным».

31

«Булавин, оставленный всеми, кроме одиннадцати преданных ему человек, защищался отчаянно и убил из своих рук двух казаков, но увидя, что дом начали обкладывать камышом и готовились зажечь, застрелился из пистолета» («Воронежские акты»).

32

Донской историк Е. П. Савельев описывает смерть Булавина и его дочери несколько иначе. Заговорщики ворвались в атаманский дом. Вместе с Булавиным была переодетая в казацкое платье его дочь Галя. Она вместе рубилась с отцом и, раненная, падая, вскричала:

— Отец, спасенья нет!

Потом, увидев, что отец взвел курок пистоли, вскочила, обнажила кинжал и проколола себе грудь, воскликнув, обращаясь к изменникам:

— Рабы, презренные и жалкие рабы! Смотрите, как умирает свободная казачка…

И упала мертвой на труп отца.

Следует, однако, заметить, что это описание основано Савельевым не на документах, а на предании. А их существует несколько. В другом, например, утверждается, что заколовшая себя женщина была не дочерью, а «полюбовницей» Булавина. В третьем говорится о том, будто Булавин находился в связи с женой своего брата Петра красавицей черкешенкой.

Об этих преданиях я писал в послесловии к своей трагедии «Кондрат Булавин» (Воронежское книгоиздательство, 1938 г.).

33

Одновременно войска князя Хованского разгромили другую значительную группу булавинцев, собравшихся близ Паньшина, В письме к царю Хованский сообщал: «А было того их воровского собрания тысячи четыре, кроме жен и детей. А тех их жен и детей и пожитки их твои Государевы ратные люди да калмыки побрали по себе немалое число. А было того их воровского обозу с полторы тысячи телег, А которые воровские казаки с той баталии побежали было в лодках, и тех на плаву, нагнав на лошадях, калмыки множество покололи, а иных потопили, только их воров ушло в двух лодках самое малое число».

Хованский в этом же письме уведомляет, что его войска сожгли дотла восемь донских городков, в том числе Паньшин, Голубых, Качалин.

Булавинцы, бежавшие на Кубань, прожили там около семидесяти лет, а затем они, вернее их дети и внуки, были переселены на Дунай, Находясь под властью турок свыше двух столетий, потомки булавинцев и некрасовцев сохранили свою веру, быт, обычаи и продолжали страстно мечтать о возвращении на родину, но царское правительство отвергало все их ходатайства. Лишь при советской власти потомкам булавинцев и некрасовцев удалось осуществить свою мечту. Они трудятся ныне в украинских и придонских колхозах.

Долгорукий признает это в своих воспоминаниях. А генерал Ригельман отмечает, что Долгорукий «пойманных всех казнил и повешенных на плотах по Дону пущал. А не покоряющиеся, и бунтующиеся с супротивлением станицы, как то на Дону Старогригорьевскую, а при устье Хопра реки — Пристановскую, по Донцу, почав с Шульгинки, и все окольные их места даже до самой Луганской станицы — все вырублены и до основания истреблены и сожжены»,

Впервые эти старинные песни о Булавине были опубликованы в воронежском журнале «Подъем» № 4, 1957 г.

В связи с тем, что некоторые товарищи склонны усматривать в Булавинском восстании черты реакционности, считаю необходимым привести нижеследующее замечание известного советского историка профессора А. В. Шестакова: «Совершенно неправильно делать выводы о том, что движение Булавина было явлением реакционным, что восставшие срывали прогрессивную политику Петра I, боровшегося тогда не на жизнь, а на смерть со шведами, за вступление России в семью западноевропейских народов. Народные восстания были протестом не против того лучшего и прогрессивного, что приносил в Россию Петр I, Они были направлены против варварских методов царя-преобразователя, в них нашел свое выражение протест против того господства, которое своей политикой укреплял Петр I в интересах класса помещиков и нарождавшегося класса купцов» (А. В. Шестаков, Россия XVIII века — империя помещиков и купцов).